Мистическій пантеизмъ В. В. Розанова.

Предисловіе.

Странное, на первый взглядъ непонятное, да и вообще нелегко объяснимое явленіе замѣчается въ истори русской мысли. Въ Россіи, этой странѣ могучаго духовнаго размаха, среди необъятной шири, проникновенной глуби ея душевныхъ переживаній, при огромномъ умственномъ ростѣ ея за послѣдніе два столѣтія,—почти совсѣмъ не видно мыслителей, которые бы выдѣлились и весь міръ удивили громадностью какой-нибудь *стройной*, *законченной*, гармонически вырисованной системы. Россія живетъ напряженной, страстно волнующейся, вѣчно трепетной, углубленной и живой духовной жизнью; неугомная, неустанная, вѣчнотревожная, вѣчно безпокойная работа идетъ здѣсь, сильно бьется духовный пульсъ русской мысли, но въ результатѣ мы не видимъ грандіозныхъ философскихъ сооруженій, громадныхъ, построекъ съ правильной архитектурой, высокихъ царственныхъ дворцовъ и роскошныхъ каменныхъ палатъ философскихъ системъ, не видимъ первоклассныхъ философовъ, всѣми признанныхъ мыслителей. Въ отношеніи самыхъ крупныхъ выразителей русской духовной жизни, нашихъ колоссовъ,—европейцы, да и представители нашей академической философіи, всегда готовы спросить: да развѣ это философы!? И этотъ вопросъ-упрекъ, сокрытыя въ немъ сомнѣнія и недовѣріе давно уже тяготѣютъ надъ судьбами русской философіи. И въ тѣхъ немногихъ попыткахъ заняться судьбами русской философіи, которыя встрѣчаются въ нашей литературѣ, постоянно проступаютъ съ большей или меньшей опредѣленностью нотки этого вопроса-упрека, всегда чувствуется конфузливая

несмѣлость, робость передъ громадной тѣнью стыдящей насъ европейской философіи, стремленія прицѣпиться къ ней какими-нибудь, болѣе крѣпкими нитями; говорятъ о философскихъ кружкахъ идеалистовъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, о философскихъ исканіяхъ славянофиловъ, поминаютъ Сковороду или выискиваютъ болѣе замѣтныхъ русскихъ представителей современной академической философіи; самымъ надежнымъ оплотомъ въ концѣ концовъ оказывается все же Влад. Соловьевъ, этотъ, несомнѣнно, оригинальный русскій философъ, огромный и еще ростущій теперь, въ потомствѣ, первый *настоящій* русскій философъ и, быть можетъ, въ извѣстномъ смыслѣ единственно настоящій.

Правда, мощь русскаго мышленія сказалась въ нашей классической художественной литературѣ, которая отразила въ себѣ глубь русской духовной жизни. Здѣсь-то именно и скрывается на нашъ взглядъ настоящая русская философія, художественная философія въ цвѣту и въ краскахъ, сочная, благоухающая, ароматичная...

„Небогатая оригинальными философскими системами, русская литература тѣмъ не менѣе очень богата философіей, своеобразной, яркой и сочной. Русская художественная литература—вотъ истинная русская философія, самобытная, блестящая *философія* въ краскахъ слова, сіяющая радугой мыслей, облеченная въ плоть и кровь живыхъ образовъ художественнаго творчества. Всегда отзывчивая къ настоящему, преходящему, временному, русская художественная литература въ то же время всегда была сильна мыслью о вѣчномъ, непреходящемъ; почти всегда въ глубинѣ ея шла неустанная работа надъ самыми важными, неумирающими и значительными проблемами человѣческаго духа; съ проклятыми вопросами она почти никогда не разставалась. И какой роскошью линій и красокъ, какой дивной прелестью образовъ и картинъ развертывалась эта работа въ художественно-философскихъ, безсистемныхъ системахъ русскихъ писателей, въ ихъ, казалось бы, такихъ далекихъ отъ философіи, повѣстяхъ, романахъ и стихотвореніяхъ. За послѣднее время многіе стали понимать, что истинную русскую философію слѣдуетъ искать больше всего именно здѣсь. Пушкинъ и Лермонтовъ, Гоголь и Салтыковъ, Тургеневъ и Гончаровъ, Толстой и Достоевскій, Успенскій, Короленко, Чеховъ— все это подлинная наша философія, философія въ краскахъ и образахъ живого, дышащаго слова“ *).

---

*) „Журналъ для всѣхъ“. Августъ.

Богатства философіи, сокровища оригинальнаго мышленія не исчерпываются у насъ пока еще очень небогатой, чаще всего зависимой и малокровной академической философіей, не исчерпываются они и художественной философіей изящной литературы. Значительныя философскія дарованія ушли у насъ въ публицистику, которая въ силу историческихъ особенностей русской жизни заняла у насъ совершенно своеобразное положеніе. Въ публицистикѣ нашей сложнымъ клубкомъ сплелись интересы и вопросы художественные, философскіе, научные, моральные, религіозные; изъ-за нихъ-то собственно общественная жизнь только просвѣчивала, отражаясь и преломляясь въ самыхъ прихотливыхъ, запутанныхъ переплетеніяхъ всевозможныхъ элементовъ. Это сложное своеобразіе въ укладѣ русской жизни, эта недифференцированность русской мысли и слитность духовныхъ интересовъ русскихъ людей въ общей причудливой спайкѣ публицистики сильно способствовали тому, что значительныя русскія философскія силы растворились и, въ глазахъ академической исторіи философіи, затерялись въ пестрой паутинѣ текущей общественности, въ сутолокѣ журналистики. Такими философами въ публицистикѣ, людьми огромной умственной силы, писателями, имѣющими свою философскую индивидуальность, но не создавшими своей философской системы, были очень многіе русскіе писатели.

Такимъ же философомъ безъ системы, запрятавшимъ свою философію подъ пепломъ публицистики,—и на этотъ разъ публицистики совсѣмъ уже *иной* общественной цѣнности, такимъ мыслителемъ, разрывающимъ свое мышленіе по клочкамъ газетныхъ фельтоновъ и журнальныхъ статеекъ, является и В. В. Розановъ. Достойная оцѣнка его философскихъ исканій представляется несравненно болѣе затруднительной, чѣмъ кого бы то ни было изъ философовъ русской публицистики, его писанія, быть можетъ, долго не привлекутъ къ себѣ непредубѣжденно-искренняго, внимательнаго отношенія уже не только потому, что онъ далекъ отъ академическихъ философскихъ сферъ, а, главнымъ образомъ, еще и потому, что онъ далекъ отъ политической академіи, отъ общественныхъ настроеній передовой русской интелигенціи; онъ недоступенъ внимательному изученію не только потому, что онъ философъ-фельетонистъ, но и потому, что онъ философъ-фельетонистъ по большей части реакціонныхъ изданій.

Въ сущности, какъ мы дальше постараемся показать, общественно-политическія воззрѣнія реакціонной печати все болѣе и болѣе ста-

новятся чуждыми Розанову въ его все углубляющихся исканіяхъ. Не даромъ съ злобнымъ шипѣніемъ обрушиваются на него и озлобленно травятъ голоса изъ той самой реакціонной печати, которая не такъ еще давно принимала его къ себѣ, а теперь почувствовала, что съ врагомъ имѣетъ дѣло, поняла, наконецъ, что въ сердцевинѣ Розановскаго міросозерцанія кроется нѣчто живое, опасное и грозное для ея мертвящихъ поползновеній, для ея смердящаго дыханья. И понявъ это, понявъ, что ей хитро и тонко отказали въ сообщничествѣ, которое и раньше было чисто внѣшнимъ, она начинаетъ ругаться, выкрикивая безсмысленную брань *). Но тутъ за Розанова нельзя не порадоваться онъ могъ бы сказать ей, какъ сказалъ Кирилловъ въ „Бѣсахъ“ Достоевскаго передъ самоубійствомъ своимъ Петру Степановичу Верховенскому. „Наконецъ-то ты понялъ!—вскричалъ онъ восторженно.—Стало быть, можно же понять; если даже такой, какъ ты, понялъ“!

Это стало выясняться теперь, когда о Розанова спотыкаются часто даже въ самомъ „Новомъ Времени“...

Но и раньше, какъ это теперь становится все очевиднѣе, сближеніе Розанова съ реакціонной печатью въ общественно-политическомъ моментѣ было чѣмъ-то внѣшнимъ по отношенію къ основнымъ началамъ его увлеченій, какъ бы на живую нитку пристегнутымъ къ нимъ, скорѣе навязаннымъ случайными условіями литературной дѣятельности, чѣмъ соединеннымъ какимъ-нибудь внутреннимъ кровнымъ родствомъ съ самымъ духомъ его идейныхъ тяготѣній. Правда, отъ этого не легче, во многихъ отношеніяхъ даже тяжелѣе. Если философское ядро исканій Розанова высвобождается такимъ образомъ отъ всякихъ внутреннихъ, интимныхъ связей съ духомъ тѣхъ реакціон-

*) „О какомъ нравственномъ совершенствованіи можно говорить,—писалъ, напр., въ нынѣшнемъ году въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ г. Стародумъ,—если въявь къ общему соблазну, такіе очумѣвшіе эротоманы, какъ г. Розановъ, отправляютъ публично функціи своихъ болѣзненныхъ пороковъ и сладострастно хихикаютъ, когда ухитряются сказать намеками о самомъ тайномъ. Статья г. Розанова рисуетъ его, какъ духовнаго проходимца и отщепенца отъ вѣры Христовой. Она есть оскорбленіе общественной нравственности, поощрина здравому смыслу, скверное и постыдное богохульство, высшая мѣра низменнѣйшаго и грязнѣйшаго развратa, по крайней мѣрѣ умственнаго, а можетъ быть, и матеріальнаго“.

ныхъ изданій, въ которыхъ успѣлъ побывать Розановъ, то это лишь сгущаетъ ту мрачную тѣнь, которая лежитъ на Розановѣ, какъ писателѣ; эта тѣнь падаетъ на произведенія Розанова отъ тѣхъ изданій, въ которыхъ они печатались. Она затемняетъ собою истинную живую сущность его писаній. Участіе Розанова въ реакціонныхъ изданіяхъ представляется намъ очень сложнымъ, какъ бы двояко вогнутымъ лукавствомъ:—съ одной стороны—лукавствомъ заодно съ этими изданіями передъ читателемъ, съ другой—одиноко, въ собственной совѣсти, передъ самимъ собой, передъ природой своей. Впрочемъ, лукавство Розанова, какъ увидимъ далѣе, не оставляющее его и въ самыхъ интимныхъ углубленіяхъ религіозно-философскихъ исканій, гораздо сложнѣе и утонченнѣе, оно сложно и тонко, часто до неуловимости и во всякомъ случаѣ до непередаваемости, особенно съ документами въ рукахъ.

Но какъ бы то ни было этотъ сложный и тонкій въ лукавствѣ своемъ, теоретическомъ и практическомъ, писатель, успѣвшій побывать во всѣхъ злачныхъ и грязныхъ мѣстахъ литературы, писавшій и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, и въ „Русскомъ Обозрѣніи“, постоянно участвующій и теперь въ „Новомъ Времени“, написавшій здѣсь когда-то злобой шипящую статью о „Ходынкѣ“ и очень способный на самые ядовитые, злобные и неожиданные политическіе уколы и укусы, получившій отъ покойнаго Вл. Соловьева пронзительную кличку Іудушка Головлевъ *), этотъ своеобразный писатель, при всемъ своемъ испещренномъ всяческими записями формулярѣ,—несомнѣнно, займетъ видное мѣсто въ исторіи русской литературы и русской мысли, и на этомъ видномъ мѣстѣ онъ откроется не только съ темныхъ, отрицательныхъ своихъ сторонъ, но и съ положительныхъ—въ глубокомъ проникновеніи своихъ религіозно-философскихъ исканій, своихъ пытливыхъ вопрошаній и заглядываній.

Мы подчеркнули, можетъ быть, слишкомъ подчеркнули тѣневую сторону внѣшности публицистики Розанова, но въ сущности, въ отношеніи писателя такого углубленнаго исканія, такого геніально смѣлаго размаха мысли, какъ Розановъ, эта квалификація отъ партій, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь недостаточна, мало справедлива и какъ-то очень уже грубо поверхностна. Къ Розанову, какъ и напр., къ Ницше,

*) „Порфирій Головлевъ о свободѣ и вѣрѣ“. Собр. соч. В. С. Соловьева. т. V.

нужно подходить совсѣмъ инымъ подхожденіемъ, не пугаясь внѣшняго обличья, слѣдуетъ смѣлѣе, минуя его, заглядывать въ самое нутро писаній, бездонно глубокое и грозное.

Д. С. Мережковскій въ своей книгѣ „Жизнь и творчество Л. Толстого и Достоевскаго“ называетъ В. В. Розанова „русскимъ Ницше“. „Я знаю,—оговаривается Мережковскій,—что такое сопоставленіе многихъ удивитъ; но когда этотъ мыслитель, при всѣхъ своихъ слабостяхъ, въ иныхъ прозрѣніяхъ столь же геніальный какъ Ницше, и, можетъ быть, даже болѣе, чѣмъ Ницше, самородный, первозданный въ своей антихристіанской сущности, будетъ понятъ, то онъ окажется явленіемъ, едва ли не болѣе грознымъ, требующимъ большаго вниманія со стороны церкви, чѣмъ Л. Толстой, несмотря на всю теперешнюю разницу въ общественномъ вліяніи обоихъ писателей“ *). Чѣмъ дальше будетъ раскрываться Розановъ въ глубинахъ своего антихристіанства, внимательнымъ изученіемъ почувствовавшихъ его силу, тѣмъ болѣе удивленіе передъ смѣлостью сопоставленія Мережковскаго будетъ смѣняться удивленіемъ передъ Розановымъ...

Розановъ—несомнѣнно, громадный, оригинальный умъ, умъ пытающій, будоражащій, безпокойный, умъ, ищущій глубинъ и началъ, изумительно чуткій, *чувствующій умъ*. Сочетаніе этого ума съ сильнымъ чувствомъ, художественнымъ, сочнымъ, облеченнымъ въ плоть и кровь яркихъ красокъ жизни, тонкое чутье жизни, роскошь и окраска психологическаго оперенія дѣлаютъ его писанія такими дѣйственными, полнокровными, его вопрошанія такими пронзительно-острыми, его критику такой опрокидывающей, обличенія такими ядовитыми, садящими, шопотъ—такимъ страшнымъ. У Розанова чувствующій умъ и умное чувство, онъ художникъ въ своемъ мудрованіи, мудрецъ въ своемъ чувствованіи. Розановъ реалистъ, сильно ощутившій жизнь, опьяненный этимъ своимъ ощущеніемъ жизни, своей любовью къ землѣ, къ роскоши ея звуковъ, запаховъ, красокъ, формъ, линій, тѣней и оттѣнковъ; онъ любилъ реальность на ея блистающей радугой жизни, свѣтовой, солнечной поверхности, но въ немъ еще сильнѣе развито, утонченно и обострено чувство глубинной дѣйствительности, которая непосредственно, нутромъ, осязается имъ... Въ Розановѣ сильно мистическое чутье, чутье ноуменальнаго, потусвѣт-

*) Д. С. Мережковскій „Жизнь и творчество Л. Толстого и Достоевскаго“, т. II, стр. XX.

наго, онъ живо, почти осязательно, испытываетъ кровное „касаніе мірамъ инымъ“. Мощное ощущеніе реальнаго влечетъ его въ глубь дѣйствительности, въ непроницаемую темь, къ сокровеннымъ извилинамъ, таинственнымъ изломамъ, загадочно-скрытымъ изгибамъ въ сочлененіяхъ жизни, въ разслоеніяхъ природы. Розановъ ищетъ здѣсь разгадку тайны жизни, стремится раскрыть сокровенный смыслъ ея; сдѣлать это онъ пытается не столько раціоналистическимъ путемъ, путемъ *разумнаго познанія и опытнаго изслѣдованія*, а *больше* всего и прежде всего интуитивнымъ угадываніемъ. Онъ старается нащупать основной пульсъ жизни, взволнованно, напряженно вслушиваясь въ его мощное біеніе гдѣ-то тамъ въ темныхъ сокровенныхъ глубинахъ реальнаго. Чутко насторожившись и затаивъ дыханіе, съ замираніемъ сильно бьющагося сердца, онъ шепчетъ страшнымъ, прерывающимся отъ волненія шопотомъ свои странныя вопрошанія, тяжелыя недоумѣнія и жуткія, щекочущія догадки.

Онъ дрожитъ нервой дрожью и какъ бы ждетъ, что вотъ-вотъ обнаружится, явится самое-то важное, самое-то нутряное, сокровенное, вотъ-вотъ откроется, наконецъ, самый таинственный кладъ... По основному характеру своихъ религіозно философскихъ исканій, по душевному складу своихъ писаній, Розановъ прежде всего кладоискатель, мыслитель-кладоискатель. Глубокая увѣренность въ существованіи клада крѣпко засѣла въ его сильномъ, повышенномъ, углубленномъ чувствѣ жизни; напавъ на свою тему, онъ знаетъ теперь и мѣсто, гдѣ лежитъ этотъ кладъ, и съ тѣхъ поръ, нетоступно возвращаясь все на то же заколдованное мѣсто своей тайны, копаетъ и копаетъ его, снова и снова, все дальше и дальше опуская свой заступъ, все глубже и глубже врываясь въ почву, стараясь докопаться до самой сути, уйти въ бездонную глубь своей темы, чтобы тамъ открыть свой кладъ.

Розановъ мыслитель однодумъ, писатель одной своей собственной, глубоко своеобразной темы. „Есть люди съ великими *темами*, но безъ словъ, и есть люди съ богатыми словами, но которые *родились безъ темы*“ *). Розановъ родился со своей темой, онъ не сразу началъ съ нея, но разъ напалъ на свою тему, ощутилъ ее въ себѣ, онъ уже не разстается съ ней, развертываетъ ее, перевертываетъ,

---

*) В. В. Розановъ. „Религія и культура“. “Новые эмбріоны“, стр. 247. Курсивы автора.

углубляетъ и умудряетъ, стараясь докопаться до корней, до сокровеннѣйшихъ источниковъ ея. Тема Розанова кажется многимъ односторонней, не слишкомъ значительной, не требующей углубленныхъ мудрованій, а главное не очень удобной для всесторонняго обсужденія, почти неприличной, но онъ сумѣлъ развернуть свою тему въ цѣлое міросозерцаніе, сдѣлать ее неисчерпаемо многогранной, безконечно значительной, зовущей къ глубочайшимъ проникновеніямъ, всемірнымъ, всечеловѣческимъ, изначальнымъ волненіямъ. „Я бездаренъ, да тема-то моя талантливая“, пишетъ онъ съ игривой скромностью въ одномъ изъ своихъ афоризмовъ „на поляхъ непрочитанной книги“ *). Да, онъ родился съ темой *талантливой*, изъ нея родился, выросъ и развернулся всей полнотою своего мышленія, своего своеобразнаго чувствованія, своего чувственно-мудрствующаго генія. Какъ изъ яйца, Розановъ вылупился изъ своей темы, развернувъ проблему пола, семьи вглубь своего мистическаго пантеизма, своего углубленнаго реализма. Тема Розанова несравненно, неизмѣримо больше того, что раньше, до него. видѣли на мѣстѣ его темы, но она, эта Розановская тема, больше самой себя, больше тѣхъ мудрствованій и высказываній, которыя вообще возможны въ человѣческомъ мышленіи и человѣческой рѣчи. Розановъ самъ, конечно, понимаетъ это. „Можетъ быть одинъ упрекъ мнѣ,—оправдывается онъ въ тѣхъ же замѣткахъ „на поляхъ непрочитанной книги“: что я разболталъ Божію тайну, которая должна быть сокровенною, „во мглѣ“. Обнажилъ корешокъ древа жизни, который дѣйствуетъ, но невидимъ. Но за это уже пусть пеняютъ на гг. аскетовъ, которые вздумали отрицать Божію тайну. Да и потомъ я лишь указалъ, а не разъяснилъ: ибо полъ такъ и останется неисповѣдимъ. Мы видимъ молнію, но не понимаемъ электричества“ **). Онъ именно только *указываетъ*, но не *разъясняетъ*, потому что самое-то существенное здѣсь и неразъяснимо въ свѣтѣ раціональнаго, оно—ирраціонально, его Розановъ даетъ почувствовать, но не раскрываетъ, потому что оно таинственно, „во мглѣ“ скрыто, мистично въ существѣ своемъ. Онъ все время волнуется только *около* своей темы, ходитъ вокругъ нея, роетъ, подкапывается, чувствуетъ кладъ, реальность его, близость его, содрогается въ предчувствіяхъ, въ угадываніяхъ, но лица своей

*) „Сѣверные цвѣты“ на 1901 годъ.
**) „Сѣверные цвѣты“ на 1901 г.

тайны не видитъ, оно сокрыто. Этимъ опредѣляется и общій характеръ, духъ и самая форма его писаній, это возбужденное, прерывистое дыханіе ихъ, странныя и страшныя нашептыванія, нервное дрожаніе, улыбочки, усмѣшечки, вздохи... Онъ не просто разматываетъ нить своихъ мыслей съ большого и цѣльнаго клубка, а составляетъ, по ниточкамъ, уснащаетъ узелками, петельками, рветъ и обкусываетъ нитку, снова крутитъ, снова завязываетъ, разматываетъ и опять спутываетъ, чтобы снова разрывать, навязывать меленькими, меленькими узелками, цѣпкими, оригинальными. Онъ не идетъ по основной нити развитія своей темы, а какъ-то наскокомъ набрасывается на нее, догоняетъ и подгоняетъ самъ себя въ постоянныхъ „примѣчаніяхъ“ (В. Р—въ), восклицаетъ, прозрѣваетъ, предчувствуетъ, намекаетъ и ловитъ, весь въ намекахъ, въ обрывкахъ,—весь въ догадкахъ. Все время волнуется, гримасничаетъ, подмигиваетъ,—весь въ движеніи; подстерегаетъ свою мысль, издали приближается къ ней, какъ-то изогнувшись, притаившись, тихими совсѣмъ неслышными движеніями нацѣливается и вдругъ дернетъ за самую таинственную ниточку, за самую чуткую пружинку и съ размаху ударитъ въ самое чувствительное мѣсто... Весь въ движеніи; порою какъ-то весь расплывается, растворяется, таетъ въ игрѣ словъ, въ условности узоровъ, въ символикѣ намековъ и сравненій, точно весь прячется за ними, становясь невидимымъ, темнымъ, неуловимымъ въ мимикѣ, въ ужимочкахъ, въ словечкахъ, въ интонаціи.

По-своему пишетъ Розановъ, въ высшей степени *свое* у него письмо, особенное что-то, дразнящее, саднящее, соленое вмѣстѣ съ приторно-сладкимъ, теплымъ, грѣющимъ. Все нервно и нервно въ немъ. Рядомъ съ дѣйствительно глубокими проникновеніями, изящными сравненіями, пронизывающими, остроумными намеками—грубые удары обуха топора, грубѣйшія сравненія, что-нибудь насильственное, плоское, смѣшно-задорное, вульгарное. Изощренный іезуитизмъ и дѣтская наивность, демонизмъ и самое искреннѣйшее простодушіе, изступленный фанатизмъ и тончайшій скептицизмъ, жизнедышащая вѣра и цинизмъ смѣющагося невѣрія, все это уживается рядомъ, бокъ-о-бокъ, постоянно переходя одно въ другое, въ странной психологіи его писаній, сказываясь въ самой формѣ ихъ, въ стилѣ.

И юродивость эта, русская и іезуитская складочка, и морщинки всѣ, ужимки и усмѣшечки, наивность, переходящая въ напвничанье и совершенно-опредѣленное лукавство, все это сообщаетъ его письму

замѣчательное своеобразіе. Есть тутъ чуточку Достоевскаго, кое-что какъ будто напоминаетъ Лѣскова, многое взято просто съ улицы русской печати, и въ общемъ все, въ концѣ концовъ, свое собственное, несомнѣнное, подлинно Розановское.

Пишетъ Розановъ какъ-то путанно, нагромождая вводныя предложенія, относя отдѣльныя слова куда-то въ сторону, совсѣмъ прочь отъ истинно принадлежащаго имъ мѣста въ предложеніи. Иногда его періодъ нельзя прочесть, не поперхнувшись, но прочтя его, наконецъ, вы чаще всего ненремѣнно улыбнетесь и не безъ страннаго удовольствія, иногда и опять перечитаете. Любитъ онъ новообразованія словъ, словечки и выраженьица, любитъ ихъ по своему выворачивать и какъ бы любоваться ихъ новыми изгибами, хотя бы это и были искривленія прямыхъ словъ, но, такимъ образомъ, наростаетъ какъ бы новый слой на тѣхъ же словахъ, они выпячиваются и дразнятъ мысль, завлекая куда-то вглубь ихъ содержанія.

Рѣчь Розанова полна своеобразныхъ изломовъ и какихъ-то на первый взглядъ уродливыхъ вывиховъ, она извивается въ самыхъ неожиданныхъ и странныхъ вогнутостяхъ и выгнутостяхъ, пестритъ массой скобочекъ, кавычечекъ, подчеркиваній, повтореній, закругленій. Это какая-то славянская вязь, запутанная, сложная въ своей прихотливой изогнутости и по своему красивая, красивая именно въ своей своеобразной уродливости, въ юродивости своей. Замѣчательно интересный писатель!

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Исходная точка исканій Розанова.—Мистическій пантеизмъ, раскрытый имъ въ процессѣ критики христіанства, скорѣе какъ его поправка и дополненіе, чѣмъ какъ отрицаніе.—Углубленіе реализма въ мистическомъ чувствованіи жизни. Пантеизація христіанства.—Человѣкобожество и „здѣшняя вѣчная жизнь".—Безконечность жизни въ вѣчныхъ рожденіяхъ и „розовое безсмертіе".—Отрицаніе христіанской эсхатологіи.—Антитеза жизни и смерти, святости и грѣха.

„Клейкіе весенніе листочки, голубое небо люблю я, вотъ что! Тутъ не умъ, не логика, тутъ нутромъ, тутъ чревомъ любишь, первыя свои молодыя силы любишь. Понимаешь ли

ты что-нибудь въ моей ахинеѣ, Алешка, аль нѣтъ? — засмѣялся вдругъ Иванъ.

— Слишкомъ понимаю, Иванъ: нутромъ и чревомъ хочется любить,— прекрасно ты это сказалъ, и радъ я ужасно за то, что тебѣ такъ жить хочется, — воскликнулъ Алеша. — Я думаю, что всѣ должны прежде всего на свѣтѣ жизнь полюбить.

— Жизнь полюбить прежде, чѣмъ смыслъ ея?

— Непремѣнно такъ, полюбить прежде логики, какъ ты говоришь, непремѣнно прежде логики, и тогда только я и смыслъ пойму. Вотъ что мнѣ давно уже мерещится. Половина твоего дѣла сдѣлана, Иванъ, и пріобрѣтена; ты жизнь любишь. Теперь надо постараться тебѣ о второй твоей половинѣ, и ты спасенъ.

— Ужъ ты и спасаешь, да я и не погибалъ, быть можетъ"...

Достоевскій „Братья Карамазовы".

Все міросозерцаніе В. В. Розанова, какъ цвѣтокъ изъ лепестковъ, развертывается изъ таинственныхъ розовыхъ завитковъ проблемы пола, оно все дышитъ ею, оно все живетъ обаяніемъ поэзіи правды этой тайны дѣятельнаго, цвѣтущаго пола, около нея всѣ его волненія прозрѣнія, намеки и углубленія, въ тѣсномъ касаніи съ ней обра, зуется та сложная сѣть мистически-жизненныхъ узоровъ, та тонкая паутина религіозно-философскихъ исканій, которая подъ толстой корой всякаго наноснаго, съ любовью загребаемаго имъ сора, плетется, часто совсѣмъ незамѣтно, въ произведеніяхъ Розанова. „Религія почти во всей своей существующей полнотѣ струится отъ пола", — писалъ Розановъ въ одной своей наиболѣе яркой, выпуклой и цѣльной статьѣ „Семья, какъ религія" *). Страшной, пугающей *тайнѣ смерти* онъ противополагаетъ радостную, зовущую *тайну жизни*. Высшая всевмѣщающая въ себя, всеразрѣшающая тайна жизни для Розанова тайна рожденія, тайна плоти, плотскаго притяженія. Роза-

*) „Въ мірѣ неяснаго и нерѣшеннаго". Изданіе второе. 1904 г.

новъ съ страшной, потрясающей силой ощутилъ жизнь, живую жизнь, рождающую, ощутилъ и полѣзъ въ самую глубь ея, въ самую темь, въ сокровенное, загадочно темнѣющее, бездонно-глубокое жерло ея, полѣзъ, чтобы нащупать біеніе пульса жизни тамъ внутри, въ глубинѣ глубинъ ея, въ скрытыхъ, мистическихъ токахъ, въ мрачныхъ пучинахъ преисподней, въ изначальныхъ премірныхъ углахъ, въ глубочайшихъ, подземныхъ сочлененіяхъ, въ потемкахъ міровой бездны, міровой тайны.

Міросозерцаніе Розанова развертывается изъ углубленій проблемы пола на почвѣ критики христіанства...

Къ христіанству онъ подошелъ съ вѣрою и благоговѣніемъ, съ надеждой и ожиданіемъ. Въ противоположность Ницше и другимъ критикамъ-отрицателямъ христіанства, Розановъ не занялъ здѣсь сразу дерзновенной позиціи революціонера, пришедшаго разрушить старое до основанія; онъ не казался даже смѣлымъ реформаторомъ. Розановъ сначала просто только вноситъ *маленькую поправку*, какъ бы восполняетъ недосмотръ исторической интерпретаціи Христова ученія. Далѣе, впрочемъ, онъ уже говоритъ о *„новой концепціи христіанства“*, называетъ историческое христіанство— *„неудавшимся христіанствомъ“*, но только „историческое“— сущность же евангельской правды, христіанство вообще все еще, повидимому, съ нимъ, онъ съ именемъ Христовымъ на устахъ раскапываетъ свой кладъ. Онъ возстаетъ, казалось бы, только противъ номинализма въ христіанствѣ. „Оно имѣло великихъ учителей, наставниковъ, проповѣдниковъ, всего болѣе катехизаторовъ. Но оно не имѣло арфы и не выразилось въ псалтири. *Европейское человѣчество приняло „благую вѣсть“ на остріе разсужденій и отнесло ее въ академію, а не на умиленіе сердца и не понесло ее на струны.* Вотъ секретъ „тьмы“, объявшей „свѣтъ“, безсилія свѣта и нашего печальнаго fin de siècle“ *). „Мы поняли его (Евангеліе), т, е. XIX вѣковъ понимали, какъ нѣкоторую систему мышленія; *какъ бого-„мысліе“, а не бого-„ощущеніе“*. Можно сказать, вопреки тысячѣ словъ Самого Спасителя, мы все-таки взяли Евангеліе умомъ и въ умъ, а не сердцемъ въ сердце. Объ этомъ говорятъ исторіи семи вселенскихъ соборовъ и множество помѣстныхъ западныхъ, изъ ко-

*) „Въ мірѣ неяснаго и нерѣшеннаго“. „Истинный“ „fin de siècle“. Стр. 42.

торыхъ многіе продолжались семь, восемь, и даже—какъ тридентскій соборъ—цѣлыхъ тридцать лѣтъ. Тридцать лѣтъ разсужденій! Но мы не ошибаемся, если, компактно охвативъ христіанство, замѣтимъ, что всѣ почти двѣ тысячи лѣтъ европейское человѣчество разсуждало объ Евангеліи, надъ Евангеліемъ, по поводу Евангелія, между тѣмъ какъ его можно еще *почувствовать* и *исполнить*". „Замѣчательно,—продолжаетъ Розановъ нѣсколькими строками далѣе,— замѣчательно, что тогда какъ въ словахъ евангелистовъ есть несогласованности или трудно согласимыя мѣста, *въ Ликѣ Спасителя нѣтъ черты противорѣчивыхъ—Оно цѣльно и едино.* Тутъ всѣ вѣроисповѣданія сливаются, т. е. вѣроисповѣдныхъ *розницъ* не могло бы и возникнуть... если бы мы приняли къ исповѣданію всего Спасителя, а не помнили только тексты и ихъ „разночтенія". Что могла бы сказать тюбингенская школа передъ Лицомъ Спасителя? Какъ бозсильно разсыпался бы смѣхъ *Вольтера*! Да и вообще, кто въ человѣчествѣ могъ бы возстать противъ „поступающаго" Спасителя, какъ ленивый разумъ" возставалъ и оспаривалъ Его „говорящаго" или о Немъ „говорившихъ" евангелистовъ. Вотъ тема для великаго идеальнаго движенія XX вѣка: *разработка въ музыкальныхъ нотахъ того, что разрабатывали до сихъ поръ механизмомъ памяти.* Мы построили церковь исключительно въ чертахъ *точности* и *послѣдовательности*, почти юридической она стала или мы „усиливаемся" ее сдѣлать „хранителемъ", „консерваторомъ" каноническаго права, почти въ томъ смыслѣ, какъ есть „консерваторы", „хранители" музеевъ, археологическихъ и другихъ. Тьма, такъ явно „объявшая" христіанскій міръ, объяла вовсе не Ликъ Спасителя: какъ это могло бы быть съ Лицомъ Божіимъ? *Но она потому и объяла христіанскій міръ, что онъ вовсе въ себѣ не содержитъ этого Лица Божія, а лишь скудно и блѣдно содержитъ въ памяти одни донесенныя отъ Него* „Λόγοι". Такимъ образомъ, вовсе не почва христіанства оскудѣла подъ человѣкомъ, но собственно „выпахались" и „не рождаютъ" болѣе тѣ способности человѣческія, которыя непрерывно, двѣ тысячи лѣтъ, все однѣ и тѣ же, примѣнялись къ нему. „Умъ" христіанскій, „разсужденіе" христіанское—исчерпано, и, быть можетъ, истощено; сердце христіанское, порывъ христіанскій, музыка души христіанской не пробуждена, и она можетъ безконечно жить и безконечно, кажется,

можетъ сотворить...“ *). Такъ думалъ Розановъ на зарѣ своихъ исканій, въ начальныхъ точкахъ зарожденія своего критическаго отношенія къ христіанству. Съ Христомъ онъ идетъ въ таинственную темь зовущихъ его глубинъ жизни... „Дать почувствовать семью какъ ступень поднятія къ Богу“ **), такъ опредѣляетъ онъ свою задачу и въ дальнѣйшихъ изысканіяхъ, въ углубленіяхъ и истонченіяхъ своего міросозерцанія. „Къ Богу“, но къ какому Богу?

Даны двѣ заповѣди, обѣ одинаково божественны, обѣ въ евангеліи, обѣ отъ Христа; бракъ и дѣвство, плоть святая, благословенная и плоть грѣшная, распятая. „Есть *религія Голговы*; но можетъ быть и *религія Виѳлеема*; *есть религія „пустыни“*, *„Петрова камня“*, *но есть и религія „животныхъ стадъ“*, *окружавшихъ „ясли“*, *и многодумныхъ „волхвовъ съ Востока“*, пришедшихъ въ Виѳлеемъ поклониться исполненію какихъ-то своихъ чаяній. Гробъ есть второе житіе человѣка, за коимъ начинается *поздняя безконечность*; но и колыбель есть его первое житіе, и ему также предшествуетъ *раняя безконечность*. Мы подходимъ къ фундаменту религіи, и наблюдаемъ, что ихъ — два: за гробомъ, передъ рожденіемъ. Тамъ и здѣсь — „тотъ свѣтъ“. Мы ихъ предчувствуемъ, предчувствовалъ и Гамлетъ:

. . . . умереть-уснуть.
Но если сонъ *видѣнья* посѣтятъ?

Однако, есть иной стихъ: о предвременныхъ видѣніяхъ души, о до-земныхъ выслушанныхъ ею „пѣсняхъ“, памятью коихъ жива и бываетъ утѣшена она на землѣ!

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра, печали и слезъ.
. . . . . .
Онъ пѣлъ о *блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ*
Подъ кущами райскихъ садовъ
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ...
. . . . . .

*) Тамъ-же, стр. 44,

**) Въ предисловіи ко второму изданію книги „Въ мірѣ неяснаго и не рѣшеннаго“. 1904 г.

И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.
И долго на свѣтѣ томилась она
Желаніемъ...

Чаянія человѣчества, не только поэтовъ и мудрецовъ, но и сущихъ сиротъ въ знаніи, равно ожидаютъ Бога—какъ тамъ такъ и здѣсь. Свято—„уснуть“, свято однако и „родиться“. Христосъ „родился“ былъ „младенцемъ“, имѣлъ земную „матерь“. Храмъ есть Голгоѳа, но храмъ—и Виѳлеемъ; религія есть монастырь, но почему не быть религіей и семьѣ? Раскопаемъ, разроемъ ея неясную „землю“... Рахиль и Іаковъ, Долли и Анна; но въ глубинѣ, но дальше, за „завѣсою“, подъ „крышкою“—то, надъ чѣмъ сорвавъ покровъ—отошелъ въ сторону Достоевскій... Моисей и его скрижали съ заповѣдью „чти отца и мать“, впереди поставленную (ближе къ Богу), чѣмъ „не убей“, дальше, за Моисеемъ.

. . . чуждый тѣни
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ.

Царство праха, царство *давняго* забвенія; царство мумій и іероглифовъ и странныхъ сфинксовъ. Эта страна, которая даже по писаніямъ намъ современныхъ христіанскихъ историковъ—была полна самаго пламеннаго теизма и глубоко мистическихъ содержаній; страна, которая въ началѣ нашей эры сыграла фундаментальную роль въ построеніи самого христіанства (Оригенъ, Климентъ Александрійскій). У насъ въ Петербургѣ, *возлѣ Николаевскаго моста, есть два сфинкса*, мимо которыхъ нельзя пройти безъ волненія. Какъ неувядаемо жизненно сложеніе ихъ членовъ!

Улыбки черезъ четыре тысячи лѣтъ—улыбки печальнымъ, хмурымъ петербужцамъ: юныя и веселыя лица сфинксовъ точно хотятъ прыснуть смѣхомъ на недогадливаго зрителя. Аллеи такихъ сфинксовъ, какъ извѣстно, вели къ египетскимъ храмамъ—неразгаданнаго поклоненія (и по Хрисанѳу—нѣтъ удовлетворительной теоріи для объясненія характернаго для египтянъ поклоненія животнымъ). *Мысль сфинкса—„ищи Бога въ животномъ“; „ищи въ жизни; „ищи Его—какъ жизнедавца“*. Маленькое соображеніе:

по очертанію львиныхъ частей сфинксъ изображаетъ Бога и есть только комментарій къ одному стиху открытой Липсіусомъ „книги мертвыхъ“: „я—великая кошка“ (слово о себѣ Ра-Солнца); но Богъ—какъ можетъ видѣть каждый петербуржецъ — оканчивается спереди человѣкомъ, и, слѣдовательно, полная мысль сфинкса читается: „Бого-человѣкъ“. Если припомнить кое-какія записи у Геродота о Ѳивахъ и Вавилонѣ, мы догадаемся, что волхвы съ востока“ въ самомъ дѣлѣ тысяче-лѣтія уже ожидали „во-площеніе“ Божества и евангельскаго: „Слово—плоть бысть и вселися въ ны“. А радостная улыбка сфинксовъ—ее можетъ каждый видѣть—есть выраженіе, что не только радостно будетъ исполненіе, пронесется „благою вѣстью“ человѣчеству,—но что и теперь, при Моисеѣ и раньше Моисея, сердца уже наполняются восторгомъ этого ожиданія. Но здѣсь восторгъ сфинксовъ сливается съ удивительными пятнами восторговъ, какія переплетаются у нашего „сѣдовласаго“ романиста съ пятнами же глубокаго у него неприличія... Пунктъ — въ откровеніяхъ Достоевскаго. Не безъ причины его мистицизмъ—возвышеннѣе, чѣмъ у Толстого, его религіозный пафосъ—непримѣримо страстнѣе. Онъ вовсе самъ не предчувствовалъ, куда ведутъ его „Карамазовы“, и умеръ, не окончивъ ихъ, потому что не умѣлъ бы ихъ кончить. Эмбріонъ всѣхъ сфинксовъ и того, кто принесетъ „огонь съ небесн“, заключается уже теперь въ институтѣ брака, который какъ только изъ речитатива „Господи помилуй“ переведемъ къ красотѣ и нѣгѣ мистической херувимской пѣсни, мы и получимъ *новую религію*... мы получимъ *христіанство же, но выраженное столь жизненно-сладостно, что около Голговы, аскетической его фазы, оно представится какъ бы новою религіею*“ *).

Это страстный, задыхающійся, прерывистый шопотъ мистики пола, мистики плоти. Но спокойной поступью, не ровными шагами, но страшными, волнующимися прыжками, таинственными полувнятными намеками, гипнозомъ художественной символки, по клочкамъ и обрывкамъ міровой мудрости, міровой поэзіи, Розановъ послышно, но съ сильно бьющимся сердцемъ, подбирается къ своему завѣтному кладу; онъ наговариваетъ, заклинаетъ, страстно трепещетъ и дро-

*) Въ мірѣ неяснаго и не рѣшеннаго. Семья какъ религія. Стр. 59—61.

житъ нервной дрожью; отъ громадности открывающихся перспективъ— духъ занимаетъ, становится тяжело дышать и вотъ онъ заволакиваетъ свои прозрѣнія, свои видѣнія величавой тѣнью христіанста, дымящійся изъ глубинъ развергшихъ безднъ, сѣдой, мглистый, подземный туманъ пугаетъ Розанова, онъ еще боится обнаженной наготы того, что открылось ему, боится всеножирающаго огня такъ неожиданно расжженнаго имъ пожара. Розановъ только чуть-чуть подымаетъ покровы влекущей его тайны, пытливо заглядывая подъ нихъ, не договариваетъ, не высказываетъ до конца всего того, что онъ тамъ увидѣлъ, понялъ и почувствовалъ. Тайное заволакивается въ дымкахъ загадочнаго тумана, въ условности утвержденій. *Свое* только еще чуть грезится, чуть мерещится, прячась и дразня воображеніе, манитъ и отталкиваетъ, чаруетъ и пугаетъ, снова скрываясь подъ чуждую тѣнь старыхъ словъ и старыхъ личинъ. Пока онъ все еще какъ бы въ нерѣшительности скрываетъ свой кладъ, отговариваясь; онъ и себя подбадриваетъ ссылкой на то, что просто ростъ яму для поправки все того же стараго дома, въ существѣ прекраснаго и нерушимаго. Вотъ только новую балку, новый столбъ подвести нужно, да фундаментъ подновить,—только и всего...! Но минутами, въ забытьѣ, въ экстазѣ, въ бреду охватывающихъ его волненій, въ упоенной страстности своихъ напгій онъ проговаривается, здѣсь открывается его „свое“, настоящее, нутряное, корневое. Вотъ хотя бы одно изъ примѣчаній къ безконечнымъ въ книгахъ Розанова „полемическимъ матеріаламъ“.

„Единственный мотивъ жизни въ христіанствѣ (при заглохшихъ крови и сѣмени)—*ликъ Христовъ* *). „Спаситель, спаситель чиста моя вѣра“ (Кольцовъ) и вѣщее продолженіе: „Но, Боже и вѣрѣ *могила* страшна“. Только ликъ Христовъ, и—точка. Звѣзда—но на фонѣ безпросвѣтной темноты. Ночь безъ звѣздъ и одна звѣзда. Звѣзда—это темный ликъ въ углу комнаты. Мерцаніе лампады. Вращаю глаза туда: „Боже, буди милостивъ мнѣ грѣшному“—и ничего больше, ни царствъ, ни богатствъ, ни игръ: все это стало по Р. Х. смѣшно, жалко, декадентно. Все померкло въ темныхъ лучахъ новаго сіянія. О, „Христовъ духъ“—вовсе, вовсе новый не бывалый, не слыханный, неожиданный на землѣ, прямо „новое откровеніе“! Еще раскрылось небо, послѣ Ветхаго, послѣ обрѣзанія — и новый

*) Курсивъ автора.

совсѣмъ голосъ послышался оттуда. И вдругъ не стали мнѣ нужны царства, боги, игры. Состроганъ гробъ. „Куда ты смотришь старче?“— „Въ гробъ“.—„И?..“ Но нѣтъ „и“ соединительнаго, другого: конецъ, пришло окончательное и оконченное. Еще ждать только „трубы“ и „воскресенія“ и „страшнаго суда“. Длящаяся исторія Европы, перерывъ, временное отложеніе, непослушаніе Христу, безпорядокъ и анархія въ планахъ, стадо человѣческое взбунтовалось и положило загородки, какъ быкъ, какъ сила, какъ нелѣпость: на самомъ дѣлѣ между Христомъ и „воскресеніемъ костей“ ничего нѣтъ и не предполагалось. Мы устроили прогрессъ, вывернувшись изъ-подъ „Суда“ тѣмъ, что развернули „Христово“ въ „христіанскую исторію“, и тѣмъ не только увернулись изъ-подъ Христа, но и пошли противъ самой главной его мысли. Тутъ-то, пожалуй, „монахи“ и объяснимы: „вовсе нѣтъ! никакой исторіи!! вы ничего не поняли!! Между Христомъ и Судомъ не лежитъ времени и пространства—никакого не лежитъ времени и пространства“. Мальчишки спрятали розги, но можетъ быть монахи правда не ошибаются, грозя изъ пещеръ: „все равно—будете выпороты“, „чрезъ тысячи лѣтъ, чрезъ хиліазмъ“. *Мы немножко бредили, но это—матерія, гдѣ только бредя, набредаетъ на истину*“ *).

Розановъ своей критикой прошелъ насквозь историческое христіанство, онъ прошелъ далѣе и чрезъ евангеліе, чрезъ Христа Голгоѳы, вглубь сѣдой старины, пошелъ еще дальше; минуя Грецію и Римъ, на востокъ, къ іудейству, къ пантеистической языческой мистикѣ древняго Вавилона и Египта; его духовная родина, его святыня тамъ „гдѣ вѣчно чуждый тѣни моетъ желтый Нилъ раскаленныя ступени царственныхъ могилъ“, онъ идетъ вглубь вѣковъ, въ неясную тьму временъ, прислушиваясь къ едва доносящемуся до его чуткаго уха подземному гулу міровыхъ стихій, всматриваясь въ едва проницаемыя мистическія потемки зарожденія міровой жизни изъ безформенныхъ туманностей животнаго начала, изъ таинственныхъ, сокровенныхъ нѣдръ вселенной. Его воспаленное воображеніе влекутъ къ себѣ мистеріи натуральнаго начала, мистеріи вѣчно рождающей, изначально животной, божественной въ животной сущности своей природы. Настороживши, онъ идетъ искать разгадки тайнъ въ сторону вѣчной ночи, бездонной, глубокой и очаровательно тем-

*) „Въ мірѣ неяснаго и не рѣшеннаго“, стр. 164—5. Примѣчаніе.

ной, туда, откуда доноситъ „вѣтръ ночной“ свои „страшныя пѣсни“.

Про древній хаосъ, про родимый.

Тайну рождающей жизни, эту величайшую тайну земли, Розановъ ставитъ въ связь съ таинственнымъ же обаяніемъ чаръ ночи. Вотъ какъ онъ пишетъ о тайнѣ зарожденія, о чарующемъ обаяніи ночи.

„Избирается, почти всею природою, *ночь* для этого: время когда каждое существо глубоко *уходитъ* въ себя, нѣсколько *забываетъ* о мірѣ, остается *съ собой наединѣ*. Ночь, для каждаго единичнаго существа, играетъ роль *полога*, закрывающаго всѣ предметы отъ всѣхъ очей и отъ него самого, кромѣ самыхъ ближайшихъ. Сочетаніе половъ есть оживленнѣйшая, одушевленнѣйшая минута: и такъ минуты и часы ночи не есть спускающійся на землю *параличъ* бытія, *сонливость*, *неподвижность*. Ночь имѣетъ въ себѣ *душу*, но другую, чѣмъ день, имѣетъ жизнь въ себѣ, пульсъ, но не тотъ, какимъ бьется день. Ночь—иное *существо*, чѣмъ день; и въ ночь въ насъ пробуждается иное же существо, чѣмъ какое *трудится*, покупаетъ, продаетъ, хитритъ днемъ. Ночь благоуханнѣе дня; торжественнѣе; тише. Цвѣты, очень многіе (напр., красивые бѣлые цвѣты табака) только ночью раскрываютъ свои чашечки; жасмины ночью испускаютъ сильнѣйшій запахъ. Словомъ, вечеромъ, къ началу ночи, вся земля точно перемѣняетъ одежды: какъ англичанинъ, кончившій на биржѣ дѣла, и вернувшійся домой, въ семью. Конечно, возможно, что ночная психологія всѣхъ тварей приспособливается или проистекла изъ самаго факта ночи; хотя можно думать и такъ, что сама ночь есть иной фактъ въ психологіи самой земли: зачѣмъ бы землѣ перевертываться на своей оси, а не летать вокругъ солнца, обращеннаго къ ней постоянно одною стороной, какъ луна обращена вѣчно одною стороною къ землѣ?.. *Сонъ* и *бодрствованіе*, двѣ души въ землѣ, *сновидящая* и раціональная, „образомъ“ и „подобіемъ“ обращающіяся и на всѣхъ тварей—есть не механическая, но метафизическая причина переворачиваемой земли „то на одинъ бокъ“; то „на другой“. Съ ночью, для *сновидящей* души земли, открывается *глубь* небесъ, глубины звѣздныхъ нѣдръ, вовсе не видныя, не ощущаемыя, не замѣтныя днемъ. Ночью внутреннее „я“ нашего существа выходитъ наружу, и оно встрѣчается съ *внутреннимъ*

міра, которое въ эти только часы открывается человѣку. Пологъ *вокругъ* меня (тьма); но *надо* мной—свѣтъ, звѣзды, глубина небесъ, болѣе различимая, чѣмъ днемъ. Только ночью видно *лицо* неба, выразительность, *черты* его,—скрытыя вовсе на время дня. Я *одинъ* въ ночи (скрытость окружающаго): но этому одному говоритъ безконечное единое небо: „я“ конечное и „Я“ безконечное смотрятся одно въ другое, можетъ быть постигаются, можетъ быть любятся. И вотъ это ли время, часы поэтическихъ грезъ, горячихъ молитвъ (*всенощная*, за-*утреня*), суть вмѣстѣ и часы, когда одновременно съ раскрытыми чашечками цвѣтовъ, теплокровныя животныя тоже начинаютъ сильнѣе благоухать; и, неразсѣиваемыя звуками слышанія или образами видѣнія—управляются этимъ почти осязательнымъ матеріальнымъ чувствомъ. Ибо иногда кажется, что запахъ есть *душа* матеріи, какъ *ароматъ* навѣрное—*душа* цвѣтка! Матеріальныя души существъ начинаютъ осязать другъ друга, и сливаются раньше, чѣмъ ихъ тѣла слились. Кровь приводится въ волненіе, какъ она не привелась бы образомъ, звукомъ: и зажигаетъ тѣло, какъ фосфоръ—предметъ, покрытый имъ. Входитъ въ права свои „разумъ“ тѣла. Λογος и Δογος организма: невидимая мысль, бѣгущая по нему, соткавшая узоръ жилъ и нервъ его, извѣка ткущая всякую вообще организацію. Сѣмя, *ovum*... почему это не есть также своего рода „слово“ и Слово: но не разлетающееся миражемъ по воздуху, какъ слово устъ нашихъ, но слово и Слово творческія, зиждущія, велящія, *велѣнія* которыхъ уже суть *исполненія*. Мигъ сочетанія Авраама и Сарры, изъ какового произошелъ Исаакъ,—опредѣлилъ всемірную исторію, насколько послѣдняя вообще связана съ еврействомъ, библіей. Какого могущества былъ *глаголъ* его зачатія (Исаака)!! Почему вообще сочетаніе половъ не суть *глаголы*, *рѣчь*: но только на непонятномъ для насъ языкѣ и намъ не слышная. *Осмысленность рожденнаго* слишкомъ твердо говоритъ о *мысли въ зачатіи*: но не *нашей* мысли, а такой, для которой тѣла наши суть орудія, какъ мясистый языкъ есть орудіе нашего слова. И какъ языкъ подневоленъ слову, „рабъ слова“, такъ человѣкъ есть „рабъ страсти“, огненныхъ словесъ, которой никогда ему не разобрать, да этого и не нужно: но „грамота“, написанная этимъ пламенемъ—она пошлется въ вѣка, не истлѣетъ въ тысячелѣтіяхъ, будетъ говорить человѣку, народамъ. „Грамота“ это—дитя. Кто изъяснитъ его смыслъ, еще съ колыбели?! Можетъ быть онъ кратокъ, а мо-

жетъ быть безконеченъ. Но невозможно оспорить, что каждое *зачатое дитя* также полновѣснѣе и содержательнѣе всякаго написаннаго или сказаннаго человѣкомъ *слова*, какъ положительно важнѣе „человѣкъ“ суммы своихъ „феноменовъ“. Итакъ, *дитя* есть ноуменальный *глаголъ*: а отсюда минуты сліянности половъ не только не „безсмысленны“, „животны“ (въ порицательномъ смыслѣ), но въ эти минуты черезъ насъ, какъ черезъ намагниченное желѣзо проволоки, пламенемъ облаковъ же, молніей грозы проходитъ на землю небесное слово: непостижимое, неразгадываемое; и столь же непонятное сліяннымъ существамъ, какъ телеграфной проволокѣ непонятна несущаяся по ней телеграмма. „Да будетъ“—что будетъ? Родители не знаютъ, будетъ ли Рене Декартъ? богословъ? Лютеръ? Или юный преступникъ, который сожжетъ домъ. Богу—все нужно; Богу—*весь* міръ нуженъ. У Бога *лишняго* нѣтъ. „Пламя похоти“ (обычный нарицательный терминъ)—оно въ родствѣ съ ночнымъ благоуханіемъ жасминовъ, раскрытыми чашечками цвѣтовъ, ночными *всемірными* молитвами, поэтическими грезами, съ самымъ поворачиваніемъ земли на оси; особенно въ связи съ разверзающимися глубинами звѣздныхъ небесъ. Все фосфористое въ человѣкѣ вдругъ зажигается; свѣтится; его существо вдругъ „намагничивается“ страшнымъ земнымъ магнетизмомъ только что повернувшейся земли. Какъ онъ безсиленъ теперь совладать съ собой! Какъ онъ вообще безсиленъ!! Но есть „кто-то“, „третій“ въ немъ—и онъ уже силенъ, силенъ.

— Самуилъ, Самуилъ!

— Вотъ я, Господи!

Была уже глубокая ночь: и лампада храма едва мерцала. Тогда Самуилъ понялъ, что онъ въ сновидѣніи, но что Богъ хочетъ говорить съ нимъ“ *).

Здѣсь Розановъ развертываетъ глубокій символическій смыслъ ночи, здѣсь ощущаетъ онъ особенно сильное біеніе пульса жизни „душу земли“, здѣсь ему „открывается глубь небесъ, глубины звѣздныхъ нѣдръ, вовсе не видныя, не ощутимыя, незамѣтныя днемъ“, вскрываются мистическіе тайники жизни, выявляется глубинное, корневое, нутряное начало, загораются и свѣтятъ своимъ фосфориче-

*) „Въ мірѣ неяснаго...—„Нѣчто изъ тумана „образовъ“ и „подобій“, стр. 321—3.

скимъ нервнымъ свѣтомъ подземные огни, разверзаются и вдругъ на мгновеніе ярко озаряются этимъ свѣтомъ зіяющія бездны, бездонныя пропасти и преисподнія жизни, обнажаются ея страшныя своей необъяснимо-могучей властью магнитныя тяги; земля, земляное, глубинное заявляетъ свою власть.

Розановъ обладаетъ сильно развитымъ, до ужаса обнаженнымъ мистическимъ чутьемъ; „касаніе мірамъ инымъ“ обострено въ его писаніи до высшей мѣры, въ „касаніи“ этомъ есть что-то почти физіологическое , онъ почти осязаетъ ноуменъ, осязаетъ „иной міръ“, міръ потусвѣтнаго, нездѣшняго; реальная ощущаемость мистическаго въ немъ какъ бы нѣкоторое шестое чувство, шестой палецъ на рукѣ; здѣсь сомнѣваться нельзя, потому что оно, это мистическое—самое живое для Розанова, въ сознаніи его, въ міроощущеніи, это не категорія мысли, не отвлеченно-метафизическій постулатъ, не полетъ фантазіи, а самая близкая реальность, реальнѣйшая изъ всѣхъ реальностей.

Розановъ глубочайшій реалистъ, реалистъ и потому, что сильно чувствуетъ, зорко видитъ картину дѣйствительности, блескъ ея сіянія, рельефы ея тѣней, роскошь ея красокъ и формъ, богатство ея яркаго цвѣтенія и вообще безконечно подвижную, летучую сложность вѣчно смѣняющихся выраженій лица живой жизни. Но онъ реалистъ еще болѣе потому, что сильно чувствуетъ, хорошо понимаетъ жизнь въ ея глубинахъ, въ ея невыявленной сущности, въ ея ирраціональной тайности.

Онъ стоитъ на землѣ, любуется ею и любитъ ее, но чувствуетъ, что тамъ, подъ нимъ, подъ верхними слоями почвы, ясными, раціонально понятными, скрывается нераскрытая, непонятая и раціонально непонятая темнѣющая глубь бездны низа, бездны подземной, глубинной реальности... И она-то и зоветъ Розанова въ темь вѣковъ, на Востокъ, черезъ Іудею, въ Вавилонъ и Египетъ, къ отзвукамъ древняго, родимаго хаоса...

Какъ жадно міръ души почной
Внимаетъ повѣсти любимой!
Изъ смертной рвется онъ груди
И съ безпредѣльнымъ хочетъ слиться.
О, буръ заснувшихъ не буди:
Подъ ними хаосъ шевелится.

Розановъ именно хочетъ разбудить эти бури, хочетъ расшевелить древній хаосъ, чтобы глубже, дальше врѣзаться въ живое „чрево“, въ сокровенное нутро жизни, онъ запрашиваетъ его, запрашиваетъ страстнымъ шопотомъ, волнуясь, задыхаясь, трепеща. Здѣсь онъ роетъ свой кладъ. Розановъ любитъ жизнь „карамазовской“ любовью, понимаетъ ее—„карамазовскимъ пониманіемъ“. „Тутъ не умъ, не логика, тутъ нутромъ, тутъ чревомъ любишь, первыя свои молодыя силы любишь“... „Жизнь полюбишь больше, чѣмъ смыслъ ея, непремѣнно такъ, полюбить прежде логики, и тогда только я и смыслъ пойму. Вотъ что мнѣ уже давно мерещится“. „Половина твоего дѣла сдѣлана, Иванъ“, утѣшаетъ Алеша брата. Но для Розанова здѣсь не „половина дѣла“, здѣсь все, вся его сущность, безъ другой половины не только онъ можетъ обойтись, но и не нуждается вовсе въ ней. Онъ и не нуждается въ спасеніи, не хочетъ „воскресить мертвецовъ“, для него все здѣсь, въ этой первой половинѣ и благодать, и спасеніе, и Богъ, все въ этой любви „нутромъ и чревомъ“. Горестный вопросъ Алеши „чѣмъ ты любить то ихъ будешь?“ не существуетъ для него. Иванъ въ отношеніи Европы съ ея дорогими покойниками, это—Розановъ въ отношеніи къ христіанству, Алеша—въ его любви къ жизни—истинный христіанинъ въ своихъ алканіяхъ „второй половины“, того, „*чѣмъ полюбить жизнь*“. Реализмъ Розанова—мистически-углубленный реализмъ. Онъ проникаетъ до самыхъ корней жизни, тогда какъ различные виды раціональнаго и поверхностно-позитивнаго реализма безпомощно цѣпляются только за наружные отпрыски цвѣтенія растеній, поднимающихся отъ этихъ корней. На поверхности современнаго раціоналистически трезваго, легкомысленнаго, обидно яснаго позитивизма плаваютъ холодныя, бѣлыя и желтыя лиліи знанія и эмпиріи, въ своемъ же мистическомъ реализмѣ Розановъ нащупываетъ ихъ корневые, загадочно уродливые изгибы въ мистеріяхъ плоти, въ тайнѣ пола, и порою опускается такъ далеко, что кажется невидимымъ, чуждымъ реализму поверхностей, далекимъ отъ ея ровной и ясной глади. Мистическіе отсвѣты, загадочныя тѣни бездонной глуби жизни примыкаютъ къ высокому изголовью всякаго, даже безмятежно спящаго реализма, по спокойному ясному лицу котораго не всегда можно догадаться о ихъ загадочно-молчаливомъ присутствіи. Всякій реализмъ—высокая башня надъ пропастью, но не всегда съ высотъ башни видны темнѣющія глуби, провалы и топи бездны низа. Очень неохотно оттуда обращаютъ взоры

къ далекому подножію башни, и тѣхъ, кто осмѣливается на это, кто заглядываетъ внизъ, вскрываетъ исподнюю, глубинную реальность, заподозрѣваютъ въ отсутствіи реализма, не понимаютъ, осмѣиваютъ, съ раздраженіемъ и тайнымъ страхомъ обзываютъ „мистиками“.

И Розанова не поняли, не поняли прежде всего тѣ, кому онъ могъ бы болѣе всего понадобиться, не поняли реалисты. Между тѣмъ настоящій реализмъ, который не можетъ безнаказанно долго висѣть безъ всякой опоры въ воздухѣ, могъ бы найти для себя прочную твердыню скорѣе всего именно здѣсь—въ мистическомъ реализмѣ В. В. Розанова. Отсюда онъ могъ бы повести болѣе рѣшительную атаку противъ враждебныхъ ему идеалистическихъ теченій, имѣющихъ несокрушимую вовѣки, хотя и заслонимую во времени—твердыню въ Ликѣ Христа. Съ другой стороны, правда идеализма не имѣла еще болѣе страшнаго врага, чѣмъ тотъ, котораго она пріобрѣла себѣ теперь въ простодушно благожелательномъ лицѣ В. В. Розанова, врага тѣмъ болѣе опаснаго, что атаку свою онъ ведетъ скрыто, запутанно, казалось бы возстаетъ онъ только противъ историческаго христіанства, какъ друже-врагъ, возстаетъ съ именемъ Христа на устахъ.

„Христіанство не удалось“ и вотъ Розановъ, радѣя Христу, вноситъ маленькую поправку, отъ Христа же, вѣдь, поправку-то, чего же, казалось бы, бояться тутъ. Онъ хочетъ согрѣть „каменное христіанство“ теплomъ земли, плоти, животности, бого-животности, согрѣть лаской любви, семьи, семейственности. Онъ хочетъ на мѣсто „камня Петрова“, и даже хотя бы на самый камень поставить „ясли“, „семью“, созвать „волховъ съ Востока“, „животныя стада“, чтобы они надышали тепла жизни, радости бытія, хочетъ ввести въ христіанство „универсально-родильный домъ“, какимъ представляется ему *Библія*, ну, пожалуй, включить культъ Астарты... Ему хочется оземлянить, оживотворить, пріобщить плоти—„небесное“ христіанство оторваннаго, опустошеннаго, изозлившагося и ослабѣвшаго около себя духа...

„Центръ души лежитъ въ полѣ и даже душа и полъ идентичны“,—говоритъ Розановъ въ статьѣ „Изъ загадокъ человѣческой природы“.—Самое *существо человѣка таинственно* и нельзя «дышать» и не «молиться»“. Религіозно уже самое дыханіе жизни, самое ея естество. Изъ стремленія тентизировать полъ у Розанова выте-

каетъ обожествленіе жизни, жизни рождающей новую жизнь, жизни безконечно растущей въ плоти міра, въ тайнѣ пола.

„Вы хотите тентизаціи бытія; „міръ—отъ Бога“: однако—поверхностно, или въ глубинѣ? Вы поставили образъ Божій *около* дома: естественно, что домъ нашъ и не свѣтится имъ. Внесите этотъ образъ *въ* домъ—и онъ станетъ храмъ, „домомъ молитвы“ наречется. Но „*домъ*“ *бытія нашего на днѣ брачнаго завитка: если тамъ Богъ—міръ храмъ*, и никогда вы не постигнете, и ничѣмъ вы не достигнете, чтобы міръ былъ „Божій“, если оттуда вынесете образъ Божій и поставите „около“, на крышѣ, „кромѣ храма“ и вообще гдѣ-нибудь „внуду“ *).

Въ мистеріяхъ пола Розановъ приводитъ жизнь къ соприкосновенію съ „мірами иными“ и здѣсь, въ потемкахъ своихъ мистически-углубленныхъ чувствованій, сливаетъ ее съ Богомъ, отождествляетъ естество съ Божествомъ, тентизируетъ природу и натурализируетъ Бога. Не находя удобнымъ и въ этомъ пунктѣ выйти за предѣлы Христова ученія и только оспаривая историческую привязку его, историческое толкованіе, онъ пантензируетъ христіанство, пытается удержаться, такимъ образомъ, на крайнемъ сгибѣ его, но, естественно, не удерживается фактически и сползаетъ неминуемо, хотя какъ бы и не хотя, черезъ іудейство къ язычеству. Мистическій пантензмъ Розанова неслышно, нешумно, не открыто, хотя и не скрыто,—вытѣсняетъ изъ его религіознаго сознанія элементы христіанства, вытравляя ихъ и обезцвѣчивая... Розановъ съ изумительной тонкостью, съ невозмутимостью, не то дѣтски-наивной, не то старчески-лукавой, нейтрализируетъ сущность христіанства, растворяя его въ іудействѣ и затѣмъ въ мистическомъ пантензмѣ Востока. Выметая историческій соръ, онъ выметаетъ съ нимъ все содержимое, вмѣстѣ съ водой выплескиваетъ изъ ванны и ребенка.

Замѣчательно, что и Богочеловѣчество Розановъ понимаетъ совершенно пантеистически, хотя и мистично. Мы видѣли, что Богочеловѣкъ „читается“ имъ, какъ „полная мысль сфинкса“, Богочеловѣчество для него — внѣ Христа и какъ бы даже совсѣмъ не нуждается въ Немъ, Его поглощаетъ „радостная улыбка сфинкса“. Но это „маленькое соображеніе“ тонетъ въ его „новой концепціи христіанства“, такъ же какъ и многое въ этомъ родѣ, будто случайно

*) „Въ мірѣ неяснаго“ „Семья, какъ религія“, стр. 61—2.

вкрапленное. Пантеистическое богочеловѣчество Розанова очень легко можетъ быть перевернуто въ человѣкобожество, что фактически, какъ увидимъ далѣе, и дѣлаетъ Розановъ, дѣлаетъ, какъ всегда, неслышно, прячась въ прихотливо изогнутыхъ завиткахъ полунамековъ, въ туманѣ художественныхъ символовъ. Человѣкобогъ Розанова чуждъ байроновскаго гордаго вызова, дерзновенной гордыни ницшеанскаго сверхчеловѣка, онъ смиреѣе, но поглубже, загадочнѣе, и, прячась въ тѣни христіанства, страшнѣе грозитъ оттуда...

Мистическій пантеизмъ Розанова напоенъ страстнымъ дыханіемъ животнаго начала, въ которомъ живетъ Богъ, „ищи Бога—въ животномъ“ — такова влекущая его назадъ отъ христіанства — мысль сфинкса, Богъ — животное — вотъ Богъ Розанова. Земля цвѣтущая, рождающая, насыщенная ароматомъ жизненности, семейственности, плодовитости властно зоветъ его къ себѣ, ея могучіе питающіе сосцы вдохновляютъ, чаруютъ, умиляютъ Розанова высшимъ, новымъ, богооткровеннымъ умиленіемъ.

„Тамъ, гдѣ *новое умиленіе*, и при этомъ не только разнородное со вчерашнимъ, но и такое, отъ коего вчерашнее умиленіе „брезгливо и богохульно отворачивается“, — очевидно есть ростокъ *и новаго* Бого-*отношенія*, Бого-*связуемости*, Бого-*взысканія*. Ибо, *гдѣ* молитва, *тамъ* вѣра, и если она не на „сѣверъ, сѣверъ, сѣверъ“, какъ была всегда, то будетъ на „югъ, югъ и югъ“, гдѣ никогда не была. Теизмъ раскалывается. Прежній теизмъ падалъ лучемъ съ неба на землю и обливалъ ее. Это одно отношеніе, и оно на первый взглядъ кажется высочайшимъ. Земля пустынна; земля голодна; земля холодна. И землѣ—*холодно! голодно!* ее не грѣютъ эти какіе-то только ласкающіе *лунные* лучи. Мы идемъ по голодной и холодной землѣ, и, прислушиваясь къ ея разговорамъ, *ея собственнымъ изъ нея рожденнымъ* улавливаемъ между ними, большею частью суетными, одинъ... Теплота. Свѣтъ. Правда. Религія. Нѣтъ великолѣпія, истинная простота, *даже не оглядывающаяся на себя*. Слѣдя, мы видимъ, что наша показавшаяся темною земля изъ каждой хижинки, при каждомъ новомъ „я“, рождающемся въ мірѣ, испускаетъ одинъ маленькій такой лучикъ; и вся земля сіяетъ кроткимъ, не длиннымъ, не достигающимъ вовсе неба, по своимъ собственнымъ за то сіяніемъ. Земля, *насколько она рождаетъ*, плыветъ въ тверди небесной *сіяющимъ тѣломъ*, и именно *религіозно-сіяющимъ*. Главное это *собственное*, и опять это—*грѣетъ*.

Тепленькая земля, хотя и летитъ въ тверди ужасающаго холода. И вотъ восклицаніе Кириллова (въ „Бѣсахъ“ Достоевскаго), пожалуй, получающееся до конкретнаго совпаденія:

„ — Богочеловѣкъ?

— Человѣко-богъ. Въ этомъ разница.

— Уже не вы ли и лампадки зажигаете?

— Это—я зажегъ“.

Теперь вопросъ остается почти только въ томъ, какъ устроить *свои* лампадки. Въ матери—землѣ вырывать ямки, обдѣлывать камешкомъ, вливать елей, вставлять фитиль: пусть горятъ всю ночь. Ничего воздушнаго, главное чтобъ ничего воздушнаго. „Воздушное“ принесъ папа и самъ повисъ съ нимъ на воздухѣ. „Хоть бы землицы подъ ноги, мучусь я!“ Но уже „землицы“ не нашлось для отвергшаго землю“ *).

Земля, „*насколько она рождаетъ*“, свѣтится для Розанова собственнымъ религіознымъ свѣтомъ, она изъ самой себя излучаетъ божественность, святость, *творитъ Бога въ сіяніи лучей своихъ*. Она религіозно-свята по самой природѣ естества своего,— свята стихійно, просто, „даже и не оглядываясь на себя“, свята святостью первоначальной невинности, дѣтской безгрѣшности, свята и свѣтла, потому что, въ концѣ концовъ, себѣ довлѣетъ, живетъ своей внутренней святостью, сама освящаетъ себя и освѣщаетъ собственнымъ свѣтомъ. „Главное — это *собственное*, и опять это — грѣетъ“. „Богочеловѣкъ?—Человѣкобогъ. Въ этомъ разница“. Человѣко-Богу и лампадочки горятъ, *свои* лампадочки, внутренняго свѣтенія, изнутри, изъ земляныхъ нѣдръ, изъ глубинъ исподней, мистической реальности. Замѣчательно, что, желая быть послѣдовательнымъ, провести свой мистическій пантеизмъ во всѣхъ осложняющихъ его преломленіяхъ, Розановъ не отказывается принять, въ концѣ концовъ, и „папу“ и повисшее въ воздухѣ, оторвавшееся отъ мистическихъ корней, живыхъ питающихъ сосцовъ жизни, „христіанство“, но, уже, конечно, преломляя его въ *своей* призмѣ, освѣщая его тѣми слабыми, блѣдными лучами отраженнаго свѣта земли, которые на него, хотя чуточку только, а все же падаютъ. Онъ оборачиваетъ его къ горячимъ лучамъ своего всегрѣющаго солнца — Бого-животной

*) „Семейный вопросъ въ Россіи“, т. I-й. „Границы нашей эры“ стр. 51.

жизни, здѣсь ничто не исключается, все живое, и даже самое чахлое — поскольку живетъ, живетъ *тѣмъ же* солнцемъ.

„А впрочемъ...,—пишетъ онъ далѣе тамъ же,— впрочемъ, такъ какъ *самая суть новаго теизма* лежитъ въ поклоненіи „даже и науку, ползущему по стѣнѣ“, то, само собой, въ благостномъ кругѣ новыхъ лобзаній содержится и папа, какъ крошечный эпициклъ въ огромномъ циклѣ“ *).

Изъ-за этого мягкаго, ласкающаго свѣта лампадочекъ, земныхъ лампадочекъ, что горятъ по ямкамъ, вырытымъ въ матери—сырой землѣ, вдругъ раскрывается намъ загодочное лицо автора, но почему-то улыбающееся, улыбка сіяетъ, и свѣтъ ласковый, грѣющій лучится изъ нея, но почему-то становится странно... и страшно, жутко, — хотя лампадочки свѣтятъ и все спокойно... черный ликъ Спасителя въ далекомъ углу совсѣмъ почернѣлъ, закрылся дымкой лампаднаго свѣта изъ земли... Самъ-то онъ уже не свѣтитъ.

Богоживотность, религія чрева плодоносящаго, чрева рождающаго, земли свѣтящейся собственнымъ свѣтомъ, излучающаго Бога изъ огненныхъ нѣдръ своихъ, далѣе, вѣра въ „здѣшнюю вѣчную жизнь“ на мѣсто вѣры въ „будущую вѣчную“, „ранняя безконечность“ рожденія въ Виѳлеемѣ на мѣсто „поздней безконечности“ воскресенія Христова,—все это растворяетъ христіанство въ мистическомъ пантеизмѣ Розанова. Розановъ пантеизируетъ христіанское Богочеловѣчество, превращая его въ Человѣкобожество, въ Богоживотное египетскаго сфинкса, онъ натурализируетъ и христіанское личное безсмертіе, превращая его въ пантеистическое безсмертіе безконечнаго рожденія, новаго и новаго обновленія изначальнаго, вѣковѣчнаго древа жизни, которымъ вѣчно побѣждается страшное „жало смерти“. Христіанская вѣчность превращается здѣсь въ естественную безконечность.

Но не слѣдуетъ упрощать пониманіе безсмертія у Розанова, оно гораздо сложнѣе, цвѣтистѣе, интимнѣе абстрактной и невольно нѣсколько раціонализирующей его—нашей формулировки. Легко вообще огрубить, опасно раціонализировать пантеизмъ Розанова въ основѣ своей глубоко ирраціональный, психологически очень сложный и художественно тонкій. Такого своеобразнаго пантеизма, мистическаго въ своей сущности, не знала еще исторія.

---

*) Тамъ же, стр. 52.

По поводу сюжета о Коринѳской невѣстѣ Розановъ пишетъ въ небольшой замѣткѣ „Тутъ есть тайна нѣкая“ *). „Если любовь или вообще романтическое начало въ насъ есть чудо въ томъ смыслѣ, что никакой механикой его не объяснишь и ни изъ какихъ логарномовъ его не выведешь, то невозможно усумниться, что это чудо не умираетъ со смертью нашего физическаго тѣла“. „Преступникъ не самъ пошелъ, а былъ потянутъ на свиданіе „глазомъ, мигнувшимъ съ того свѣта“. Покойница не вся умерла

...но часть моя большая.
Отъ тѣла убѣжавъ, по смерти будетъ жить...

какъ писалъ Державинъ въ своемъ „Памятникѣ“. Но было бы грустно если бы не умирали только поэты и вообще люди исторіи, жить хочется всѣмъ, передъ смертью мы всѣ одинаковы и права на безсмертіе тоже равны. Бѣдная дѣвушка, почти пансіонерка, имѣла на землѣ свою душу, свою тоску, свои грезы и очарованіе, и въ правѣ потребовать „Памятника“ не хуже Державинскаго. Гдѣ же у бѣдной ея „Памятникъ“? Все ея существо и было только любовь, только способность любви, только энергія любви, застѣнчивой, пугливой и вмѣстѣ безсмертной. Но вотъ, вопреки ея собственнымъ чаяніямъ, этотъ-то именно клокъ ея бытія съ розовыми крылышками и не умеръ, а когда здѣсь, среди обстановки земной, остались одни логарномы и механика, поднялся „памятникомъ“ и пропѣлъ гробовую—вѣчальную пѣснь. Да, это настоящія тайны; подлинныя. Это единственно осязаемое и документами удостовѣряемое доказательство безсмертія человѣческой души. „*Розовое безсмертіе*“, *а не пепельно-холодное*“...

Отсутствуетъ въ концепціи мистическаго пантеизма Розанова—и христіанская идея конца. Царство міра сего въ бездонныхъ, неизсякаемо жизненныхъ, вѣчно рождающихъ, нѣдрахъ своихъ—безконечно; вѣчное въ глубинахъ своихъ начало жизни—исключаетъ здѣсь совершенно всякую идею конца, земляное начало безконечно въ земномъ безсмертіи „здѣшней вѣчной жизни“, въ темно-розовомъ безсмертіи пола, оно вѣчно живое, вѣчно живетъ неизсякаемыми источниками безконечнаго обновленія въ „касаніи мірамъ инымъ“, питается неоскудѣвающими вовѣкъ сосцами ноуменальнаго, премірнаго, потусвѣтнаго...

*) „Вѣсы“, № 2, стр. 55.

Вся христіанская эсхатологія растворяется и тонетъ во всепоглощающей пучинѣ мистическаго пантеизма Розанова; нѣтъ здѣсь и страшнаго суда, не нуженъ онъ, потому что все изначально оправдано, благословлено и вовѣки вѣковъ освящено при самомъ возникновеніи жизни изъ міровыхъ туманностей сѣдого предвѣчнаго мрака, древняго родимаго хаоса.

Охваченный могучимъ дыханіемъ жизни, съ проникновенной страстностью ощущая біеніе мірового пульса, душу земли, ея плоть и кровь въ движеніяхъ животно-плотскихъ, Розановъ инстинктивно, почти безсознательно боится смерти. Усиленно напрягаясь разсмотрѣть и принять что-нибудь въ ней, онъ не видитъ въ концѣ концовъ ничего, ничего кромѣ тлѣнія, пустоты, ужаса небытія, пустота смерти страшитъ его своею пепельно-безжизненной блѣдностью, своей леденящею сердце—холодностью...

Спаситель, Спаситель,
Чиста моя вѣра!
Но Боже—и вѣрѣ
Могила страшна.

Онъ любитъ повторять это—съ удареніемъ на *страшности могилы*, въ глубинѣ ухмыляясь на *чистоту вѣры*: въ „пепельно-холодное“ безсмертіе христіанства—Розановъ не вѣритъ, онъ вѣритъ въ жизнь безконечную въ рожденіяхъ, въ таинственномъ шопотѣ вѣчно дѣятельнаго пола. Прикованный постоянно горящимъ вниманіемъ ко всему сочно-жизненному, полнокровному плотскому—онъ сильно развитымъ, изощреннымъ чутьемъ жизни отвертывается отъ всякаго дыханія смерти, какъ ни старается увидѣть здѣсь что-нибудь реальное, особенно въ раннихъ произведеніяхъ, какъ ни усиливается понять и осмыслить *правду смерти*.

„Бѣдные мы люди, что мы понимаемъ въ религіи? Если человѣкъ такъ благъ, что бросился бы, что продлилъ бы, что раздвинулъ бы въ безконечность восторгъ послѣдняго утѣшенія, то... то „философскій камень“ не найденъ и смерть „не“ побѣждена, какъ утверждаютъ „слова, слова, слова“. Они владычественны не только здѣсь и сейчасъ, но владычественны *какъ какая-то правда, какъ какой-то абсолютъ наравнѣ съ абсолютомъ жизни*. Но тогда существенно неправильны наши унитарныя религіозныя представленія:

Се, женихъ грядетъ во полунощи...

Вытекаютъ два лица: *полу-нощное, полуденное; несущее смерть, несущее жизнь*—не какъ силы только, но какъ двѣ абсолютныя правды. Значитъ, не только есть страданія и насъ постигаетъ смерть: есть значитъ *правда* смерти и страданія, красота умиранія, красота болѣзни... Человѣкъ постигаетъ красоту одного, красоту другого. Но потому это, что онъ самъ есть синтезъ и одной красоты, и другой красоты: онъ *родился*—вотъ первая красота въ немъ, но онъ еще *умретъ*—и это тоже есть въ немъ. Святое рожденіе, святое „успеніе“; и если они слиты въ человѣкѣ, тѣмъ паче они могутъ быть слиты въ Богѣ. Тогда полярность міра снова сливается въ экваторіальное единство, остается одно Лицо Божіе, безъ противо-„грядущаго“ Ему „полунощнаго жениха“. Но то ли это Лицо—„побѣдившее смерть“, которое мы исповѣдуемъ? Нѣтъ и нѣтъ—смерть отъ Него же и даже она есть Его дыханіе, какъ есть Его же дыханіе жизнь и рожденіе. Правда, вѣдь и сказано въ Апокалипсисѣ: „Азъ есмь Альфа и Омега, первый и послѣдній“. Но тогда при чемъ идея „смерти“, какъ наказанія „за грѣхъ“? Смерть есть дыханіе живого синтетическаго лица—*она есть правда, она есть святость, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что божественна, какъ жизнь*; тогда и ея дроби—болѣзни—святы же. Но тогда получается мистическій узелъ вселенной въ сплетеніи горгонъ и свѣта; и тогда опять значитъ не вѣрны, совершенно не вѣрны, совершенно не вѣрны, всѣ построенія нашихъ „словъ, словъ, словъ“. Мы исполняемся религіознаго страха; страхъ получаетъ мѣсто въ мірѣ—какъ законъ, и при томъ не грѣха вовсе, но и чистѣйшей святости“ *).

„Но, Боже, и вѣрѣ могила страшна!“ Узоры отъ этихъ изощреній рисунка стираются, канва его не выдерживаетъ и прорывается, и обнажается пустота, страхъ выглядываетъ оттуда ничѣмъ неприкрытый, невѣрующій... Подбадриванія, самоуговариванія, самовнушенія блѣднѣютъ, поникая въ безсиліи, и чѣмъ дальше вглубь своихъ изысканій идетъ Розановъ, тѣмъ голосъ ихъ глуше, насильственнѣе, искусственнѣе, тѣмъ рѣшительнѣе и обнаженнѣе отвертывается Розановъ отъ смерти съ откровеннымъ невѣріемъ въ ея правду. „Вотъ, я вспоминаю младенца: эту выявленную мысль Божію, мысль—въ

*) Литературные очерки. Сборникъ статей. Изд. 1902 г. „Съ юга“, стр. 183.

плоти созданія своего, въ улыбкѣ невинности и чудной безгрѣшности. Какъ уже замѣтилъ тонко Достоевскій, для понимающаго человѣческую природу нельзя безъ слезъ смотрѣть на младенца, или, какъ ту же мысль высказалъ и старикъ Гете, нельзя смотрѣть на него „безъ переполненнаго сердца“. Откуда это, тоже, пожалуй, трансцендентальное сердцеволненіе въ насъ? Ибо что намъ ребенокъ? Чужой? безпомощный? Но какъ-то, глядя на него, мы и въ себѣ пробуждаемъ какъ будто видѣніе міровъ иныхъ, только что оставленныхъ этимъ малюткой, вѣдь поэту же пришло въ голову стихотвореніе:

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ...

и еще далѣе—

И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли...

Младенецъ и въ насъ пробуждаетъ чувство этихъ только что имъ оставленныхъ міровъ, конхъ свѣжесть, яркость, а также и святость онъ несетъ на губахъ своихъ, въ безлукавыхъ глазахъ. Какъ мрачный впослѣдствіи создатель „Крейцеровой сонаты“, въ свое время, бросивъ Севастополь и взявшись за перо, не сталъ изображать тѣхъ, о комъ поэтъ же сказалъ

Отцы пустынники и жены непорочны,—

но, чутко понявъ, что не пустыня есть колыбель и прототипъ „непорочности“, нарисовалъ намъ дѣтскую спальню, въ ней Колю и Володю—одного еще спящаго и другого проснувшагося, и стараго младенца, котораго „тоже“ есть царство небесное—Карла Ивановича. Вотъ правда, вотъ истина. *И мы* никогда не забудемъ, что Богъ есть Богъ живыхъ, а не Богъ мертвыхъ, или, какъ Онъ же сказалъ: „оставьте мертвымъ погребать мертвыхъ“ *).

Противополагая, самымъ общимъ, въ его религіозно-философской конценціи, противоположеніемъ начало жизни—началу смерти, Роза-

*) Религія и культура. Сборникъ статей. „Семья и жизнь“, стр. 174—5.

новъ въ конечномъ счетѣ правду видитъ только по сю сторону; на той же сторонѣ ничего не отсвѣчивается, не прозрѣвается; только въ жизни, *этой* жизни—правда, Богъ, святость; только здѣсь, въ глуби земной, въ началѣ жизненномъ, животномъ, плотскомъ—горитъ религіозный свѣтъ: „Богъ—Богъ живыхъ, а не Богъ мертвыхъ“.

„Семито-хамитская Азія была „внутреннею“ частью, „заднею половиною“ всемірнаго историческаго поприща, глубокою. Тамъ жило великое „чрево“, которое истинно свято постигло задачу „плодоношенія“; оно подняло его „на высоту“, окружило его „лампадами“, впервые въ исторіи создало образъ ѳиміамнаго куренія и открыло мелодію молитвы. „Материнство“, „отечество“ всему этому научило ихъ; какъ оно же научаетъ этому каждаго изъ насъ, научило Пушкина, Рафаэля. „Благословенъ Богъ, сотворившій свѣтъ“—въ Сіонѣ, Тирѣ, въ Мемфисѣ, Вавилонѣ. Мы понимаемъ распускающіеся „миндальные цвѣтки“ въ скиніи завѣта: распускающійся лотосъ — въ Саисѣ, Геліополисѣ. Мы—которые, забывъ это, теперь уже закрытое, застарѣвшее, не несущее болѣе „чрево“, вынесли изъ него именно мелодію молитвы „воздѣваніе рукъ“ къ небу; и все это преобразовали въ логическій способъ выраженія въ „имя“, „слово“ и „λόγος“ *)

За этимъ пустота смерти, отъ нея идетъ Розановъ, съ ужасомъ отшатываясь отъ Христа Распятаго, отъ христіанства Голгоѳы,—то пытаясь ослабить эту сторону христіанства, то празнавая могучесть ея въ евангеліи, рѣшительно высвобождается изъ-подъ его авторитета. „Есть какое-то противоборство, *опроверженіе* другъ друга, между гробомъ и колыбелью, рожденіемъ и смертью, въ послѣдней инстанціи между Вифлеемомъ и Голгоѳою. Но въ этомъ взаимномъ „опроверженіи“ которая сторона шире, разрисована ярче—та и побѣждаетъ. *Физіологическая*,—пока рождающихся больше, чѣмъ умирающихъ,—*побѣда* за рожденіемъ; но нельзя же обратить вниманія, что въ Евангеліяхъ страданія и смерть І. Христа шире и ярче выражены, сильнѣе поражаютъ сердце человѣческое, нежели Рождество Христово“ **).

Къ жизни, къ землѣ бѣжитъ Розановъ и ни передъ чѣмъ не

---

*) Тамъ же, стр. 219.

**) „Семейный вопросъ въ Россіи“, т. І. „Матеріалы къ рѣшенію вопроса“, стр. 110, примѣчаніе.

остановится, все отдастъ ради вожделѣннаго сліянія съ ней. „Люби повергаться на землю и лобзать ее. Землю цѣлуй и неустанно, ненасытимо люби, всѣхъ люби, все люби, ищи восторга и изступленія своего. Омочи землю слезами радости твоея и люби сіи слезы твои. Изступленія же сего не стыдись, дорожи имъ, ибо есть даръ Божій, великій, да и не многимъ дается, а избраннымъ". Близки эти слова старца Зосимы Достоевскаго душѣ Розанова, близки своимъ особо преломленнымъ, своеобразнымъ касаніемъ. Въ шумѣ земномъ, въ цвѣтѣніи древа жизни у развернешейся, дымящейся животностью груди земли, около могучихъ, все живое питающихъ сосцовъ ея—вотъ гдѣ спасеніе, вотъ гдѣ отдыхъ, услада, успокоеніе отъ христіанства съ его мучительно-изнуряющей, вѣчно чужой, пугающей правдой смерти. Всеблагословляющая святость плоти вотъ всеспасающее убѣжище живыхъ. „Что же значитъ глаголъ: „Левъ ляжетъ подлѣ ягненка", и еще въ самомъ концѣ Апокалипсиса: *„ничего уже проклятаго не будетъ"*. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите размѣры синтеза, его охватъ; Рембронтъ=„Маной", и съ нимъ лобызается „Нованаилъ"; но онъ же есть и эллинъ, положимъ, въ этомъ Дiѣ, увлекающемъ на волосистой спинѣ своей Европу (легенда, записанная у Геродота, сюжетъ коей есть въ Эрмитажѣ), и принимастъ, въ XVII в., для продолженія работы рѣзецъ отъ Праксителя. „Ничего отвергнутаго не будетъ". Эллинъ, голландецъ и іудей—это ли не „соборъ"? Безъ отреченія каждый! И всѣ лобызаются: это ли не „вселенскость"? И мы, поздніе потомки XIX вѣка, лобзая ихъ въ самомъ этомъ лобзаніи, и говоря: „правда!"—при взглядѣ на Дiя, „правда!"—передъ скрижалями Іеговы, „правда!"—передъ мастерской художника-„нигилиста" (каковыми казались для историковъ и особенно для богослововъ художники „Возрожденія"): неужели мы не можемъ заглянуть въ XX вѣкъ съ нѣсколько больше утѣшеннымъ сердцемъ, чѣмъ какое несли въ XIX-мъ"? *). И далѣе... Дѣти не имѣютъ „открывшихся очей" на полъ; ихъ не имѣютъ въ отношеніи къ намъ животныя; *я никогда не видалъ* (очень присматриваясь), чтобы животное повредило ребенку, хотя кошекъ, какъ и собакъ, дѣти порой ужасно мучатъ. „Лань ляжетъ около льва и левъ ее не кусастъ". *Египтяне чуть ли и не поклонялись въ животныхъ этой ихъ „дѣтскости" и еще „не развернувшемся очамъ"*: *„эдему"*

*) „Въ мірѣ неяснаго и не рѣшеннаго", стр. 325.

ихъ „живота“ (жизни) или, пожалуй, еще не сбѣжавшему съ нихъ отсвѣту когда-то одного и общаго у человѣка съ животнымъ эдема. Теперь переходимъ къ человѣку и занимающей насъ темѣ: „великая тайна брака“ и лежитъ въ томъ, что „надломъ“ пола, совершившійся въ секунду грѣхопаденія, и въ чемъ бы сущность этого надлома ни состояла, *въ бракѣ исправляется*: „мужчиною и женщиною (не политиками, не космополитами, не „общечеловѣками“) сотворилъ ихъ Богъ“—это именно берется въ бракъ, но и кромѣ того: въ направленіи именно къ мужу у жены и у мужа къ женѣ „одежда изъ листьевъ спадаетъ: *но стыда не появляется*! Главный симптомъ паденія (въ Библіи единственный)—исчезъ! это такъ безспорно: читайте Библію, всматривайтесь въ супружество; читайте и взглядывайте, провѣряя по супружеству текстъ; и вы догадаетесь—что оно есть *возстаніе* человѣка отъ грѣхопаденія“ *).

Въ дѣтской невинности, въ „дѣтскости“ первыхъ людей, въ эллинской ясности, въ восточной глубокости Розановъ видитъ правду жизни, свѣтъ ея, яркость, радугу красокъ, роскошь цвѣтѣнія, могучесть кровнаго притяженія. Здѣсь преодолѣвается *смерть* и отрицается *грѣхъ*, какъ нѣкій non-sens въ углубленіи жизни...

„*Стыдъ* и *грѣхъ*—идентичны: первый есть кожура второго, „стыдливый румянецъ на яблокѣ“ грѣха. Вотъ почему радость семьи! Вотъ откуда *неутомляемость* отъ нея; предпочтеніе *своей* старухи—всѣмъ инородныимъ; то, что черезъ нея и именно черезъ утрату передъ ней стыда, важнѣйшею и тайною стороною своего бытія я снова отпадаю отъ „грѣха“, и не поразительно ли: одновременно *и отпадаю отъ смерти, проклятіе коей такъ таинственно связано съ грѣхомъ*: *я рождаю*. Вотъ откуда, а вовсе не въ видѣ моральной сентенціи, глаголъ Апостола: „чадородіемъ женщина (и мужчина) спасается“... Въ чадородіи я ускользаю отъ „змія“—*въ жизнь*, я сокрушаю его соблазнъ и плодъ соблазна: *стыдъ*. Отсюда—*правда* между не стыдящимися супругами, и первый канонъ брака: не лги (полная *раскрытость* души, отсутствіе „смаковыхъ листьевъ“ для всяческаго недостатка своего—передъ и въ отношеніи только къ женѣ, равно и обратно, у жены къ мужу). Здѣсь, въ тайнѣ разрѣшенія, по крайней мѣрѣ между двумя людьми и по ли-

*) Тамъ же. стр. 329.

ніи ихъ связности, „грѣха первозданнаго человѣка“—и лежитъ трансцендентное основаніе супружества; основаніе—*свѣта* семьи; и, пожалуй, того, что еще въ раю, т. е. когда грѣхопаденія не было и слѣдовательно не было жажды разрѣшить узы грѣха, не было и „спасительнаго чадородія“ *).

Смерть и грѣхъ на одномъ полюсѣ, на другомъ *жизнь* и *святость*. Охваченный дыханіемъ тайны жизни, зачарованный ея вѣчно рождающей мощью, согрѣтый тепломъ и лаской самосвѣтящейся земли, въ жару религіозной животности, Розановъ отдается волнамъ своего всепримиряющаго мистическаго пантеизма, купается въ нихъ со страстью, съ упоеніемъ, растворяя христіанство и уплывая по вольной волѣ стихій въ темную даль мудрости Востока, откуда доносится гулъ вѣковой жизни, гдѣ вѣчный хаосъ шевелится...

Розановъ пантеизируетъ христіанство, обращая его таинства въ натуральныя тайны. Съ особенной выпуклостью это обнаруживается въ постановкѣ проблемы пола, о чемъ подробнѣе будетъ рѣчь далѣе.

Волжскій:

*) Тамъ же 330 стр.

Мистическій пантеизмъ В. В. Розанова *).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Постановка проблемы пола у Розанова. — Бракъ здѣсь не таинство во Христѣ, а тайна натуральная. — Обожествленіе плоти, а черезъ нее жизни вообще.—Невинность райскаго состоянія на мѣстѣ святости, тезисъ вмѣсто синтеза. — Мечта о потерянномъ раѣ.— Теитизація пола у Розанова есть натурализація Бога, сенсуализація божественнаго начала. — Угроза демонизма и инфернальнаго въ обоготворенной плоти.—Непослѣдовательность Розанова въ стремленіи отговориться отъ демонизма, его лукавая боязнь конечныхъ выводовъ.

„Многое изъ самыхъ сильныхъ чувствъ и движеній природы нашей мы пока на землѣ не можемъ постичь... Многое на землѣ отъ насъ скрыто, но взамѣнъ того даровано намъ *тайное сокровенное ощущеніе живой связи нашей съ міромъ инымъ, съ міромъ* горнимъ и высшимъ, *да и корни нашихъ мыслей не здѣсь, а въ міpахъ иныхъ.* Вотъ почему и говорятъ философы, что сущности вещей нельзя постичь на землѣ. Богъ взялъ сѣмена изъ міровъ иныхъ и посѣялъ на сей землѣ и взростилъ садъ Свой, и взошло все, что могло взрости, но взращенное живетъ и живо лишь *чувствомъ соприкосновенія своего таинственнымъ міpамъ инымъ;* если ослабѣетъ или уничтожится въ тебѣ сіе чувство, то умираетъ и взращенное въ тебѣ. Тогда станешь къ жизни равнодушенъ и даже возненавидишь ее. Мыслю такъ". Эти извѣстныя слова Зосимы Достоевскаго очень любитъ Роза-

*) См. „Новый Путь" № 12, 1904 г.

новъ, не уставая цитировать ихъ и повторять въ разныхъ мѣстахъ своихъ писаній. Онъ всюду волнуется около „тайнаго сокровеннаго ощущенія живой связи нашей съ міромъ инымъ“, связь эта, это „соприкосновеніе таинственнымъ мірамъ инымъ“ открывается ему болѣе всего въ глубинахъ пола, въ тайнѣ зарожденія жизни, въ мистеріяхъ плоти. Здѣсь сознаніе „соприкосновенія“ достигаетъ высшей точки своего напряженія, плоть одухотворяется, обожествляется, святится и свѣтится истинно религіознымъ свѣтомъ, феноменальное, здѣшнее, посюстороннее загорается ноуменальнымъ огнемъ, излучаетъ свѣтъ нездѣшній, потусторонній, натуральное переходитъ въ мистическое, дѣйствительность преображается... Земляное становится здѣсь „*свѣтоносно-земляным*“, реальное разрывается въ мистическихъ взрывахъ глубинъ своихъ; загадочно темнѣютъ и властно, притягательно манятъ оттуда страшныя тайны бездонной глубокости тайны пола...

„Вотъ, — пишетъ Розановъ по поводу вышеприведенныхъ словъ старца Зосимы, въ статьѣ „Изъ загадокъ человѣческой природы,“ — вотъ тезисъ, который мы поясняемъ, и написавъ который — удивительно, какъ Достоевскій не подвинулся еще на одинъ шагъ, чтобы указать территорію таинственныхъ «касаній» и «міровъ». Фигура человѣка «по образу Божію, по подобію», имѣетъ въ себѣ какъ бы внутренюю ввернутость и внѣшнюю вывернутость — въ двухъ расходящихся направленіяхъ. Одна образуетъ въ ней феноменальное лицо, обращенное по сю сторону, въ міръ «явленій», другая *образуетъ лицо ноуменальное, уходящее въ «тотъ» міръ*, къ какимъ-то не астрономическимъ звѣздочкамъ, не нашихъ садовъ лиліямъ, о конхъ поэтому безотчетно и начинали пѣть и говорить мистики.

И мѣсяцъ, и звѣзды...
Внимали той пѣснѣ святой.
Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра...
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.
И долго на свѣтѣ томилась она
Желаніемъ чуднымъ полна...

Кто не узнаетъ, что это тѣ точно самыя слова, которыя устами старца Зосимы высказывалъ Достоевскій, та же мысль о «касаніи мірамъ инымъ», но уже точно названа теорія непостижимыхъ цѣсенъ, очень странныхъ звѣздъ. *Это — рожденіе, рождающая душа человѣка, все то, что намъ представляется такъ кратко и просто.* Кто знаетъ характерно-«карамазовскій» діалогъ Платона «Федръ», это наводящее ужасъ размышленіе о чувственной любви, въ ея ужасныхъ, потрясающихъ формахъ, не могъ не обратить вниманія, что здѣсь сказано о «ниспаденіи на землю души человѣческой» и о «звѣздочкахъ», о «солнцѣ», «небѣ»—то самое, что сказано Лермонтовымъ въ приведенномъ стихотвореніи, совпаденіе поразительное, если принять во вниманіе, что Лермонтовъ едва ли зналъ Платона, по крайней мѣрѣ, въ тотъ юный возрастъ. Но міръ ноуменовъ одинаковымъ является для всякаго, на разстояніи тысячелѣтій, кто поблуждалъ около «мыса бурь», «мыса доброй надежды». Самыя эти «бури», эта «вальпургіева ночь» чувственности, противъ которой напрасно боролись самые возвышенные умы и могучіе характеры, отъ Соломона до Гете («Фаустъ») и имѣетъ то простое объясненіе для себя, *что здѣсь человѣкъ уходитъ въ міръ владычественныхъ ноуменовъ, и понятно, что онъ уходитъ въ нихъ тѣмъ глубже, чѣмъ болѣе могучія крылья поднимаютъ его въ «горняя».* Вотъ связь чувственности и генія, наблюдаемая на протяженіи всей исторіи, и причина, что такъ много «остововъ» и «разбитыхъ кораблей» лежитъ около этого мыса все-таки «доброй» и именно небесной надежды. Замѣчательно, что типичные раціоналисты, «отъ сего міра» люди, никогда не досягая этого мыса, не слагали ни стиховъ, подобныхъ Лермонтовскому (Пушкинъ вовсе не имѣлъ такой концепціи души человѣческой и жизни), ни образовали «идей», подобныхъ Платоновскимъ; и даже просто не могутъ этому повѣрить, «не видѣли», «не осязали» *)...

Около мистерій пола дымится вся религіозность Розанова, „святоносно-земляная религіозность“ его мистическаго пан·

*) „Въ мірѣ неяснаго и нерѣшеннаго“. 19—20.

теизма: религія „почти во всей своей существующей полнот струится отъ пола“,—тамъ въ этихъ глубинахъ зарожденi животной жизни, въ этихъ таинственныхъ сочлененіяхъ природы, въ этихъ тайникахъ плоти,—живетъ Богъ, отчег и самое зарожденіе свято; отчего и самыя сочлененія и тай ники—благословенны, отчего свята всякая плоть и всяка тварь, все живое, „всяческая во всемъ“. „Вся тѣмъ быш и безъ него ничесоже бысть, еже бысть“. Богъ здѣсь в животномъ, въ теплотѣ животно-рождающаго, плотскаг Богъ „какой-то мистическій узелъ въ мірѣ, гдѣ все свя зуемо“ *).

Душу Божьяго творенья
Радость вѣчная поитъ,
Тайной силою броженья
Кубокъ жизни пламенитъ,
Травку выманила къ свѣту,
Хаосъ въ солнце развила
И въ пространствахъ, звѣздочету
Неподвластныхъ, разлила
У груди благой природы
Все, что дышетъ, радость пьетъ,
Всѣ созданья, всѣ народы
За собой она влечетъ;
Намъ друзей дала въ несчастьи,
Гроздій сокъ, вѣнки Харитъ,
Насѣкомымъ—сладострастье...
Ангелъ Богу предстоитъ...

„Да,—пишетъ Розановъ,—чтобы «клубить міры» и разсѣивать звѣзды, для исчисленія которыхъ недостаточна наша нумерація, конечно, нужна не мутная водица, или даже не водица кристально чистая, но именно, какъ и сказалъ о Себѣ Господь: «огнь поѣдающій»; «Богъ ревнующій»—прибавилъ онъ почему-то тутъ же. Но мы входимъ въ «кубокъ жизни»; деревцо ушло въ темную могилку; передъ нами *мать, завтрашняя мать, сегодня «имущая во чревѣ»*, и снова мы припоминаемъ замѣчательное опредѣленіе Апостола: «чадорожденіемъ женщина спасается». Да—«спасается»

*) Литературные очерки. Сборникъ статей. Изд. 2-ое, стр. 180.

то-есть «чадорожденіе» не есть черная тѣнь, оттѣняющая свѣтъ и свѣты «воздержанія», но оно есть нѣкоторое положительное опредѣленное благо; и, какъ указываютъ предикаты младенца—оно не только «благо», но, при святомъ на него воззрѣніи, и *свято*... *). Мы будемъ мнить міръ съ Богомъ, но съ «Богомъ» именно отсюда начиная, здѣсь и впервые Его непосредственно, субъективно, въ таинственномъ материнствѣ ощущая"... Стремясь тентезировать полъ Розановъ даетъ такое его опредѣленіе. „Что такое полъ?"—спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ:

„*Жизнь*. Она начинается тамъ, гдѣ въ существахъ возникаютъ половыя различія; и эти послѣднія начинаются тамъ, гдѣ появляется жизнь. Растенія—и тѣ не лишены пола, но совершено лишены камня. Глубоко поэтому, и какъ бы выявляетъ мысль всей природы, наименованіе подруги перваго человѣка «Евою», что значитъ одновременно и «женщина», и «жизнь»: т. е. указываетъ, что «женщина»—это и есть «жизнь», что въ ея половыхъ отличіяхъ, и соотвѣтственно, конечно, въ половыхъ различіяхъ ея друга, и лежитъ тончайшій субъективный нервъ жизни. Но полнѣе и отчетливѣе—что же это такое? Не безъ причины полъ ищетъ мрака, любитъ ночь. Это *онъ самъ есть темнота*, но уже не окрестъ человѣка, но въ человѣкѣ. Темнота не какъ грѣхъ: о, нѣтъ!—но какъ важное. Человѣкъ имѣетъ день въ себѣ, въ своей организаціи, въ своихъ выявленіяхъ: ну, торговать, конечно, нужно днемъ—не просчитаешься; но придумывать *рифмы—ночью, иначе ошибешься*. На биржу мы спѣшимъ утромъ, но замѣчательно,—въ храмъ идемъ или ко «всенощной» или къ «утренѣ», т. е. или передъ полуночью, или сейчасъ за полуночью; въ обоихъ случаяхъ по темнымъ еще улицамъ и до восхода солнца. *Полъ—это начинающаяся ночь въ самой организаціи человѣка*: въ этомъ смыслѣ, что ясно анатомическое и сухо анатомическое его расчлененіе теряетъ здѣсь ясность, сухость и вмѣстѣ раціональность свою. Все, приближаясь сюда, становится транс-

*) Религія и культура. Сборникъ статей Статья „Семя и жизнь", стр. 170.

цендентно, т. е. не только окружено это трансцендентными по необъяснимости своей бурями, «огнемъ поѣдающимъ», но вообще какъ-то переливается въ значительности своей за край только анатомическихъ терминовъ. Это — второе темное лицо въ человѣкѣ, и, собственно, оно есть ноуменальное въ немъ лицо: отъ этого—творческое не по отношенію къ идеямъ, но къ самымъ вещамъ, «клубящее» изъ себя «жизнь», но оно такъ густо застлано отъ нашихъ глазъ туманомъ, что въ общемъ никогда его не удалось разсмотрѣть. Въ нормальномъ случаѣ, сейчасъ послѣ невинности и даже еще невинные, юноши и дѣвушки, тяготѣя другъ къ другу безспорно поломъ, тяготѣютъ имъ не функціонально, но лично: ясный знакъ, что полъ не функція, не органъ, — ибо какой же есть человѣкъ, который предпочелъ бы лучше умереть съ голоду, чѣмъ непремѣнно ѣсть эту кашу и этою ложкой? не дышать вовсе, чѣмъ дышать въ этой комнатѣ?“ *).

Итакъ, полъ—жизнь, темное — но не грѣшное, а, напротивъ, святое — въ жизни, темное—въ человѣкѣ. Подчеркивая личный, индивидуальный характеръ полового тяготѣнія, Розановъ этимъ еще болѣе хочетъ оттѣнить темное въ полѣ, ноуменальное, трансцендентное въ немъ. Начало пола мистично, но глубоко жизнено въ мистикѣ своей, оно свято въ „тайномъ сокровенномъ чувствѣ соприкосновенія мірамъ инымъ“, но и поверхность его, все, что вырастаетъ изъ него, дымится и благоухаетъ около него, въ атмосферѣ любленія ли, брака ли, семьи ли,—свято; свята вся плоть, все „мужеженское“, отцевское, материнское, дѣтское, глубоко-жизненное. Свята вся жизнь, и, какъ выше мы старались показать, „нѣтъ ничего проклятаго“, ничего „грѣховнаго“, безблагодатнаго, небожественнаго. И особенно благословенно все въ полѣ, какъ источникѣ съ одной стороны жизненности, животности, съ другой — божественности, святости...

Такъ думаетъ Розановъ.

Въ постановкѣ проблемы брака у Розанова съ особенной ясностью обнаруживается, какимъ образомъ онъ преодолѣлъ христіанство, какъ преодолѣлъ онъ христіанство

*) „Религія и культура“. Статья „Семя и жизнь“ стр. 171—3.

іудаизмомъ ветхаго завѣта и далѣе, едва задерживаясь только на нѣкоторыхъ моментахъ греко-римскаго язычества, въ существенномъ чуждаго его религіозной концепціи, перешелъ затѣмъ къ язычеству востока, къ мистической мудрости древняго Вавилона и Египта, къ мистическому пантеизму... „Черезъ священную субботу,—говоритъ между прочимъ Розановъ въ своихъ замѣчательныхъ, до краевъ полныхъ мыслями, характерныхъ статьяхъ, «Юдаизмъ»*), юдаизмъ сливается съ сиро-финикіянами, вавилонянами и египтянами, которые всѣ имѣли въ почитаніи таковыя сближенія, противоположныя порнографически унизительнымъ, или шаловливымъ и плутовскимъ, во всякомъ случаѣ физіологическимъ (снаружи) и пріятнымъ (внутренно), нашимъ, это происходитъ изъ обрѣзанія, — символа какъ бы креста, наложеннаго на полъ это было у всѣхъ названныхъ народовъ“... Здѣсь-то, въ этомъ религіозно-плотскомъ моментѣ, въ религіозности клубящейся около пола, соединяется и сливается въ одинъ бассейнъ совершенно однородной влаги «теизмъ» евреевъ — съ вавилонскимъ, египетскимъ, халдейскимъ“... Бракъ для Розанова, въ его «новомъ теизмѣ», восходящемъ къ гумманностямъ древняго восточнаго мистицизма,—несомнѣнно, глубочайшая, изначальная тайна, но это уже не таинство въ христіанскомъ смыслѣ. Теитизируя полъ, Розановъ пантеизируетъ пониманіе брака, какъ специфически христіанскаго таинства, бракъ—для него не *таинство христіанское*, а *таинство натуральное*, просто тайна.

Возставая, повидимому, противъ обездушенности, безтайности брака въ христіанской *культурѣ*, Розановъ, въ существѣ дѣла, идетъ неизмѣримо далѣе.

„Мы имѣемъ бракъ: драгоцѣнныя его черты выражены ли въ академическихъ нюансахъ въ томъ, что онъ — «образованъ» и она «хороша»? Какая профанація! глубже, глубже! «и въ болѣзни—не оставляй», «и въ безобразіи—сохрани». Да почему? почему? Да потому, что «святое» ихъ обоихъ, тотъ фактъ, что они «святятся» другъ для друга—не по поверхности скользитъ, но уходитъ вглубь именно и спе-

*) „Новый Путь“ 1903 г., №№ 7, 8, 9, 11 и 12.

ціально по линіямъ ихъ связи: къ Единому образу, которому они тамъ поклонялись. Вотъ откуда — свѣтъ брака! Бракъ есть поклоненіе «невидимому свѣту». Отрицательный ли онъ? Да онъ-то и побѣждаетъ смерть, не иносказательно, но фактомъ: гдѣ мое и женино въ этомъ младенцѣ? Мы живы въ немъ, а черезъ его нарожденіе живы въ безконечность. «Смерть — гдѣ твое жало?» Мать умираетъ за младенца; она—въ немъ; и краткій обрывокъ частнаго въ себѣ бытія естественно жертвуетъ за безконечное (въ будущемъ) свое же „я“. Не только въ колоритѣ, въ тембрѣ рожденіе противоположно смерти: оно въ самомъ дѣлѣ вѣчно вырываетъ у нея жертву, оставляя въ рукахъ ея, „подъ косою“, скорѣе «скорлупу бытія», нежели самое бытіе, ускользающее черезъ рожденіе — въ жизнь. Но оставимъ философію, займемся религіей: что значитъ, что мы тамъ «образу поклоняемся?» Въ чемъ сущность поклоненія? Гдѣ,—о чемъ плачетъ Позднышевъ, граница между «развратомъ», кощунствомъ въ бракѣ, и «религіей», «святымъ» брака? Здѣсь мы приходимъ къ труднѣйшей сторонѣ темы; но вотъ нѣсколько чертъ отвѣта. Свѣтъ образа отражается свѣтлымъ поклоненіемъ; если есть свѣтъ, душа не темна и не скорбна въ секунды брака — онъ правиленъ; замутнѣніе его раньше и чутче всего сказывается разстройствомъ его глубинъ“. Но глубины эти у Розанова могутъ быть чисты и святы, безгрѣшны и благодатны также и внѣ христіанскаго таинства, безъ Христа. „Бракъ есть поклоненіе *невидимому* Богу“... *и невѣдомому* у Розанова, Богу всего, богамъ всяческимъ, здѣсь уклонъ къ язычеству, къ пантеизму. По поводу стремленія Розанова „вселить Бога“ на дно бездны, въ нѣдра „брачнаго завитка“ одинъ изъ Его оппонентовъ (Іосифъ Колышко) замѣчаетъ: „По-моему — *тамъ Богъ былъ всегда*“. „Вотъ прекрасная мысль, прямо сказанная“!—съ восторгомъ восклицаетъ въ своихъ примѣчаніяхъ В. В. Розановъ. „Поклоненіе полу,— возражаетъ тотъ же оппонентъ,— есть черта *Ветхаго*, а не Новаго завѣта. Въ этомъ поклоненіи—отблескъ утраченнаго рая“... „Вотъ прелестная мысль“, съ восторгомъ примѣчаетъ опять Розановъ. Для него тоже Богъ тамъ былъ всегда въ Ветхомъ завѣтѣ и раньше, всегда была и тайна брака, она—

въ дохристіанскомъ, доисторическомъ, дочеловѣческомъ существованіи; *тайна* была всегда, а *таинства*,—и Христа въ немъ, какъ будто бы и не нужно совершенно, безъ этого какъ-то даже лучше было, чище, крѣпче, глубже, изначальнѣе, цѣльнѣе...

...„Не было чувства грѣха, — говоритъ о грекахъ Хрисанѳъ. «У нихъ вовсе не было того жестокаго сладострастія, которое у насъ составляетъ почти единственный источникъ всѣхъ и всякихъ грѣховъ»,—описываетъ Достоевскій людей другой планеты, — и въ тонѣ его словъ слышатся почти слезы, слезы скорби о теперь, слезы указанія на будущее. А онъ былъ слишкомъ проницателенъ, чтобы ошибиться; авторъ „Карамазовыхъ“ именно въ темѣ сладострастія былъ слишкомъ компетентенъ, чтобы сказать пустое опредѣленіе. Что же тутъ за тайна, которую онъ хотѣлъ выразить?! «У нихъ рождались дѣти, но эти дѣти были какъ бы общія и всѣ эти прекрасные, добрые, еще не согрѣшившіе люди составляли одну семью». Если мы спросимъ, чѣмъ семья и ея существо отличается отъ общества, отъ компаніи, отъ государства (въ ихъ существѣ), отъ всѣхъ видовъ человѣческаго общенія и связанности, то отвѣтимъ: святымъ и чистымъ своимъ духомъ, святою и чистою своею настроенностью. Семья есть самое непорочное на землѣ явленіе; въ отношеніяхъ между ея членами упалъ, умеръ, стертъ грѣхъ. Всѣ—просты. Всѣ не зложелательны. Говорятъ, что дѣлаютъ; дѣлаютъ, что хотятъ; прощаютъ, терпятъ; всегда веселы и всегда въ союзѣ. Грѣхъ на периферіи семьи. Члены семьи въ отношеніи къ внѣшнимъ уже обманываютъ, гнѣваются, хитрятъ. Безгрѣшность среди людей вообще, среди жителей планеты, очевидна и осуществима только черезъ одинъ путь: устраненіе вовсе периферіи съ семьи, т. е. раздвиженіе семьи на всю планету, включеніе всей планеты въ семью. Мать мнѣ— не одна эта старушка, а всѣ старушки, каждая встрѣчная на дорогѣ; но и дальше, больше: и старая собака, которая встрѣтила вернувшагося Уллиса послѣ двадцати лѣтъ отлучки и, завилявъ хвостомъ, умерла, уже есть родня Уллису; и такъ—всѣ другъ другу, такъ—вся планета. Гомеръ, старецъ, человѣкъ „золотого вѣка“, уловилъ эту

„собаку“: животное есть принадлежность полнаго дома, и коровки, и лошадки, и овцы — всѣ. Человѣкъ вмѣстѣ съ животными, другъ животнаго — это прежде всего человѣкъ, оставившій гордость. А гордость „Эдемомъ“ исключается. Отсюда невинныя и дружныя человѣку животныя введены, какъ ограническое звено, въ „рай“ первыхъ человѣковъ. Но вернемся къ указанію Достоевскаго: „у нихъ не было жестокаго сладострастія“. Сцена его „Сна“ до такой степени полна субъективнаго экстаза, что онъ, конечно, ничего не вспомнилъ, когда писалъ ее. Между тѣмъ въ „Бытіи“— также сказано, что грѣхъ человѣка, грѣхопаденіе, хотя оно заключалось только въ неповиновеніи Богу, сопровождалось страшнымъ послѣдствіемъ: что-то моментально произошло въ полѣ и люди закрылись древесными листьями. Началось „жестокое сладострастіе“. Надъ своими дѣтьми мы наблюдаемъ, что у нихъ полная невинность и ея затемнѣніе раздѣляются опять какою-то перемѣною въ полѣ — они невинны; но завтра имъ кто-то что-то объяснилъ, явилось сознаніе пола, объективный на него взглядъ, какъ на стыдъ, грѣхъ: и этотъ день есть день паденія нашихъ дѣтей. Такъ я помню съ собой; такъ наблюдалъ извнѣ. Но что же это такое?! Грѣхъ, смерть, стыдъ—связаны какъ числитель и знаменатель одной дроби. У грековъ не было чувства грѣха... Какъ же они смотрѣли на полъ? Обратно нашему. Какъ мы смотримъ? Какъ на грѣхъ. Грѣхъ и полъ для насъ тождественны, полъ есть первый грѣхъ, источникъ грѣха. Откуда мы это взяли? Еще невинные и въ раю мы были благословлены къ рожденію. Ною и его сыновьямъ Богъ повторилъ заповѣдь размноженія въ тѣхъ самыхъ словахъ, въ какихъ далъ ее Адаму; а Ной и его дѣти уже размножались, какъ мы, и слѣдовательно до грѣхопаденія и внѣ его предвидѣнія (свободная воля человѣка) была дана заповѣдь на рожденіе, именно то, какое было у грековъ, у насъ, у египтянъ, у всѣхъ. Семья, сейчасъ же начинающая расти послѣ грѣхопаденія, есть *эквивалентъ эдема:* одно средство соединенія съ Богомъ, помимо котораго всѣ другіе и непосредственные способы были утрачены. «Ты палъ, ты будешь безъ Меня: но вотъ тебѣ путь быть опять со Мной». Отсюда святой духъ семьи, исключи-

тельный. Отсюда страшное преступленіе вноситъ грѣхъ въ семью, ссориться, измѣнять, даже просто скрытничать. Мысль, что въ родникѣ семьи, въ полѣ содержится грѣхъ, есть одна изъ непостижимыхъ историческихъ аберрацій; она сейчасъ же перенесла святость въ смерть, въ гробъ. Какъ только человѣкъ подумалъ, что въ рожденіи грѣхъ, испугался его, застыдился: сейчасъ же святость и славу онъ перенесъ въ могилу и за могилу, и покорился смертному и смерти. Вотъ гдѣ связь трехъ факторовъ грѣхопаденія: повѣривъ Искупителю и вождю смерти, ео ipso человѣкъ застыдился, осудилъ въ себѣ родники жизни; а осудивъ родники жизни (стыдъ) — причастился смерти, сталъ смертенъ" *)...

Источникъ замутненія изначальной чистоты, нарушенія первозданной прелести естественной святости пола всюду переносится Розановымъ въ христіанство. „Нужно было совершиться какому-то вторичному и еще болѣе глубокому, чѣмъ первое, грѣхопаденію, пусть и незамѣтному для самого человѣка, чтобы онъ палъ оттуда—сюда" **), изъ гармоническаго эдема первозданныхъ туманностей древняго человѣка— въ дисгармонію христіанской грѣховности, этихъ „новой земли и новаго неба". Здѣсь для Розанова открывается и углубляется, страшно пугая его своей силой, какой-то ужасный изломъ исторіи, ужасный, почти непоправимый вывихъ человѣческаго сознанія въ его отношеніи къ Божеству, какой-то глубокій всемірный религіозный вывихъ, незалѣчимая ядовитая рана, нанесенная прикосновеніемъ темнаго лика Распятаго сіяющему въ лучахъ собственной премірной святости міру. Въ христіанствѣ,—и не въ исторической только прививкѣ его тамъ и здѣсь, а въ самомъ существѣ его, въ исходной точкѣ — свершилось *на взглядъ* Розанова второе грѣхопаденіе, самое настоящее и единственно-страшное грѣхопаденіе, грѣхо-сознаніе...

Въ постановкѣ проблемы пола, въ пониманіи сущности брака у Розанова, какъ и вообще въ его мистическомъ пан

*) „Демонъ Лермонтова въ окруженіи древнихъ миѳовъ". „Концы и начала, боги и демоны". Въ „Мірѣ Искусства" за 1902 г.

**) „Міръ Искусства" 1902 г. „Ипполитъ Эврипида на александринской сценѣ".

теизмѣ, дается *не освященіе язычества христіанствомъ*, какъ иногда хотѣлось бы понимать смыслъ его религіозно-философской концепціи, но само христіанство прямо поглощается язычествомъ, становясь въ лучшемъ случаѣ излишнимъ, въ худшемъ—вреднымъ. Если всякій бракъ святъ in natura, въ естественномъ состояніи своемъ, въ стихійной сущности своей, то христіанство, — и то лишь христіанство „новой концепціи" В. В. Розанова (безъ Голгоѳы), — въ лучшемъ случаѣ только *опознаніе* этой естественной святости брака, озареніе, признаніе существующаго, а не освященіе его въ собственномъ смыслѣ. „Богъ тамъ былъ всегда – прелестная мысль". Христіанство даже и въ этомъ допущеніи открыло только то, что уже было, но не принесло ничего новаго, признало старую тайну, поняло вѣковую, изначально святую тайность, но не принесло новаго освящающаго таинства. Поскольку оно пріемлемо, оно просто запоздало съ своей правдой.

Глубоко проникая въ смыслъ первой Божественной Ипостаси, Отчества, Бога-отца, Розановъ точно совсѣмъ не чувствуетъ, вѣрнѣе, не хочетъ чувствовать, въ страхѣ отворачивается отъ второй Божественной Ипостаси, Сына Божія. Ликъ Христовъ отодвигается имъ въ темный уголъ его молельни и становится вовсе невидимъ тамъ...

Провозглашая благость пола, святость плоти, божественность жизни, Розановъ исходитъ изъ представленія о безгрѣшномъ,—вѣрнѣе догрѣховномъ существованіи человѣка, изъ представленія райскаго блаженства первыхъ людей; его то скрытая, то явная предпосылка—изначальная, премірная, вглубь вѣковъ уходящая гармоничность жизни, гармоничность земляного, животнаго начала, естественная святость, и даже, собственно говоря, *не святость*, которая въ настоящемъ смыслѣ всегда есть побѣда надъ грѣхомъ, преодолѣніе его, а *невинность*, *дѣтская безгрѣшность*, которая отличается отъ истинной святости, какъ тезисъ отъ синтезиса въ діалектическомъ мышленіи или діалектическомъ развитіи Гегеля. Розановъ гипостазируетъ гармоническую невинность райскаго блаженства. Перенося ее въ міръ реальный, въ историческую дѣйствительность, въ сферу психологическаго

опыта, онъ обожествляетъ всю жизнь въ цѣломъ, „всяческая во всемъ“, все свято въ своей изначальной тайности. Все благостно, благодатно, свято или—просто невинно, внѣ грѣха, грѣхъ въ однихъ случаяхъ прямо отрицается, исключается имъ, какъ фикція поверхностнаго, неуглубленнаго сознанія, просто какъ нѣкоторый non-sens,—что по крайней мѣрѣ послѣдовательно,—въ другихъ—хотя и признается, но не имѣетъ достаточнаго основанія, не получаетъ никакого удовлетворительнаго объясненія въ его религіозно-философской концепціи, кажется чѣмъ-то случайнымъ, внѣмірнымъ, не реальнымъ, не умѣщается въ обоготворенной въ существѣ своемъ, гармонической въ глубинахъ своихъ жизни, животной жизни, безгрѣшной плоти...

Плотское въ полѣ, плоть вообще въ жизни не святы сами по себѣ, какъ кажется Розанову. Они даже и не невинны теперь въ пробужденномъ сознаніи человѣка. Святости и не было тамъ и въ изначальной глуби доисторическаго, аморальнаго, естественнаго состоянія, нѣтъ ея въ движеніяхъ страшно шевелящагося надъ нами родимаго древняго хаоса. Святости не было, но была невинность, которая утрачена съ грѣхопаденія первыхъ людей, послѣ того какъ, коснувшись грѣха, они вдругъ ощутили наготу свою и устыдились ея. Невинность въ прошломъ, въ представленіяхъ райскаго блаженства, въ отвлеченіяхъ дѣтской, животной безгрѣшности, и еще въ притяженіяхъ грядущей святости, въ благодатной освященности. Сзади безсознательно-стихійная, естественно-необходимая невинность, впереди—сознательно-свободная, возможная святость, въ настоящемъ же грѣхъ и борьба съ нимъ. Грѣхъ теперь—фактъ внутренняго опыта, незаслуженный голосъ проснувшагося сознанія, религіозно-нравственной жизни. Онъ загорается уже въ раннихъ проблескахъ сознанія, въ инстинктивномъ *стыдѣ*, которому придавалъ такое важное значеніе Вл. Соловьевъ, стремясь углубить его своимъ пониманіемъ („Оправданіе добра“). Невинность утрачена, святость не пріобрѣтена,—она ищется въ приближеніяхъ, въ безконечныхъ приближеніяхъ, и человѣкъ въ трагической дисгармоніи страстно трепещетъ въ мукахъ религіозной агоніи на сгибѣ этого мірового излома, среди бурнаго огненнаго водо-

раздѣла утраченной невинности и чаемой святости, потерянаго рая и рая обѣтованнаго. Мечта о потерянномъ раѣ, радостно-манящая греза о прекрасномъ эдемѣ—излюбленная тема Розанова, ею онъ согрѣваетъ, поэтизируетъ, одухотворяетъ свои писанія. Она тяготѣетъ надъ его сознаніемъ, надъ сферой его религіозныхъ исканій, какъ нѣкоторая навязчивая идея, властная, влекущая. Весь *до*-христіанскій и *внѣ*-христіанскій міръ окрашивается въ его воображеніи въ цвѣтъ этой радостно-зовущей идеи; свѣтлая, сіяющая дымка гармонической невинности, изначальной, естественной красоты, правды и безболѣзненности райскаго блаженства заманчиво клубится здѣсь, и манитъ, и очаровываетъ. Эдемъ царствуетъ здѣсь нераздѣльно, отодвигая боль грѣха, страданія и всяческій трагизмъ въ міръ христіанства съ его грѣховной расколотостью, пока янной изступленностью и воплями о покаяніи, о спасеніи. Духовно-безжизненному изнуренію Христовой Голгоѳы Розановъ противопологаетъ царство радостной безгрѣшности, смѣющейся невинности, нестыдности Эдема. Съ увлеченіемъ останавливается онъ на статьяхъ г. Рцы въ № 3 и 4 „Міра Искусства“ за 1904 г. „Нагота рая—эстетическая теорема“. „Мы необходимо *должны* *) допустить,—пишетъ здѣсь г. Рцы, что въ безгрѣшномъ состояніи человѣка, что въ условіяхъ *цѣльности* бытія, еще не расколотаго грѣхопаденіемъ, что въ томъ чудномъ Эдемѣ, который былъ насажденъ Господомъ для блаженства ноуменовъ, а не ихъ жалкихъ отображеній, что тамъ *извѣстенъ былъ методъ какого-то безконечно-нѣжнаго прилѣпленія человѣка къ женѣ* **). Въ этомъ методѣ не было ничего грубаго, жестокаго, оскорбительнаго. Напротивъ, въ немъ заключалось какое-то неизъяснимое благородство, какая-то непередаваемая утонченность; что-то такое, что должно было, по смыслу Верховнаго Художника, и дѣйствительно *могло* ***) удовлетворить требованію *абсолютной красоты* ***). Какъ логическое слѣдствіе такого порядка вещей—*страданія* ***) любви ни въ какомъ моментѣ, ни въ какой, даже самой слабой

*) Курсивъ подлинника.

**) Курсивъ мой.

***) Курсивъ подлинника.

степени, не были возможны. Ущербъ, изнеможеніе, увяданіе—всѣ эти атрибуты увяданія не были извѣстны первозданному человѣку. Упругость формъ и красота линій тѣла оставались *неизмѣнными* *). Только при такихъ условіяхъ и возможно было, что: «И были оба наги, Адамъ и жена его, и не стыдились»"...

„Въ этомъ труднѣйшемъ мѣстѣ и труднѣйшей темѣ,— пишетъ вслѣдъ за этимъ Розановъ, — у автора проходитъ двойственность, колебаніе. Въ началѣ явно говорится объ «алколоидѣ, вступившемъ въ мозгъ» и, очевидно, перемѣнившемъ *психику нашу, воззрѣніе* *) наше на любовь и кругъ моментовъ рожденія. Но въ концѣ концовъ говорится о *неизмѣнности дѣвственныхъ формъ* *) и въ рожденіи. Мы готовы уступить автору половину его тенденціи, и согласиться, что размноженіе внѣ грѣхопаденія происходило бы не совсѣмъ такъ, какъ сейчасъ: съ отсутствіемъ *боли* *)— это во всякомъ случаѣ (объ этомъ есть твердое слово Божіе), но, и далѣе, чуть-чуть даже in modo alio, novo et vetere, о какомъ ни воспоминанія, ни идеи у насъ не сохранилось и нѣтъ. Но именно *чуть-чуть* *). Авторъ взамѣнъ этого долженъ уступить намъ другую половину своей тенденціи, и допустить, что у насъ «закрылись очи» на кругъ моментовъ размноженія и что мы *смотримъ невѣрно и чувствуемъ невѣрно* этотъ кругъ, *какъ онъ есть сейчасъ* *): *что стеклышко зла* (*«первородный грѣхъ»*) *попало въ глазъ и испортило видѣніе...*" **).

Розановъ хочетъ вернуться къ гармоніи утерянnаго рая, возстановить его здѣсь, въ насъ, въ глубинахъ нашего чувствованія; во имя этой, дразнящей его грезы о эдемѣ, онъ бѣжитъ отъ христіанства и той, пугающей его воображеніе, тѣни, которую бросаетъ оно на первозданное, вѣчно живущее въ насъ чувство блаженства невинности. Подъ этимъ преображеннымъ взглядомъ засіяетъ весь настоящій „кругъ моментовъ размноженія", все освятится и освѣтится и за-

*) Курсивъ подлинника.

**) „Новый Путь". 1903 г. № 5. В. В. Розановъ. „Въ своемъ углу". „Замѣчательная статья".

сіяетъ изначальнымъ, первозданнымъ, прародительскимъ свѣтомъ безгрѣшности, свѣтомъ эдема. „Мы потеряли *внутреннее воззрѣніе*, всегда изъ крови открывающееся, изъ «семьи какъ эдема»...“, жалуется Розановъ въ той же статьѣ. „Нельзя жить въ семьѣ, если она не какъ эдемъ...“ И вотъ эдемъ реставрируется, оживаетъ, возгорается въ свѣтѣ мистическаго ученія Розанова, въ немъ изначально свята всякая плоть, свята жизнь и исключается освященіе вс Христѣ.

Плоть въ животномъ состояніи—безгрѣшна, нестыдна, естественно-гармонична, стихійно цѣлостна, невинна, *но не свята*, какъ кажется Розанову; тайна невинности заманчиво чаруетъ здѣсь, но таинство не свершается. Въ человѣческомъ, пробужденномъ уже отъ сна первоначальной невинности—всегда неистребимо присутствуетъ, хотя бы въ безконечно-малыхъ, грѣшное, стыдное, неестественно-дисгармоничное и сознательно-дуалистическое, трагическое начало, какъ бы какой-то духовный вывихъ проснувшагося къ новой жизни человѣка. Нѣтъ святости здѣсь, но есть уже въ мучительно-страстныхъ исканіяхъ, какъ смутное ощущеніе, жажда освященія, забрезжившій разсвѣтъ, приближеніе къ нему, слабое мерцаніе отдаленной зари божественнаго восхода, воистину святого состоянія. Синтезъ—открывается во Христѣ, въ истинномъ пониманіи и претвореніи въ себя брака, какъ Христова таинства, не въ исторически засоренномъ консисторіями и каноническимъ правомъ видѣ, а въ преображенномъ, просвѣтленномъ свѣтомъ грядущаго религіознаго сознанія, быть можетъ, свѣтомъ новыхъ откровеній... Здѣсь боль вопросовъ для тѣхъ, кто хочетъ остаться съ Христомъ, спокойная твердь для тѣхъ, кто можетъ успокоится на натуральной тайнѣ, угомониться „внѣ Христа“, въ грандіозныхъ попыткахъ вернуть естественную невинность, самосвѣтящуюся, земляную, внѣ-христіанскую святость мистическаго пантеизма Востока. Въ основѣ этой погони за Эдемомъ лежитъ обманчивый призракъ изжитого прошлаго, существующаго только въ мечтахъ и грезахъ...

Но на пути Розановскаго устремленія, въ его попыткахъ

тентизировать полъ, въ ужасѣ разверзаются зіяющія своей безпросвѣтной темной глубью бездны, раскрываются страшныя, бездонныя пропасти, изъ которыхъ несется страшно-щекочущій сатанинскій хохотъ, бѣгутъ странно-дрожащія черныя тѣни, загораются зловѣщіе, дразнящіе красные огни демонизма. Въ глубинѣ глубинъ пантеистической мистики Розанова страшно темная точка ея, черное жерло жизни, въ ея провалахъ и углубленіяхъ къ потусвѣтному, ноуменальному, вдругъ загорается огненно-краснымъ дьявольскимъ свѣтомъ.

Въ тентизаціи пола Розановъ, въ сущности, сенсуализируетъ Бога, топитъ Бога въ мистически-сатанинскихъ глубинахъ пола. „Беатриче, «Мадонна», «розовая тѣнь», которой, по разсказамъ, молился Вл. Соловьевъ и суть *изрѣдка* и *рѣдкими людьми* усматриваемая суть «того свѣта», который именно включаетъ въ себя половое начало“ *). Богъ утопаетъ у Розанова въ половомъ началѣ, растворяется въ немъ, вѣрнѣе излучается изъ него, какъ его сіяніе, какъ нѣкоторое производное, *второе*. Мистическій пантеизмъ Розанова въ этомъ пунктѣ имѣетъ уклонъ къ мистическому матеріализму, Богъ у него все же въ концѣ концовъ производное природы, второе, темное, лицо пола, естественное свѣченіе плоти *изъ самой себя*... Божественная теплота, сіяніе святости струится изъ глубинъ пола и должна слѣдовать за нимъ во всѣхъ его изгибахъ и изломахъ, должна просочиться въ самую темь его сложныхъ и извилистыхъ корневыхъ сплетеній, сходить по линіямъ не только тихой супружеской спальни, благоухающей семейности, величавой плодовитости „универсально-родильнаго дома Библіи“, но, разливаясь и все наполняя собой, должна втекать и впитываться также и въ естественные извивы, кривизны, протекать по потайнымъ ходамъ различныхъ *инфернальныхъ* излучинъ полового начала, не останавливаться передъ демоническими отвѣсами и сатанинскими провалами, ибо все это вѣтви все того же вѣчно шумящаго, вѣчно зеленаго

*) Курсивъ автора. „Въ мірѣ неяснаго и нерѣшеннаго“. Полемическіе матеріалы, стр. 76, примѣчаніе.

во внѣшнемъ цвѣтеніи, и вѣчно загадочно темнаго въ корняхъ своихъ, древа неизсякаемой жизни... Разъ уже Розановъ изначальной святостью плоти открылъ двери во всѣ стороны, разомкнулъ всѣ щели и скважины, необходимо дѣлается признать то, что войдетъ въ двери, и нечѣмъ уже защититься тогда и отъ того, что вползетъ въ щели и скважины, приходится все принять и все благословить, какъ святое и божеское, потому что все въ плоти и полѣ. При тѣхъ широко раскрытыхъ дверяхъ, которыя распахнулъ Розановъ на Востокъ, въ сторону подземнаго гула родимаго хаоса, нельзя укрѣпиться на какомъ-нибудь одномъ моментѣ религіозной мудрости Востока, нельзя принять одного гостя, сторонясь отъ другихъ. Отъ Мамврійскаго дуба, изъ мірной Палестины библейства его какимъ-то загадочнымъ вѣтромъ какъ бы все относитъ и, по существу позиціи, еще болѣе *можетъ отнести* — въ сторону блуднаго Вавилона, и далѣе къ памяти погибшихъ Содома и Гоморы. Когда подняты паруса, не справиться съ вѣтромъ... Страшныя бури, неистовые вихри крутятъ около его „мыса доброй надежды“ — самосвѣтящейся религіи семьи, самосвятящейся плоти, свѣтоносно-земляного начала; зловѣщими отблесками играетъ „сіяющее тѣло“ рождающей земли, страшные красные огни вспыхиваютъ и разгораются порою въ тѣхъ „*своихъ* лампадкахъ“, которыя, какъ мы видѣли въ прошлой главѣ, зоветъ Розановъ возжечь въ матушкѣ-землѣ: „пусть горятъ всю ночь. Ничего воздушнаго, главное, чтобы ничего воздушнаго“ приговаривалъ онъ въ страстномъ умиленіи передъ святоносно-земляным, плотскимъ... Но вотъ съ земли же вѣдь, въ „своихъ лампадкахъ“ дымится что-то страшное, зловонное, чему бы неоткуда, казалось, взяться при предпосылкѣ *гармоничности* жизни, таящей въ глубинахъ своихъ невинность райскаго блаженства... Около Розановскаго „мыса доброй надежды“ — невинности и цѣломудрія дѣятельнаго пола бушуютъ также волны всяческихъ инфернальностей, проносятся содомскія бури и вихри, проползаетъ страшное карамазовское насѣкомое, „насѣкомыя — сладострастія“, и порою плетутъ свои угрожающіе тенета страшные пауки, въ родѣ тѣхъ, которые преслѣдовали воображеніе Достоевскаго, по

гладкимъ стѣнамъ его крѣпкаго мыса осѣдаетъ липкая слизь смердяковщины съ ея трупнымъ запахомъ мертвецкой... Но прежде всего бури Карамазовскія, вихри сатанинскіе, смерчи Ставрогинскіе. Свидригайловскіе страстные задыхающіеся хрипы... „И въ тебѣ, Ангелъ,—говоритъ Димитрій Карамазовъ брату Алешѣ,—это насѣкомое живетъ, *и въ крови твоей буря родитъ. Это—бури, потому что сладострастіе—буря, больше бури!* Красота—это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопредѣлимая, а опредѣлить нельзя, потому что Богъ задалъ одни загадки. Тутъ берега сходятся. *Тутъ всѣ противорѣчія вмѣстѣ* живутъ. Я, братъ, очень необразованъ, но я много объ этомъ думалъ. Страшно много тайнъ! Слишкомъ много загадокъ угнетаютъ на землѣ человѣка. Разгадывай, какъ знаешь, и *выплывай сухъ изъ воды*. Красота! Перенести я при томъ не могу, что иной, высшій даже сердцемъ человѣкъ и съ умомъ высокимъ, начинаетъ съ идеала Мадонны, а кончаетъ идеаломъ Содомскимъ. Еще страшнѣе, кто уже съ идеаломъ Содомскимъ въ душѣ не отрицаетъ и идеала Мадонны, и горитъ отъ него сердце его, и воистину, воистину горитъ, какъ и въ юные безпорочные годы. Нѣтъ, широкъ человѣкъ, слишкомъ даже широкъ человѣкъ, я бы сузилъ. Чортъ знаетъ, что такое, вотъ что! Что уму представляется позоромъ, то сердцу сплошь красотой. Въ Содомѣ ли красота? Вѣдь, что въ Содомѣ-то она и сидитъ для огромнаго большинства людей,—зналъ ты эту тайну или нѣтъ? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тутъ дьяволъ съ Богомъ борется, а поле битвы—сердца людей“... Дисгармоничны, внутренне-противорѣчивы, и демоничны, и божественны въ одно и то же время,—самыя основы пола, самыя глубины его,—этого отрицать нельзя: борьба дьявола съ Богомъ идетъ въ самыхъ нѣдрахъ плоти, въ глубинѣ глубинъ ея, рождая бури, смѣшивая идеалъ Мадонны съ идеаломъ Содомскимъ, молясь и кощунствуя. Оттуда идетъ все свѣтоносно-земляное, мистически-свѣтлое, святое или только потенціально святое, но оттуда же слышится шопотъ демонизма и сатанинства, шопотъ Содома, шорохъ страшныхъ инфернальныхъ движеній карамазовскаго насѣкомаго, зло-

вѣще страшное хрипѣніе Ставрогина, вопли Свидригайлова, ревъ вихрей и бурь преисподней пола...

„Возьмите,—пишетъ г. Розановъ *),—странные порывы Свидригайлова; смѣшайте съ нею философію Ивана Карамазова (любовь къ «клейкимъ листочкамъ», которая «все выживетъ и все переживетъ»), да и всю карамазовщину, съ распутно-добрымъ Митей и «святымъ» Алешей, который, однако, все это (карамазовское) въ высшей степени понимаетъ («и я—такой же»,—говоритъ онъ); не обѣгайте даже Ѳедора Павловича, помня комментаріи изъ *записной книжки* Достоевскаго, «мы *всѣ*—Ѳедоры Павловичи», т. е. немножко «по образу его, по подобію его». Положите въ букетъ, съ ея неслышной походкой, Грушеньку. Получится большой возъ — сѣна. Это еще «погудка», «такъ себѣ», не «буря» и не «мгла». Теперь положите все это подъ прессъ огромнаго давленія и силующите въ тонину почтоваго листа: *то ужасное напряженіе страстей, какое получится — вдругъ заструнится свѣтомъ всего Востока*. Тутъ и Дамаскъ, и «дщери Сіона», и «тельцы въ Веѳилѣ», которыхъ поставилъ Іеровоамъ, и весь высокій полетъ Библіи. Но и обратно: вотъ почему «ворохъ» Достоевскаго попахиваетъ библейскимъ, и онъ самъ—«во пророцѣхъ» запада"...

Ужасно какъ все связно, слитно здѣсь, въ этой жуткой загадкѣ пола и святости его, какъ глубоко, пугающе глубоко понимаетъ это Розановъ, понимаетъ... и *принимаетъ* святость, порою сознательно и открыто сливая божественное въ демоническомъ и общемъ живомъ переплетѣ своихъ догадокъ и намековъ...

Принимаетъ... но не всегда. чаще пытается оградиться, не крестомъ, конечно, а „семьей, какъ религіей", „ложемъ нескверным", беременностью, дѣтской колыбелькой, младенческой невинностью — „универсальнымъ родильнымъ домомъ Библіи" и тому подобнымъ, но волны *снизу*, изъ темныхъ глубинъ пола, изъ темноты его, изъ инфернальныхъ потайныхъ источниковъ, напираютъ и смываютъ искусственныя, номинальныя запруды, совершенно невозможныя при

*) „Религія и культура". Новые эмбріоны, стр. 250.

исходныхъ основаніяхъ, при фундаментальныхъ предпосылкахъ его мистическаго пантеизма. „Природа человѣческая,— пробуетъ отговориться онъ *),—и именно не въ минеральныхъ, а жизненныхъ своихъ частяхъ, и частнѣе — въ темпераментѣ, въ полѣ, имѣетъ не только что-то положительное, но именно отсюда она становится мистическою, *и при томъ съ благимъ, положительнымъ, а не съ чернымъ, не съ демоническимъ содержаніемъ*. Это безспорно еще и изъ того, что мысль, геній, всякія прозрѣнія философскія лучатся отсюда же. Вся природа благоухаетъ весною—ну, вѣдь это же отъ Бога, никто этого не оспоритъ; но мало замѣчено, что и человѣкъ тоже начинаетъ благоухать геніемъ въ весну своего возраста. *Намъ очень важно установить не-демоничность пола*“...

„Жизнь полюбить прежде, чѣмъ смыслъ ея“,—Розановъ въ своемъ мистически-пьяномъ любованіи ею, въ своемъ страстно-упоенномъ тайнодѣйственномъ нашептываніи развернулъ сокровенныя глуби, заглянулъ въ страшныя потемки жизни. Въ разверзшихся передъ нимъ зіяющихъ расщелинахъ бытія, въ мистически темныхъ узлахъ и сочлененіяхъ естественнаго, натуральнаго, жизненнаго вдругъ обнаружились затягивающія топи страшнаго демонизма, ужаснаго, бунтующаго сатанизма, обнажились и потребовали своего признанія, благословенія себѣ, обожанія и моленія, ибо они плоть отъ плоти изначально святой — по Розанову, божественной, кость отъ кости во всемъ благодатнаго, въ существѣ божественнаго. бого-животнаго, бого-творящаго міра. На ряду съ идилліей „универсальнаго родильнаго дома Библіи“, на ряду съ идиллической семейственностью зашевелились, подземнымъ шорохомъ давая о себѣ знать, страшныя тѣни мрачнаго подполья, подполья пола, подполья плоти вообще — отверженнаго, темнаго, неестественнаго... Проснулось разогрѣтое святостью плоти бунтующее начало ея, — зловѣщее, угрожающее, — заискрились демонически-страшные, вызывающіе, инфернальные извивы человѣкобожества, изгибы властнаго безудержа индивидуальнаго дерзновенія,

*) „Религія и природа“. „Смыслъ аскетизма“, стр. 179.

геніально выраженнаго Достоевскимъ въ Карамазовыхъ. Сви дригайловѣ, Ставрогинѣ, Ипполитѣ, Версиловѣ, „Подпольномъ человѣкѣ“, „деревенскихъ Власахъ“ и многихъ другихъ. Проснулось страшное въ своей безотвѣтной требовательности „подполье“ и предъявило свои права на признательность, на святость, на Божественность... И некуда отсюда уйти, некуда спастись, нечѣмъ защититься здѣсь, въ концѣ концовъ, Розанову. Противъ стенаній и воплей, противъ посягательствъ и вызововъ хотя бы „подпольнаго человѣка“ Достоевскаго онъ безсиленъ... Здѣсь святость бытія проваливается въ бездонную пропасть вѣчно-непримиримыхъ противорѣчій и диссонансовъ,—*она самоотрицается*: „На самомъ дѣлѣ надо знаешь чего?—спрашиваетъ подпольный человѣкъ Достоевскаго.—Чтобъ вы провалились, вотъ чего. Мнѣ надо спокойствія. Да я за то, чтобъ меня не безпокоили, весь свѣтъ сейчасъ за копѣйку продамъ. Свѣту ли провалиться или мнѣ чаю пить? Я скажу, что свѣту провалиться, а чтобъ мнѣ чай всегда пить“...

Здѣсь крѣпость, занятая Розановымъ, подтачивается изнутри; его позиція осложняется и изрѣзывается неожиданно странной рѣзьбой всяческихъ изломовъ и отвѣсовъ, во многихъ точкахъ ее пересѣкаютъ линіи весьма многихъ инфернальниковъ пола. Въ иныхъ узлахъ и сплетеніяхъ отъ его углубленій въ дисгармоническую сущность пола, то замалчиваемую имъ, то вдругъ страшно ощутимую,—могутъ быть проведены связующія нити въ различныя стороны; между прочимъ, сюда можетъ быть въ нѣкоторыхъ своихъ моментахъ вплетена философія пола, философія любви и смерти въ художественномъ творчествѣ моднаго теперь, хотя и не слишкомъ глубокаго, Станислава Пшибышевскаго... Розановская святость плоти потечетъ по линіямъ психологическихъ развѣтвленій и изгибовъ польскаго писателя, закрутится въ бурныхъ вихряхъ этого безумія пола, нервно кричащаго, воспаленнаго, задыхающагося въ страшныхъ судорогахъ самоотрицанія, самопожиранія...

Здѣсь-то въ святой плоти промывается отверстіе, черезъ которое святость протекаетъ къ сатанизму и демонизму; жизнь свята во всѣхъ ея проявленіяхъ, божественность,

благодать разлита въ нихъ повсюду, истекая изъ мистическихъ глубинъ, гдѣ свѣтъ сливается съ тьмой, родится изъ нея, гдѣ міры загораются, выдѣляясь изъ нѣдръ первозданныхъ туманностей.

И вотъ по развѣтвленіямъ узоровъ психологическаго рисунка въ постановкѣ проблемы пола воображеніе Розанова уже притягивается страшнымъ притяженіемъ полового извращенія, аномалій въ полѣ, которыя, какъ онъ глубоко понимаетъ, коренятся въ самомъ естествѣ. Уже влекутъ къ себѣ, вызывающе дразнятъ, понуждая на благословенную признательность съ точки зрѣнія его концепціи,—и соединеніе съ животными, и кровосмѣсительство *), и всевозможное инфернальное въ полѣ.

Вотъ вслушайтесь хотя бы въ эту, по необходимости длинную, сложно-узорчатую цитату:

„Чадо-зачатіе есть главный, трансцендентально-мистическій актъ, гдѣ человѣкъ актомъ участія своего сводитъ душу съ до-мірныхъ высотъ и завиваетъ ее въ стихіи. Нельзя не видѣть въ актѣ этомъ еще продолжающагося и по сейчасъ міротворенія: ибо міръ въ точности *еще* творится, *вновь* создается въ каждомъ вновь зачинаемомъ живомъ существѣ. Никогда и никѣмъ (наукою) не постигнутое существо жизни, «тайна жизни», «тайна живого бытія» оттого и не постигнуто, что стихіи, «азотъ», «кислородъ», куда завита жизнь,—и зѣмны, и раціональны, но «огонекъ», въ нихъ завитый «душою живою», точно ниспалъ «съ неба», точно—не земной вовсе, и не стихійной природы. Мы выше упомянули объ аномаліяхъ въ полѣ: противоестественныхъ (и часто неодолимыхъ) въ немъ влеченіяхъ, такъ мало и даже вовсе не разгаданныхъ; однако, вдумаемся же въ самый терминъ, который одинъ мы сумѣли прибрать къ непонятному явленію: полъ идетъ *противъ* естества и рушитъ намъ сколько-нибудь понятные его законы; обнаруживаетъ такое въ природѣ своей, что не отвѣчаетъ всѣмъ нашимъ понятіямъ о немъ и раскрываетъ его именно съ трансцендентной стороны. Можно сказать, дать упомянутое

*) См. неоконченную печатаніемъ статью въ „Мірѣ Искусства“ за 1904 г. „Что сказалъ Тезею Эдипъ“ (загадка сфинкса).

объясненіе этимъ аномаліямъ—значило бы ввести понятное въ душу міра и, наконецъ, приблизиться къ разгадкѣ жизни на землѣ. Но остановимся же на терминѣ: *противо*-естественное и значитъ *внѣ*-естественное, безъ-законное, т. е. *инуду*—превходящее *въ* законы и *въ* естество „сего міра“—при томъ ихъ *отмѣняющее, одолѣвающее*. Что же это такое? Всегда это почти суть волненія, отмѣняющія законъ чадородія, и собственно его замѣняющія собой, т. е. ему *эквивалентныя*. Эти тайны такъ жгутъ языкъ, что о нихъ нельзя собственно говорить: и языкъ «прильпе къ гортани», и бумага подъ чернилами горитъ, тлѣетъ, проваливается. Наступаетъ „ἄρρητος“. *Но вотъ кой-что и хоть въ формѣ намека*: въ аномаліи, которую мы не смѣемъ назвать по имени, человѣкъ усиливается и дѣйствительно ухитряется выйти изъ своего „species“—закона чрева выносившей его матери и также закона Божія, отдѣлившаго день его созданія отъ прочихъ и болѣе раннихъ дней. Но „Господь привелъ къ человѣку всѣхъ животныхъ и повелѣлъ всѣмъ имъ нарѣчь имя“, т. е. постичь ихъ существо и дать формулу. И вотъ, какъ-бы „нарекая имена“, человѣкъ отходитъ отъ своего «я» къ ждущимъ его вниманія безъ-реченнымъ животнымъ. Онъ сходитъ съ „трона человѣчности“ и погружается въ міръ подъ собой, въ природу до себя, въ „дыханіе“ болѣе раннихъ дней творенія, чѣмъ „шестой день“: единственная точка и единственная секунда, гдѣ это совершается, гдѣ это можетъ совершиться. „Я“ его—расплылось теперь, растворилось, не иносказательно, но на самомъ дѣлѣ въ

> ...дольней лозы прозябаньи...
> И гадъ морскихъ подводный ходъ..

Странная минута, гдѣ вѣдѣніе и даже именно дыханіе, біеніе пульса, содроганіе переступаетъ грани, вообще доступныя человѣку, и о чемъ вспомнивъ, онъ можетъ и въ *правѣ* будетъ повторить, что—

> Съ природою одною онъ жизнью дышалъ,
> Листовъ разумѣлъ прозябанье.—
> Была ему звѣздная книга ясна...

это же поразительно; это—фактъ, онъ именно въ томъ состоитъ, на что мы указываемъ: *именно въ слiянности на секунду, въ отождествленiи, въ счлененiи даже до одного неразрывнаго существа съ стихiями пятаго и четвертаго творческихъ дней.* Нигдѣ еще, ни въ чемъ еще человѣкъ не можетъ совершить актъ этого могущества, и никогда отъ этого онъ не порывается иначе, какъ въ полѣ, къ этому „выходу изъ себя", „переступанiю черезъ себя". Вотъ маленькая попытка возможнаго объясненiя; вотъ тайны очень мало „снившiяся нашимъ мудрецамъ", но которыхъ тайное вѣдѣнiе мы находимъ въ мірѣ скульптуры и живописи, въ темныхъ миѳахъ человѣчества, во всѣхъ этихъ „минотаврахъ" и проч., гдѣ дни творенiя перемѣшаны и мы видимъ сумерки бытiя, ни день, ни ночь, ни „человѣка", ни „лошадь", но „полу-лошадь и полу-человѣка". Какъ это далеко отъ архаизма и дикости, но заключаетъ въ себѣ ноуменальную тайну—видно изъ того, что при множествѣ болѣе благородныхъ „сюжетовъ" упражняли надъ этимъ кисть свою (и слѣдовательно воображенiе) творецъ „Тайной вечери" Леонардо да-Винчи („Леда") и „Страшнаго Суда" Микель-Анжелло („Леда" же). Человѣкъ въ полѣ развивается въ „альфу и омегу" жизни и бытiя, когда во всемъ остальномъ онъ есть альфа ли, омега ли, но непремѣнно *одна* и *опредѣленная* буква животнаго алфавита. „Не хорошо быть человѣку одному"... Теперь, что же просвѣчиваетъ намъ въ этой аномалiи? Родство человѣка съ природою, не изолированность его, и то, что онъ лежитъ на ней кроткимъ и владычественнымъ вѣнцомъ: все то, что такъ трудно теоретически доказать. Это — аномалiя въ одну сторону, и есть еще четыре или пять, расходящихся по разнымъ направленiямъ. Во всѣхъ ихъ чрево жизни какъ бы пробуравливается, и въ узенькую воронку потрясающаго случая мы разглядываемъ еще второе, „надъ" или „подъ" міромъ чрево; въ самомъ дѣлѣ „еще земное" и „опять небо"— звѣздное ли, но уже не съ нашими созвѣздiями, „лилейное"— но гдѣ цвѣты уже не нашихъ садовъ" *). Въ концѣ кон-

*) „Въ мірѣ неяснаго и нерѣшеннаго" „Врагъ и христiанство" 117—9, примѣчанiе.

цовъ В. В. Розановъ тщетно старается установить „недемоничность пола“. Напротивъ, объявивъ весь полъ, всю плоть, всю жизнь, въ самыхъ исходныхъ точкахъ ея, въ творческихъ премірныхъ узлахъ, въ преисподнихъ глубинахъ,—святою, божескою, благословенною, принявъ ее и облюбовавъ, не страшась ея дисгармоничности, не закрываясь отъ ея демоничности, Розановъ становится въ извѣстномъ смыслѣ неуязвимъ и *страшно* силенъ. Обнаживъ мистически-демоническое въ полѣ, и освятивъ его въ Богѣ, какъ нѣчто изъ себя творящее Бога, самосвѣтящееся, „свѣтоносно-земляное“, свято-плотское и божественно могучее, выявивъ глубь до видимаго дна, Розановъ не можетъ быть опровергнутъ изнутри, онъ силенъ собой, своимъ обильнымъ внутреннимъ питаніемъ. Реализмъ земляного начала здѣсь послѣдовательно проведенъ, продуманъ до конца, прочувствованъ до глубинъ, до тайнъ, до мистически-демоническихъ основъ своихъ. И Розановъ часто какъ будто только изъ какой-то деликатности-ли, боязливости-ли отъ нихъ отмахивается, какъ будто умышленно не выговаривая всего, не подчеркивая, иногда даже зачеркивая и затушевывая послѣдовательность и глубокость своей позиціи. Онъ какъ бы нарочно *укорачиваетъ* линіи узоровъ своего міросозерцанія... За то—откажись онъ отъ этихъ фиговыхъ листковъ, останься въ наготѣ своего мистически-демоническаго человѣкобожества, „знающаго добро и зло“—онъ станетъ неприступенъ. Тогда съ нимъ уже невозможенъ станетъ споръ,—можно, ужаснувшись — отойти ко Христу, противостать, но не спорить...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Волжскій.

Мистическій пантеизмъ В. В. Розанова *).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Карамазовскій вопросъ въ концепціи мистическаго пантеизма Розанова. Особенная сложность этого вопроса здѣсь.—Ослабленіе личнаго начала въ человѣкѣ и Богѣ. –Затемнѣніе сущности Карамазовскаго запроса о смыслѣ индивидальнаго поруганія личности другимъ вопросомъ.—Разрѣшеніе его у самого Розанова.—Моленіе своему Богу въ христіанской видимости.—Сложность позиціи въ вопросѣ о свободѣ въ вѣрѣ.

Концепція мистическаго пантеизма Розанова все вбираетъ въ себя. Онъ приметъ не только глубь демонизма, онъ все приметъ, все благословитъ, со всѣмъ примирится, ибо все въ своихъ земляныхъ глубинахъ добро зѣло, все свято.

Не существуетъ для Розанова знаменитаго бунтарскаго вопроса Карамазова о смыслѣ индивидуальнаго трагизма, о безсмысліцѣ принятія міра при наличности неоправданнаго страданія, неутѣшныхъ слезинокъ „хотя бы одного того замученнаго ребенка, который билъ себя кулаченкомъ въ грудь и молился въ зловонной конурѣ своей неискупленными слезами своими къ «Боженькѣ»“. Трагизмъ индивидуально-неразрѣшимаго, индивидуально-невозстановимаго поруганія личности, ужасъ неоправданнаго страданія, неутѣшной индивидуальной обиды, которыя никогда, никогда въ индивидуальности своей, въ единичной случайности не найдутъ себѣ утоленія, ни въ какомъ грядущемъ торжествѣ правды, вся эта самая больная боль, самая напряженная, интимная мука нрав-

*) См. „Вопросы Жизни“ № 1, 1905 г.

ственно-религіозныхъ исканій Достоевскаго, не волнуетъ, не мутитъ глубинъ жизнелюбиваго мистическаго пантеизма Розанова. Здѣсь, конечно, не дается абсолютнаго торжества правды, не разрѣшается боль и обида неоправданныхъ единственныхъ униженій и оскорбленій, проблема Достоевскаго остается безъ отвѣта, не рѣшается, но растворяется, расплывается въ самой постановкѣ ея.

Проблема теодиціи, сложнымъ переплетомъ вплетеная въ Карамазовскій вопросъ Достоевскаго, просто устраняется Розановымъ, она не только не рѣшается у него, она даже не ощущается, не сознается въ страшно-болящемъ узлѣ своемъ—въ изступленныхъ вопрошаніяхъ о смыслѣ индивидуальнаго страданія, индивидуальнаго зла въ мірѣ... Розановъ не чувствуетъ вообще этой мучительной обостренности запросовъ гибнущей индивидуальности, этого индивидуальнаго трагизма, личное въ его концепціи притупляется въ болѣзненно-чувствительномъ остріѣ своемъ, оно обезличивается, растворяясь въ глубинахъ жизни, сливаясь съ ея цѣлымъ, всеобщимъ, безпредѣльно-огромнымъ, безконечно-живымъ, бездоннымъ, личное растворяется въ индивидуальныхъ заостреніяхъ своихъ, расплывается и тонетъ въ волнахъ естественнаго, вѣчно-живого, животно-плотскаго. Какъ *личный* Богъ, какъ мистическій ликъ Христа, абсолютно единственнаго, лично-божественнаго, такъ и неповторяющаяся индивидуальность человѣческая не властны надъ религіознымъ сознаніемъ Розанова, все это пантеизируется, сливается здѣсь съ общимъ дыханіемъ жизни, тускнѣетъ въ живыхъ, но *не личныхъ* краскахъ жизни. Розановъ любитъ жизнь въ ея текучести, плодоносимости, неустанной рождаемости, боготворитъ ее въ новыхъ и новыхъ безчисленныхъ повтореніяхъ, безконечно растущихъ побѣгахъ вѣковѣчнаго древа жизни, въ „розовомъ безсмертіи“ вѣчно цвѣтущаго пола, вѣчно зачинающаго новую жизнь, вѣчно раждающаго чрева... Въ нутряномъ, земляномъ началѣ побѣждается для него жало смерти. Но Розановъ любитъ все же именно живую *конкретную* жизнь, *эту*, ближайшую, видимую, подлинно сущую здѣсь около насъ, любитъ ближняго конкретнаго человѣка, а не абстракцію человѣчества, не дальняго

человѣка, не проэкцію его въ будущемъ. Любовь эта въ высшей степени характерна для всей концепціи Розанова, она плотская любовь въ самомъ широкомъ смыслѣ слова; она не связывается съ абсолютной неповторяемостью, абсолютной невозвратимостью, единичностью индивидуальныхъ чертъ жизни, не приковывается къ нимъ, но она и не абстрактная любовь въ то же время. Съ одной стороны Розановъ, дѣйствительно, какъ бы не вѣритъ въ смерть, такъ какъ жизнь не схватывается его углубленнымъ сознаніемъ въ своихъ абсолютно идивидуальныхъ гибнущихъ чертахъ, съ другой стороны онъ не вѣритъ въ жизнь индивидуальнаго въ ея неповторяющихся моментахъ. Взглядъ его прикованъ къ неизсякаемымъ тайникамъ жизненной глуби, гдѣ она въ своей глубочайшей, неизсякаемой мистической сущности вѣчно жива, вѣчно равна себѣ, и онъ чувствуетъ, осязаетъ эту мистическую неизсякаемость, эту „здѣшнюю вѣчную“ жизнь, чувствуетъ такъ сильно, такъ реально, какъ и ближайшую дѣйствительность, черты конкретнаго человѣческаго лица. Его пантеистическая любовь къ жизни, такимъ образомъ, не абстракція, безкровная, безплотная, внѣконкретная, какъ у многихъ пантеистовъ, она во плоти и крови, живая, животная, сочная и красочная, но она все же, въ строгомъ смыслѣ *внѣ личности* человѣка и Бога, *внѣ абсолютной индивидуальности*.

Отсюда открывается уклонъ къ любви внѣличной, пожалуй, даже къ нѣкоторой любовной деспотіи, которая не знаетъ абсолютно цѣнныхъ индивидуальныхъ точекъ въ своемъ прилѣпленіи, чужда Христову лику въ его абсолютной Божественной единственности, чужда—основной религіозно-нравственной аксіомы абсолютной равноцѣнности людей во Христѣ, абсолютной цѣнности индивидуальнаго человѣка, разсматриваемаго въ своей мистической божественной сущности, какъ самоцѣль. Цѣнна жизнь *вообще* (но не въ абстракціи все же), живой, настоящій *этотъ* человѣкъ, но не самъ по себѣ, какъ индивидуальный, а какъ настоящій, дышащій живой жизнью, какъ настоящее отраженіе вѣчно бьющагося пульса міровой жизни, какъ необходимое звено, горящее кольцо въ общемъ пламени самосвѣтящихся глубинъ..

Человѣкъ цѣненъ не какъ *безсмертное индивидуальное «я»*, а какъ звено въ безконечной цѣпи *безсмертія жизни*, какъ моментъ земляного цвѣтенія... Съ моральной стороны концепція Розанова—углубленный, осложненный эвдемонизмъ, *эвдемонизмъ мистическій*. Тутъ-то онъ чуточку задѣваетъ образъ „Великаго инквизитора“ въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ Достоевскаго.

Здѣсь страшно огрубить точку зрѣнія В. В. Розанова, но не хочется замолчать эту сторону его концепціи. Сложность, замаскированность и противорѣчивость его позиціи здѣсь достигаетъ высшей мѣры...

Правда, къ человѣколюбивому преодолѣнію индивидуальной боли, индивидуальнаго трагизма, въ геніальномъ антихристіанствѣ „Великаго Инквизитора“ Достоевскаго Розановъ приближается не прямо и не открыто, а въ скрытыхъ очень сложныхъ, тайныхъ, трудно ощутимыхъ, но все же несомнѣнныхъ касаніяхъ. Открыто, сознательно онъ возсталъ противъ царства созидаемаго мыслью Великаго Инквизитора, возсталъ своей критикой его въ книгѣ „Легенда о Великомъ Инквизиторѣ Ѳ. М. Достоевскаго“ *). Возсталъ противъ, но теперь уже несомнѣнно отошелъ отъ того, во имя чего возсталъ, и, такимъ образомъ, подрубилъ сукъ, на которомъ держался и за который и теперь еще держится, хотя чувствуетъ уже, что упалъ съ нимъ на землю, и держится за него совершенно внѣшне,—не на немъ, но за него держится, на землѣ сидя.

Въ своей книгѣ Розановъ называетъ идею Инквизитора „странной и очень трудно опровержимой“, но все же опровергаетъ ее. Вотъ какъ онъ понимаетъ эту идею: «Тебя предупреждали,—говоритъ Инквизиторъ Христу.—Ты не имѣлъ недостатка въ предупрежденіяхъ и указаніяхъ, но Ты не послушалъ ихъ и отвергъ единственный путь, которымъ можно было устроить людей счастливыми». И затѣмъ онъ высказываетъ свою идею, слѣдя за которой серьезно, невоз-

*) Первое изданіе въ 1891 году. Второе—съ нѣкоторой оговоркой въ предисловіи вышло въ 1902 году. Если бы В. В. Розановъ былъ откровеннѣе, оговорки его здѣсь должны бы быть еще рѣшительнѣе.

ожно не ощутить нѣкотораго ужаса, который тѣмъ сильнѣе возрастаетъ, чѣмъ яснѣе чувствуешь его неотразимость. Нити всемірной исторіи, какъ она совершилась уже, будущія судьбы человѣка, какъ ихъ можно предугадывать, мистическій полусвѣтъ и непостижимое соединеніе неутолимой жажды съ отчаяніемъ въ бытіи для нея какого-либо объекта, все это сплелось здѣсь удивительнымъ способомъ и въ цѣломъ своемъ образовало слово, которое мы не можемъ не принять какъ самое глубокое, самое проникновенное и мудрое, что, съ одной возможной для человѣка точки зрѣнія, было когда-либо имъ о себѣ подумано" *). Достоевскій вскрылъ своей критикой въ легендѣ о Великомъ Инквизиторѣ, какъ и раньше, еще въ „Запискахъ изъ подполья", мистическую сущность абсолютнаго достоинства человѣческой личности, которая нигдѣ и никогда не должна быть превзойдена, какъ средство. Розановъ отлично понимаетъ и показываетъ это, но критика его исходитъ здѣсь изъ элементовъ христіанства, даже своеобразно понятаго православія **), которыя далѣе имъ самимъ преодолѣваются въ самомъ корнѣ и болѣе или менѣе рѣшительно отметаются или перевоплощаются. По поводу словъ Инквизитора, обращенныхъ ко Христу ***), Розановъ дѣлаетъ такое характерное примѣчаніе, совсѣмъ не вяжущееся со смысломъ конечныхъ выводовъ его мистическаго пантеизма. Въ трехъ этихъ строчкахъ выражено понятіе Достоевскаго о сущности христіанства и указанъ руководительный принципъ для дѣятельности христіанина: *всегда мысленно предстоящее дѣло относить къ Христу и спрашивать себя: совершилъ ли бы Онъ его, или, видя, одобрилъ ли бы, не нарушая* при этомъ въ своей мысли *цѣльности* Его образа, какъ Онъ переданъ намъ Евангелистами, *совокупности* всѣхъ чертъ его. Мы думаемъ, этотъ принципъ есть истинный, и при соблюденіи его Евангеліе никогда бы

*) „Легенда о Великомъ Инквизиторѣ Ѳ. М. Достоевскаго" стр. 77.

**) См. стр. 120—2 книги В. В. Розанова.

***) „Вмѣсто твердаго древняго закона, свободнымъ сердцемъ долженъ былъ человѣкъ рѣшать впередъ самъ, что добро и что зло, имѣя лишь въ руководствѣ *Твой образъ* передъ собой"...

не могло быть подвергнуто тѣмъ насильственнымъ примѣненіямъ, какимъ, посредствомъ установленія изъ него отдѣльныхъ выраженій, оно подвергалось въ исторіи" *).

Далѣе въ своихъ исканіяхъ онъ расширяетъ этотъ принципъ до самоотрицанія, совершенно поглощая Христа своимъ мистическимъ пантеизмомъ. Но уже и здѣсь, въ книгѣ „Легенда о Великомъ Инквизиторѣ Ѳ. М. Достоевскаго", ослабляетъ и затемняетъ индивидуальный, интимный характеръ трагическихъ запросовъ Достоевскаго въ устахъ Карамазова. Въ первомъ изданіи своей книги Розановъ даетъ попытку раціонализаціи христіанскаго разрѣшенія этой проблемы, попытку, переставшую далѣе удовлетворять его самого. „Дойдя,—пишетъ онъ въ предисловіи ко второму изданію—до критики страданія людей, въ частности *младенцевъ* **), я пытался тогда, въ 1891 году, раціонализировать около этой темы. Это ошибка"... Вслѣдъ за тѣмъ Розановъ разсказываетъ *свой* примѣръ на тему Карамазовской тяжбы изъ за неоправданныхъ въ ихъ индивидуальной боли невинныхъ страданій. Близъ Костромы найдено мертвое тѣльцо младенца, умершаго, очевидно, въ ужасныхъ мукахъ отъ голода. Младенецъ брошенъ,—предполагаетъ Розановъ,—матерью, скорѣе всего незаконно родившей его... Въ гармоніи съ своей излюбленной теперь темой Розановъ напираетъ здѣсь болѣе всего не на безсмысленность индивидуальной гибели, а на гибель отъ незаконно-рожденности. „Мы живемъ,—пишетъ онъ здѣсь,—въ эрѣ *похуленнаго рожденія*; потрясеннаго абсолюта *половъ*, т. е. жизни, т. е. опять же рожденія. И костромской фактъ, въ общей его картинѣ и смыслѣ, есть продуктъ этого похуленія, и *внѣ нашей эры его не существуетъ* (??). Ибо гдѣ слава и честь—тамъ не умираютъ, не умерщвляютъ, а гдѣ позоръ—тамъ уже непремѣнно умрутъ. Явилась и непремѣнно должна была явиться у насъ нѣкоторая доля какъ бы *апокрифическихъ* рожденій, не попадающихъ въ тѣсный канонъ; и какъ апокрифическія книги не велѣно читать, предосудительно дер-

*) Тамъ-же стр. 87.

**) Курсивъ автора.

жать, одобрительно уничтожить: такъ дѣти апокрифическія не прямо, но косвенно указуются къ вычерку изъ «книги живота». Моисей и его судьба, но безъ дочери фараоновой, à priori вырисовываются. И вырисовывается нужда, сердечная принужденность, подумать о вторичномъ «Исходѣ», аналогичномъ Моисееву. Ибо, какъ и сказалъ Достоевскій: «позвольте, согласились ли бы вы принять такую гармонію»? Но онъ совершенно не подумалъ, какъ далеко простирается его вопросъ, *и какъ самыя дорогія ему идеи закручиваются и идутъ ко дну именно около дѣтей.* Онъ взялъ въ примѣръ необъяснимости вообще страданій абсолютную правду, чистоту: *дитя.* Ему въ отвѣтъ кидается: дитя-то и есть преимущественная *скверна*, первая *вина* человѣковъ, ихъ стержневый *грѣхъ*. Около этого вопроса «Легенда» Достоевскаго, которая могла бы казаться только теоріей, разсужденіемъ, и таковою дѣйствительно была для него (??), наливается, такъ сказать, сокомъ и кровью практики, и вдругъ нисходитъ въ совершенно реальную проблему"... *).

Здѣсь уже интимность боли карамазовскихъ вопрошаній, вопрошаній Достоевскаго, передвинута, *индивидуальная боль* за костромского младенца, за его непоправимое поруганіе, превзойдена, раскалывается и какъ бы затушевывается гяжбой за дѣтей, за незаконнорожденныхъ дѣтей, горитъ передъ ужасомъ аскетически-дѣтоубійственнаго канонизма историческаго христіанства, „похулившаго рожденіе, потрясеннаго абсолютно пола". Вопросъ здѣсь не въ томъ, что потрясенъ абсолютно ли, а въ томъ, что повершенъ *абсолютъ личности*, дѣло не въ томъ, что есть безвинная гибель отъ незаконнорожденности, а въ томъ, что есть *безвинная гибель личности вообще*, общѣе — въ томъ есть трагизмъ индивидуальной безысходности. У Розанова ли вопросъ внесенъ въ замкнутый кругъ „нашей эры", перенесенъ на почву борьбы съ христіанствомъ; розановскій запросъ — не карамазовскій запросъ,—первый ограниченнѣе, специфичнѣе и рѣшимѣе, второй интимнѣе, глубже... И рѣшается онъ Ро-

*) „Легенда о Великомъ Инквизиторѣ Ѳ. М. Достоевскаго". Изданіе 2-е, стр. 5.

зановымъ очень по-своему уже въ первомъ изданіи „Легенды о Великомъ Инквизиторѣ Ѳ. М. Достоевскаго“, рѣшеніе это дается рядомъ съ раціоналистически христіанскимъ рѣшеніемъ, но по существу независимо отъ него. Это рѣшеніе, или, вѣрнѣе устраненіе, залѣченіе боли вопроса, не сознательно-инквизиторское, но въ тайникахъ своего смысла анти-христіанское; Розановъ своеобразно истолковываетъ образъ Алеши, какъ отвѣтъ на сатанинскій вызовъ идеи инквизитора.

«Алеша, блѣдный, трепещущій Алеша, голько еще растущій, безсильно поднимающій руки къ небу — истинное олицетвореніе малаго ростка съ огромнымъ гніющимъ сѣменемъ жизни—какъ бы разбитъ и подавленъ этимъ мощнымъ исповѣдываніемъ зла, признаніями «умнаго духа пустыни, духа смерти и разрушенія»... Какъ бы растерянный, не находя ни въ чемъ опоры, онъ хватается за свое сердце, за ту жизнь, которая въ немъ бьется, законовъ которой онъ не знаетъ и знаетъ, однако, что они хороши. Въ непостижимой силѣ и красотѣ жизни, намъ данной и нами благословляемой, но и непостижимой для насъ, таинственной, онъ находитъ эту опору противъ злого духа:

— Братъ, *какъ же ты будешь жить?*—спрашиваетъ онъ».

Въ этомъ восклицаніи и лежитъ весь смыслъ и вся сила опроверженія: признаніе ограниченности своего ума, который даже такого близкаго, намъ родного явленія, какъ жизнь, не можетъ не только не постигнуть, но и сколько-нибудь приблизиться къ его пониманію, и уже, конечно, не въ силахъ постичь стремленіе мірозданія и источника добра и зла. Прилѣпленные къ жизни, даже «не понимая ея смысла», мы непреодолимо начинаемъ думать, что *есть въ ней нѣчто неизмѣримо болѣе глубокое, нежели тотъ жизненный смыслъ, который мы хотѣли бы въ ней видѣть, и, найдя, только его, готовы были бы примириться съ нею, «принять ее»*. Ощущеніе мистическаго, въ чемъ коренится наше бытіе, хотя мы его не видимъ, наполняетъ нашу душу, смиряетъ нашъ умъ, но и возвращаетъ намъ *силу жизни*. «Правъ Ты, Господи, и неисповѣдимы пути Твои», — невольно говоримъ мы въ своей душѣ, когда, послѣ всякихъ

неизъяснимыхъ тревогъ и мукъ сознанія, снова возвращаемся къ покою простой вѣры, къ этому прочному слѣдствію исповѣданія непостижимаго. Съ прочностью вѣры этой соединены и наши надежды" *)...

Жажда жизни, стихійная, нутряная, земляная жажда,— вотъ отвѣтъ. „Прилѣпленіе къ жизни, даже не понимая ея смысла", потому что „есть въ ней неизмѣримо болѣе глубокое, нежели тотъ жалкій смыслъ, котораго мы хотѣли бы въ ней видѣть". Это находится въ тѣсной связи съ философскими предпосылками Розановскаго міросозерцанія. Природа,— жажда жизни,—это основное, *первое*; Богъ, смыслъ,— это уже *второе*, отраженное: жизнь—первозданное, натуральное, идеалъ—превнесенное, надуманное.

„Жизнь полюбить больше чѣмъ смыслъ ея", „нутромъ полюбить", „чревомъ полюбить",—вотъ куда прежде свего клонитъ Розановъ рѣшеніе карамазовскаго вопроса. За „первую половину дѣла" стоитъ онъ, за нее уцѣпляется,— въ этомъ — въ припаденіи къ кубку, въ прилѣпленіи къ землѣ — вся тайна смысла, въ этомъ Богъ и оправданіе... Вѣрою въ плоть, святую до всякаго освященія, вѣрою во всеразрѣшающую силу жизни, свѣтоносно-земляного начала, дышитъ религіозное ученіе Розанова, и онъ стоитъ на немъ, какъ на камнѣ. Христіанскія же мѣста въ его критикѣ „Легенды" представляются намъ теперь такими же совершенно излишними, искуственными заставками, какими изобилуютъ писанія Розанова самыхъ послѣднихъ лѣтъ. Къ христіанскимъ образамъ здѣсь обращается онъ съ своимъ языческимъ моленіемъ, христіанская внѣшность всюду сопровождаетъ его въ циклѣ настроеній мистическаго пантеизма, передъ Ликомъ Христа онъ совершаетъ служеніе богамъ инымъ. Здѣсь христіанство съ антихристіанскимъ нутромъ, язычество съ христіанскимъ обличьемъ.

Въ недавнихъ фельетонахъ „По тихимъ обителямъ" **), разсказывая о своей поѣздкѣ въ Саровъ, Розановъ дѣлаетъ

*) „Легенда о Великомъ Инквизиторѣ", стр. 125.

**) „Новое Время". 1904 г., четыре фельетона за августъ—сентябрь.

очень характерныя, обнаженныя признанія. „Простая женщина,—разсказываетъ, между прочимъ, Розановъ,—все клала длинные поклоны: и долго-долго лежала каждый разъ голова ея на ступенькѣ, ведущей къ ракѣ. Когда она отошла (чтобы прикладываться), дерево ступеньки было такъ закапано слезами, точно тутъ немного полили изъ лейки. Такъ удивительно это было видѣть. Я незамѣтно сталъ на ея мѣстѣ и, положивъ земной поклонъ, *поцѣловалъ эти слезы. Если бы даже кто не любилъ Бога, какъ не полюбить эту любовь къ Богу?!* Чудное дѣло — религія: какъ-то умѣетъ же человѣкъ самое насущное свое, боли, страданія, горести, поименныя, ежедневныя, — связать съ самымъ далекимъ, неосязаемымъ, вездѣсущимъ. И молится вотъ о „болящемъ Ванѣ“ Тому, Кто держитъ міры подъ десницою и покровительствуетъ Вѣчности: какъ будто такая даль можетъ видѣть такую малость! Но видитъ она! *А главное человѣкъ вѣритъ, что видитъ, и живъ этою вѣрою. И святъ же человѣкъ молящійся: если бы даже „тамъ“, въ небесахъ, и было пусто, какъ непремѣнно хотятъ скептики, то все равно слезы человѣчества уже сами по себѣ суть религія и вызываютъ къ себѣ религіозное умиленіе*“. Слезами умиленія, земному, самосвѣтящемуся сіянію молится здѣсь Розановъ, молится, пожалуй, какому-то невѣдомому, таинственному пану, вдругъ проснувшемуся здѣсь, около „тихихъ обителей“ „неудавшагося христіанства“. Заканчивая описаніе своей поѣздки, Розановъ уже прямо раскрываетъ свои карты, понимая, какъ самъ признается, что „никакая побѣда не можетъ быть выиграна съ фальшивыми картами“. Подчеркивается здѣсь, что занятая позиція „стоитъ внѣ орбиты христіанства, что это—древнее язычество, которому, останется вѣренъ человѣкъ, и не можетъ, да частью и не хочетъ остаться ему невѣрнымъ“.

— „Ну, вотъ и окончательно домой! — подумалъ я не безъ облегченія, садясь въ коляску. — Ближе ко щамъ; ну ее, всю эту мистику, и бѣлыя, и черныя сіянія, и психику дня и ночи“.—Прямо за стѣнами монастыря, какъ началось шлепанье грязи, овраги и пригорки, сразу входишь во всю реальность бытія. Это что-то совсѣмъ иное. Все познается

черезъ противоположности и, можно сказать, не побывавъ въ отрицаніи жизни — не вкусилъ бы такъ остро самой жизни. Запахъ дегтя отъ колесъ волновалъ меня теперь не менѣе „благоувѣтливаго“ вида монахинь. И ямщикъ, какъ повернулъ домой, развеселился же:

— Эй вы, зелененькіе! — неожиданно удивилъ онъ меня страннымъ обращеніемъ къ парѣ гнѣдыхъ. И столько было ласки въ грубомъ, веселомъ окрикѣ. „Своя лошадь! Своя собственность“!—вотъ первое и упорное, а, наконецъ, и вѣковѣчное отрицаніе монастыря. *Гдѣ пробуждается собственность, личная, своя, особенная, поименная, нѣтъ монастыря, да, пожалуй, тамъ нѣтъ и христіанства.* Недаромъ древніе, первые, одушевленные христіане „имѣли все общее“, какъ записано въ исторіи. Это не коммунизмъ, который ставитъ усиленный плюсъ на собственности, а совершенно ему противоположное, ибо здѣсь на собственности поставленъ минусъ. Впрочемъ, не столько на собственности—ибо монастыри развиваются въ богатыя экономіи—сколько на собственности поименной, индивидуальной, и въ послѣднемъ анализѣ—вообще на всякой индивидуализаціи человѣка. „Своя жена! свои дѣти! свой домъ“! все это — отрицаніе и вѣковѣчное отрицаніе христіанства, которое и учитъ о себѣ, что окончательное торжество его тогда настанетъ, когда „лицо міра прейдетъ“. *Спорящіе противъ монастыря никакъ не хотятъ понять, что они въ то же время спорятъ и противъ христіанства, объективные—прямо противъ Христа. Тогда такъ прямо и надо это говорить, ибо никакая побѣда не можетъ быть выиграна съ фальшивыми картами.* Нужно прямо говорить, что „моя лошадь! моя жена! мои дѣти!“ — стоитъ внѣ орбиты христіанства; что это—древнее язычество, которому еще остается вѣренъ человѣкъ, и не можетъ, да частью и не хочетъ, остаться ему невѣрнымъ. Если „торжество христіанства“ сливается съ „прехожденіемъ лица міра“, то пока онъ все-таки стоитъ, этотъ несносный міръ, и мы привязаны— я къ домашнимъ щамъ, ямщикъ мой къ лошади, другой къ женѣ, къ дѣтямъ, мы всѣ *и въ правѣ* говорить: міръ еще не прешелъ и мы язычники“. Монастырю въ свою очередь на это нечего отвѣтить: сжавъ губы, не-

годующе, презрительно онъ скажетъ: «*прейдетъ! испепелится!*» Но пока еще звѣзды не попадали съ неба, мы—господа положенія и... „sumus ut sumus, aut non sumus“ (останемся какъ есть или перестанемъ вовсе быть), какъ отвѣтилъ одинъ упорный папа XVIII в. на предложеніе измѣнить status quo католичества. Трудно постигнуть, кто выживетъ и одолѣетъ,—въ судьбахъ исторіи и міра,—*ликъ ли Христовъ съ Его испепляющею красотою, покоряющею всякое сердце*, покорившею языческій міръ, *или—столпъ земли съ его тяготами, съ механикой и геометріей, теоремы которой никакъ тоже не „испепеляются“* *). Я былъ пораженъ великой эстетикой монастыря, а выѣхавъ изъ него, все-таки сказалъ про лѣса, поля, ямщика и его хату: «здѣсь лучше, съ этими... веселѣе». И «веселѣе»—не дурнымъ весельемъ, а просто въ смыслѣ: «легче стало». Экстазъ всякій тяжелъ, между прочимъ—и монастырскій. Если эстетика приковываетъ вниманіе, то непремѣнно должно быть и даже вожделѣнно что-то «послѣ эстетики», т. е. гдѣ нѣтъ эстетики: ибо вѣчное напряженіе невозможно, и хочется отдыха, свободы. Эстетика—это мигъ; а вѣчность именно не эстетика, и даже что-то отрицательное въ отношеніи ея. Здѣсь—права земли, права безобразнаго или вообще некрасиваго. Эстетически можно умереть; а прожить—никакъ нельзя эстетически, и здѣсь—права жизни, реализма. Въ послѣднемъ анализѣ, эстетическія нити именно бѣлыя, холодныя. А теплота міра и содержится въ этихъ грубыхъ: «Моя зелененькая лошадь!», «Мои черноглазенькія дѣти»,—и все поименно, индивидуально, конкретно. Тутъ—столпъ міра, «пупъ земли», также мало преходящій и «испепеливающійся», какъ и теоремы геометріи. Здѣсь встрѣчается, т. е. получаетъ себѣ изъясненіе, евангельское предсказаніе, что «къ концу міра—охладѣетъ любовь», т. е. что разожмутся объятья, въ которыхъ держитъ человѣкъ прекрасную землю—родину и земныя твари. Но это, какъ и «звѣзды посыплются съ неба»: пока еще любовь грѣетъ, а звѣзды стоятъ на мѣстѣ—мы sumus ut sumus aut non sumus“.

*) Для Розанова вопросъ здѣсь—только риторическій.

Здѣсь Розановъ противъ христіанства выдвигаетъ какъ разъ—*личность*, *личное* начало. Между тѣмъ въ основѣ его собственнаго міропониманія, въ той позиціи, которую онъ занимаетъ въ Карамазовскомъ вопросѣ, какъ мы выше отмѣтили, отрицается личное, интимно-индивидуальное, не повторяющееся; въ конкретно-жизненномъ, въ любовно земномъ отношеніи къ жизни преодолѣвается боль невозвратимой, неискупимой гибели личности, въ кровномъ растворяется, затемняется единокровное, въ вѣчно-живомъ скрывается лично-гибнущее, въ рожденіи—смерть, въ пантеизмѣ—абсолютная цѣнность личности, единосущій личный Богъ и абсолютно единственный, ничѣмъ незамѣнимый Ликъ Христа... Все божественное, все родное здѣсь у Розанова, все роднится, святится и свѣтится въ мистическихъ узлахъ, въ глубочайшихъ сплетеніяхъ животныхъ, вѣчно-рождающихъ нѣдрахъ природы, но нѣтъ *Едино* роднаго, *Едино*-спасающаго, нѣтъ и не надо его.

Подавленный опытомъ историческаго христіанства, изуставъ отъ него психологически въ своихъ, часто насильственныхъ, искусственныхъ и, въ концѣ концовъ, рѣшительно враждебно-язвительныхъ подхожденіяхъ къ нему, Розановъ въ глубинѣ глубинъ своихъ писаній, въ сердцевинѣ ихъ, отошелъ прочь и отъ Христа, хотя внѣшнимъ образомъ руки его порою простираются къ Нему, и уста его шепчутъ старыя, затворенныя слова, чтутъ и славословятъ...

Въ связи съ этимъ, особенно сложной, прихотливо изогнутой, внѣшне-противорѣчивой и внутренно несогласованной представляется намъ позиція Розанова въ вопросѣ о свободѣ вѣры. Въ религіозно-философскихъ собраніяхъ поднимался этотъ вопросъ по поводу доклада кн. Волконскаго; Розановъ случайно не присутствовалъ на этомъ докладѣ, въ преніяхъ не участвовалъ, и воззрѣнія его по этому пункту въ запискахъ собраній не представлены, однако въ прежнихъ его статьяхъ проводилась очень опредѣленная точка зрѣнія на вопросъ о свободѣ въ вѣрѣ, отъ которой онъ позже отошелъ. Она была изложена главнымъ образомъ въ статьѣ „Свобода и вѣра“ (по поводу религіозныхъ толковъ

нашего времени) *), которая тогда же вызвала знаменитую статью покойнаго Владиміра Соловьева „Порфирій Головлевъ о свободѣ и вѣрѣ“ **)

„Статья о свободѣ и вѣрѣ“ только что появилась въ одномъ изъ здѣшнихъ журналовъ и,—писалъ Соловьевъ,—„не подписана именемъ Головлева, но совокупность внутреннихъ признаковъ не оставляетъ никакого сомнѣнія насчетъ дѣйствительнаго автора: кому же, кромѣ Іудушки, можетъ принадлежать это своеобразное, елейно-безстыдное пустословіе? Въ сравненіи съ этимъ, всѣ измышленія и правотолкованія другихъ противниковъ религіозной свободы, какъ, напримѣръ, г. Л. Тихомірова, кажутся чѣмъ-то прямодушнымъ и добропорядочнымъ“ ***)...

Розановъ стоялъ здѣсь за нетерпимость церковнаго исповѣданія, даже прямо за насиліе церкви. „Что же грѣшнымъ рукамъ, оберегающимъ церковь, дѣлать, слыша хулу на оберегаемое изъ тысячи устъ? дѣлать въ текущій моментъ, когда человѣкъ потерялъ сознаніе грѣха, утратилъ идею свободы, и даже уже не различаетъ, къ чему относится хула? Сперва умолить, навсегда открыть свободу хулы противъ себя, про-

*) „Русскій Вѣстникъ“. 1894 годъ, кн. 1-я. Статья частью именно и направлена была противъ Соловьева.

**) Собраніе сочиненій. В. С. Соловьева, т. V.

***) Вотъ что пишетъ Розановъ въ „Русск. Вѣстникѣ“ за 1902 г. „Изъ переписки С. А. Рачинскаго“ по поводу этой статьи Вл. Соловьева: „...статья эта никакого внечатлѣнія на меня не произвела, и я глупо сдѣлалъ, что на нее отвѣчалъ—туманно, тоскливо, фанатично (въ защиту нетерпимости). Но въ отвѣтѣ почти нѣтъ о Соловьевѣ ничего, а только усложняется защита нетерпимости. Нужно замѣтить, во всемъ рядѣ этихъ статей, я боролся не столько противъ Соловьева, котораго мало и читалъ, сколько противъ квадратныхъ славянофиловъ, которые ужасно мнѣ надоѣли разглагольствованіями о свободѣ, имѣя въ душѣ свободы и могущества не болѣе, чѣмъ Молчалинъ. Но статья „Порфирій Головлевъ“ какъ-то литературно Соловьеву удалась, всѣмъ понравилась, и, напримѣръ, такіе почтенные люди, какъ Я. Колубовскій и С. Венгеровъ въ „Энциклопедіи“ Брокгауза и Эфрона, подвели итогъ моей литературной характеристики. Въ понятности и распространенности этой характеристики сказался упадокъ литературнаго вкуса: ибо характеристика плоска и не умна“.

тивъ своего гноя, немощи, грѣха, и потерпѣвши, очиститься, чтобы съ силою возстать на защиту церкви... вѣдь и грудной ребенокъ, видя, какъ подняли руку надъ его мамкой, кричитъ и протягиваетъ рученки, чтобы ее защитить; какъ же требовать, чтобы народы не дѣлали подобнаго движенія, когда поднимается рука на церковь ихъ, когда хула открывается на самого Бога"... Розановъ сознательно, намѣренно сводитъ аналогію свободы вѣры къ безразличію въ вѣрѣ. Въ основаніи ли своей церковной нетерпимости онъ прямо указывалъ боязнь потерять вѣру въ Бога. „...Не наша независимость, самостоятельность намъ дорога: развѣ мы не теряли ее, и не однажды, прибѣгнувъ къ власти чужеземца, припавъ къ вѣрѣ Византіи, поѣхавъ за море всему учиться и все свое позабыть? Итакъ, почему требующіе (свободы) не думаютъ, что тутъ есть источники болѣе глубокіе: *„мы боимся перестать вѣрить въ Бога"*..

„Все перепуталось въ нашъ путаный вѣкъ, и вотъ, гнойный сифилитикъ, только и знавшій, что бродить изъ блудилища въ блудище, спрашиваетъ: каковы законы разума, для чего они? тѣло поднимаетъ ропотъ противъ души, міръ—противъ церкви, грѣхъ противъ святыни, передъ нимъ лежащей. Въ этомъ и ни въ чемъ другомъ, весь смыслъ религіозныхъ движеній за послѣдній вѣкъ, *то явно направленныхъ противъ церкви, то какъ будто благопріятныхъ ей*, хотящихъ только кое-что въ ней *поправить*... поправить какими руками? По законамъ чьей совѣсти? нашей прокаженной, пригнувшейся въ зависти, кусающейся? *Это мы-то будемъ что-нибудь поправлять?* да и къ чему тутъ поправлять—все свято, *окончательно:* пусть кто-нибудь, для испытанія, для примѣра, ну хоть для издѣвательства въ результатѣ, но съ *серьезностью на минуту*, прочтетъ всѣ каноны, всю литургію, молитвы, самый обрядъ церковный: да что же тутъ исправлять, къ чему? все свято, все до того непорочно и чудно въ этой непорочности, что въ самомъ дѣлѣ неестественно, чтобы изъ смрадной человѣческой души, какъ наша, это вышло; или „земля новая" позади насъ, въ прошломъ,—или, если она ожидается еще, это въ самомъ дѣлѣ на землю прислана съ неба. Такимъ образомъ, церковь не только не

допускаетъ какой-либо борьбы съ собой, но и не знаетъ этого, что могло бы съ нею бороться, подъ инымъ угломъ, какъ только подлежащее исчезновенію, разсѣянію *); подобно какъ разсудокъ не знаетъ глупости съ иной точки зрѣнія, какъ что ей нужно перестать быть, равно совѣсть — что нужно перестать быть ея искаженію. И это въ строгомъ соотвѣтствіи съ твердостью ея вѣры, какъ и вѣры разсудка или совѣсти — въ истину своего утвержденія; всѣ требованія, чтобы она допустила борьбу противъ себя, *есть требованія религіозныхъ скептиковъ*, чтобы она такъ же усумнилась въ себѣ, какъ они усумнились въ ней... въ этомъ все дѣло, въ этомъ тайна положенія вещей, безъ прикрытія"...

Такая позиція В. В. Розанова была еще сколько-нибудь понятна и психологически объяснима, пока подъ ней держалась (насколько глубоко и внутренне крѣпко, сліянно — это другой вопросъ, который мы склонны рѣшать отрицательно) почва православной ортодоксіи. Логически эта точка зрѣнія, конечно, открыта даже и православной критикѣ, которой подвергъ ее и Вл. Соловьевъ (въ главѣ „Іудушка клевещетъ на православную церковь") и затѣмъ дружественный Розанову Страховъ въ личныхъ бесѣдахъ съ нимъ **), но психологически, въ связи съ настроеніемъ писаній „Русскаго Вѣстника" и вообще въ связи съ настроеніемъ оффиціальной апологетики „православія", она привычна, понятна и объяснима. Зато теперь, когда Розановъ давно уже сошелъ съ прежней ортодоксальной почвы и погрузился въ глубины иныхъ настроеній, иныхъ религіозно-философскихъ исканій, позиція его становится въ этомъ пунктѣ все болѣе непонятной, хитро-загадочной, странной и... страшной. Перечитывая теперь эту и подобныя ей статьи Розанова, ощущаешь словно какое-то раздвоеніе, разслоеніе личности когда-то писавшаго такъ, а теперь пишущаго свои пронзительно-рѣжущія, тонко-смѣющіяся статьи. Розановъ въ статьѣ „Свобода и вѣра, "вырылъ самъ себѣ яму, въ которую очень легко

*) Для реализаціи этихъ отвлеченностей см. хотя бы „Монастырскія тюрьмы" А. С. Пругавина.

**) См. „Литературные очерки", стр. 246.

ему теперь попасть, теперь, когда онъ началъ самъ „поправлять", переставлять, видоизмѣнять, подмѣнять то, что въ 1894 году казалось свято и *окончательно*". „Какими руками?", спрашивалъ онъ въ 1894.: — своими, тѣми самыми, какими подталкивалъ на церковное насиліе въ борьбѣ противъ вѣротерпимости... Правда, статью свою Розановъ не включилъ въ отдѣльныя изданія, но уже въ 1896 году, въ некрологической статьѣ о Н. Н. Страховѣ, онъ снова сочувственно поддерживаетъ свою точку зрѣнія, выгораживая ее отъ рѣзкихъ нападокъ Страхова. „Въ статьѣ *Свобода и вѣра*, пишетъ здѣсь г. Розановъ,—я рѣшился нарушить всеобщій риторическій миръ, миръ, который ложенъ". „Нарушить,— конечно, въ идеѣ только",—оговаривается онъ, но, конечно, также очень хорошо понимаетъ, какое безыдейное вооруженіе стоитъ за дѣйствительнымъ отрицаніемъ этого, въ самомъ дѣлѣ, волею судебъ существующаго только риторически міра.

Въ той же статьѣ о Страховѣ, которую онъ перепечатываетъ вотъ уже во второмъ изданіи „Литературныхъ очерковъ" въ 1902 году, высказывается по существу то же.

„Лучше преступленію не совершиться, т. е. его не допустить, хотя бы по нуждѣ, насильственно. И почему, почему въ «жестокомъ для тѣла» не допустить нѣкоторый коррелативъ грѣха? наша природа уже испорчена—(и это говоритъ писатель, выдвинувшій съ страшной силою воодушевленную апологію святости плоти, безгрѣховности, благословенности жизни въ самомъ ея существѣ. Волжскій)—признаемъ это смиренно и свой грѣхъ обречемъ жертвѣ. Дѣйствительно: слабость вѣры, блужданія ума, самый атеизмъ уже сталъ какъ бы природой нѣкоторыхъ людей; но для чего въ этой природѣ человѣку гордо замыкаться? Не лучше ли, уединившись отъ нея умственно и все-таки не будучи въ силахъ ее сбросить съ себя,— отдать ее, какъ нѣчто чужое, постороннее себѣ, на судъ и присужденіе. Здѣсь все-таки есть нѣкоторый просвѣтъ къ свободѣ, нѣкоторая дверь убѣганія отъ зла, его отрицанія. Я не вѣрю, я совершенно не могу повѣрить, и вотъ—отрицаю себя, становлюсь индифферентенъ къ своему *я*, и сочувствую самъ всему, что съ нимъ производятъ (!?).

Изгибъ духовный, имѣющій точку опоры для себя въ таинствѣ покаянія... Это даже для невѣрующаго, какъ бы совершенно обреченнаго, лишеннаго всякихъ духовныхъ силъ, есть средство выйти изъ стада Христова“ *)...

Но не помогло и это, Розановъ пошелъ своей дорогой, наперекоръ тѣмъ искусственнымъ перегородкамъ и заставкамъ, которыя онъ съ такой серьезной наивностью, съ такой недальновидной готовностью, наставилъ на своемъ пути. И теперь его воззрѣнія по вопросу свободы вѣры отстаютъ отъ его вѣры, оказываются въ кричащемъ противорѣчіи съ общимъ духомъ міросозерцанія, какъ она сложилась на почвѣ критики христіанства и отлилась во всеблагословляющій, все принимающій, всеблагостный мистическій пантеизмъ. Отрицаніе свободы въ вѣрѣ никакъ не связывается съ теперешнимъ религіозно-философскимъ свободомысліемъ Розанова, съ воинствующими, прямо революціонными элементами его теперешняго антихристіанства, особенно, если его выявить и освободить отъ тѣхъ тысячъ одежекъ, въ которыя оно закутано. Фактически, ради простоты собственныхъ религіозныхъ исканій, Розанову необходимо пришлось стать на точку зрѣнія свободы въ вѣрѣ, оправдать собственный путь. Вотъ что онъ пишетъ въ 1903 году.

„Какъ пишущій по религіознымъ вопросамъ, *я нуждаюсь* **) въ свободѣ. Было бы странно спрашивать, *желаю ли я ее* ***)? Мы нуждаемся въ хлѣбѣ и желаемъ его. Богословъ—рецензентъ моей книги „Въ мірѣ неяснаго и нерѣшеннаго“ предпосылаетъ разбору ея *удивленіе*, какъ она прошла черезъ цензуру. Стало быть, въ свободѣ я нуждаюсь и свободу я люблю. Но одно дѣло—любить, а другое—понимать. На вѣковѣчную жажду свободы церковь вѣковѣчно отвѣчала отказомъ“... ***). Но теперь уже въ безконечно

*) „Литературные очерки“, „Памяти усопшихъ“. „Н. Н. Страховъ“.

**) Курсивъ автора.

***) „Новый путь“ 1903 г. № 4 „Въ своемъ углу“. „Объ основаніяхъ церковной юрисдикціи или о Христѣ—Судіи міра“ стр. 134. Вотъ нѣсколько любопытныхъ сообщеній Розанова въ примѣча-

усложненыхъ узлахъ своей новой позиціи В. В. Розановъ ставитъ несвободу въ вѣрѣ въ тѣсную, неискоренимую связь съ самой глубью христіанства, съ тайной евангелія. „...Невинныхъ сектантовъ понимаю; что отъ преслѣдованія ихъ рушится, холодѣетъ, существуетъ формально сама церковь—понимаю же. Но я думаю и увѣренъ, что *тайна ихъ гоненія лежитъ именно въ загадочныхъ сторонахъ Евангелія, а не въ заботахъ о церкви*: и оставь церковь сектантовъ въ покоѣ, она стала бы разрывать также мучительно собственную же грудь, ибо furor безъ объекта обратился бы на ея собственныя внутренности"...

Въ такомъ же сложно-закутанномъ, лукаво-наивномъ противорѣчіи съ Розановымъ, какъ онъ теперь развернулся въ опредѣляющихъ моментахъ своего міросозерцанія, находится очень многое въ писаніяхъ Розанова, какъ въ собственно религіозной, такъ и въ соціально-политической сферѣ. Характернымъ еще примѣромъ можетъ служить его статья

ніяхъ къ „Перепискѣ съ С. А. Рачинскимъ" („Р. В." 1902 г.), характеризующихъ, какъ его отношеніе къ своей бывшей позиціи въ вопросѣ о свободѣ въ вѣрѣ, такъ и лично къ Вл. Соловьеву. На слова письма Рачинскаго, въ которыхъ онъ называетъ статью Вл. Соловьева о Розановѣ – гаерствомъ, Розановъ примѣчаетъ, „Порфирій Головлевъ о свободѣ и вѣрѣ". *Самъ я считаю (теперь) ошибочнымъ все то, что писалъ касательно вѣры и свободы.* Позднѣе, при знакомствѣ, Вл. С. Соловьевъ объяснилъ мнѣ, что думалъ, будто я писалъ въ защиту какой-то книги гр. Леливы о католикахъ въ Россіи,—о каковой книгѣ я никогда не слыхалъ (мысли мои сложились подъ впечатлѣніемъ устныхъ споровъ съ Н. П. Аксаковыми и Ап. В. Васильевымъ). Думая, что я хочу „придушить католиковъ въ Россіи",—онъ и назвалъ меня печатно іудушкою (прозвище Порфирія Головлева у Щедрина). Въ то время его выходка на меня не произвела впечатлѣнія, и вполнѣ удивительно, что, узнавъ въ Акваріумѣ (въ театрѣ) о томъ, что „Соловьевъ пишетъ на васъ убійственную статью и самъ хохочетъ удачѣ, какъ она выходитъ", сказалъ Ѳ. Э. Шперку, передавшему мнѣ это: „ну, погодите и увидите, что онъ еще ко мнѣ придетъ". Собственно никакихъ причинъ для послѣдняго не было, ощутимыхъ причинъ, но не ощутимыя, идейныя—были, и не могу я забыть изумленія и радости, когда, должно быть, года два спустя, черезъ того же Шперка Вл. С. Соловьевъ попросилъ позволенія пріѣхать ко мнѣ и познакомиться. Не могу объяснить почему, но

„По поводу одной тревоги гр. Л. Н. Толстого“ *). Интересная въ началѣ, она въ цѣломъ вскрываетъ такіе предѣлы вульгарной плоской грубости, на которые очень способенъ В. В. Розановъ рядомъ съ глубочайшими проникновеніями, тонкими, остроумными угадываніями и геніальными вопрошаніями.

Здѣсь, на протяженіи долгихъ страницъ Розановъ грубымъ, насильственнымъ какимъ то басомъ, съ выкриками и ругательствами, обличаетъ Л. Толстого во всякой сквернѣ, обращаясь къ нему на „ты“,—обличаетъ, какъ призванный судья, *какъ православный ортодоксъ, церковный миссіонеръ, закусившій удила, незнающій удержа.*

„...Посмотри, ты вѣдь цѣлый міръ взволновалъ своей

всегда я смотрѣлъ на него при свиданіяхъ съ чрезвычайною грустью. И я думаю, что онъ былъ глубоко грустное, до рѣдкости, существо. Мы были очень дружны, потомъ опять поссорились изъ-за моей статьи о „Судьбѣ Пушкина“,—а когда онъ умеръ, снова точно что-то было отнято у меня. Теперь только я чувствую, какъ о многомъ нужно было бы съ нимъ поговорить“. („Р. В.“ 1902 г. № 10). Еще „...я былъ ужасно радъ приходу Соловьева,—когорый, странно, я предвидѣлъ такъ задолго. Мнѣ это казалось молчаливой побѣжденностью его,—и что въ томъ, что она не была печатно. Какъ-то я чувствовалъ, что Соловьевъ никогда серьезнаго значенія не придавалъ „Порфирію Головлеву“ иострилъ ad publicum, въ сторону „райка“, литературнаго и общественнаго. Сразу же мы встрѣтились съ ним дружно и тепло, и сразу по его приходѣ я объяснилъ, можетъ быть, понятнѣе и полнѣе, почему индефферентистамъ свободы не нужно. Могу только отмѣтить, что я не очень слѣдилъ за его литературною дѣятельностью, что въ послѣдніе ея годы, приближаясь къ „Повѣсти объ Антихристѣ“, онъ замѣтно началъ окрашиваться въ колоритъ тогдашнихъ моихъ мнѣній, фанатичныхъ и мучительныхъ (?), противъ коихъ такъ возставалъ. Напротивъ, я сталъ переходить къ критикѣ существующаго и къ терпимости, занимая его мѣсто. Фехтовальщики сошли съ позиціи и стали на мѣсто первоначальнаго стоянія другъ друга... Не совсѣмъ, но отчасти. Читая, уже послѣ его смерти, „Три разговора подъ пальмами“, я замѣтилъ множество совпаденій съ моей мыслью, частью какого они были въ 1898 году, частью и позднѣе. Напр., см. общую характеристику теперешняго христіанства и „благоглаголанія“ церковныхъ оппортунистовъ“.

*) „Русскій Вѣстникъ“, 1891 г. VIII кн.

«суетой», этими изданіями безъ авторскихъ правъ, другими—съ правами автора, «хозяиномъ и работникомъ» отъ двугривеннаго до трехъ копѣекъ и «Oeuvres complets» съ портретами твоихъ разныхъ возрастовъ и даже парковъ, домовъ, гостиныхъ, гдѣ ты размышлялъ, читалъ, создавалъ свои творенія. О, какъ грустно, какъ страшно, что литература наша переступила тѣсныя границы родной земли и потащилась на всемірный рынокъ, потянулась за всемірной славой; какими это бѣдами для нея грозитъ... И тебя, бѣднаго, въ годы слабѣющей души, эта слава потянула, и ты прислушиваешься, что нужно *тамъ*, чтобы знать, что говорить *здѣсь* («Царство Божіе внутри васъ есть»). Ты знаешь великое «противленіе», *поднятое міромъ противъ церквей Божіихъ*; ты знаешь, что это противленіе, здѣсь поднятое, будетъ привѣтствуемо тамъ. И то смиреніе, которое ты понималъ, по крайней мѣрѣ умомъ, когда писалъ *Анну Каренину*—стало для тебя непостижимо, неуловимо, и, быть можетъ, даже недосягаемо для ума"... *).

„Укоръ, малодушный и трусливый, ты бросилъ въ церковь, тебя питавшую и грѣвшую, изъ нея убѣгая. Вспомни «длинные и тонкіе» пальцы матери своей, которыми, бывало, щекотала она тебя, еще ребенкомъ, за рубашкою, и ты такъ хорошо объ этомъ вспомнилъ въ «Дѣтствѣ и отрочествѣ»,—и подумай, какъ горестно сжались бы эти пальцы, если бы она могла изъ темной могилы своей слышать, какъ ея милый ребенокъ, ея радость и безотчетная гордость, разламываетъ теперь черезъ колѣно тѣ самые образа, передъ которыми она, бывало, учила его молиться и училась сама... Вспомни"... и т. д.—въ томъ же тонѣ.

Протестуя и критикуя, Розановъ возстаетъ противъ протеста и критики, воюя съ христіанствомъ, возстаетъ противъ воинствующихъ, обличая отпаденія отъ церкви, отпадаетъ самъ. Оправдывая иквизицію, ищетъ свободы для собственныхъ отрицаній, зовя ко Христу, удаляется отъ Него самъ; отрицая безсмертіе, защищаетъ его, будучи не христіаниномъ, христіанствуетъ, не вѣруя, исповѣдуетъ и т. д. и т. д.,

*) „Русскій Вѣстникъ". 1905 г. № VIII стр. 283.

въ сложно заплетенномъ клубкѣ всяческихъ противорѣчій, въ сѣтяхъ лукавства и наивности, идетъ своимъ путемъ, сложнымъ, но опредѣленнымъ, заметая слѣдъ, но хорошо зная дорогу и впередъ, и назадъ...

(Окончаніе слѣдуетъ).

Волжскій.

„Скоро ль надъ адскою бездной
„Ты, вознеся твое тѣло,
„Въ битву со стражею звѣздной
„Ринешься смѣло?

„Скоро ль въ лазури безбрежной
„Ты воцаришься со славой,
„Ночи властитель мятежный,
„Змѣй седмиглавый?“

Ал. Кондратьевъ.

Мистическій пантеизмъ В. В. Розанова*).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Сокровенное касаніе Лика Христа въ писаніяхъ Розанова.—Розановъ и Достоевскій.—Антихристъ у Вл. Соловьева.—Сходство его духа съ антихристіанствомъ Розанова.—Борьба и муки около Христа и имени Его.

Изъ всѣхъ антихристіанскихъ писателей, изъ всѣхъ критиковъ христіанства, которыхъ мы имѣли до сихъ поръ, В. В. Розановъ являетъ собой наибольшую силу, величайшую угрозу и самый страшный вызовъ. Грозенъ и страшенъ вызовъ Розанова не только тѣмъ, которые крѣпко держатся за ненарушимость того или другого историческаго пониманія христіанства, не только тѣмъ, которые вѣрятъ въ правду исторической церкви, все равно какой, но и тѣмъ, кто не успокаивается здѣсь и взыскуетъ новаго града Христова, всѣмъ тѣмъ, кто хочетъ „остаться со Христомъ“, хотя бы въ мукѣ разрыва со старымъ пониманіемъ и исповѣданіемъ, въ агоніи душевнаго разлада, въ тоскѣ религіозныхъ взываній, въ страстно-напряженномъ чаяніи новыхъ откровеній... Мощь и сила вызова Розанова здѣсь въ томъ, что онъ въ борьбѣ съ христіанствомъ самъ стоитъ тоже на глубоко-религіозной, плодоносной почвѣ мистики, что онъ одаренъ высокимъ и тонкимъ чувствомъ „соприкосновенія своего таинственнымъ мірамъ инымъ“, и имъ, этимъ чувствомъ, сочно питается его мощное ощущеніе жизни, жизни во всей ея полнотѣ, глуби и шири, во всемъ цвѣтеніи и роскоши, въ тѣняхъ

*) См. „Вопросы Жизни“ № 2, 1905 г.

ея и въ сіяніяхъ. Но самая существенная особенность антихристіанскаго вызова В. В. Розанова все еще не въ этомъ обостренномъ ощущеніи касанія мірамъ инымъ, о которомъ мы подробнѣе говорили въ первой главѣ, а въ особенномъ тонкомъ ощущеніи, въ интимномъ чувствованіи самого Лика Христова, въ глубочайшемъ и сильномъ проникновеніи въ самую мистическую личность Христа, какъ живую, близкую и реальную. Это проникновенное касаніе, сильное до боли, до жуткаго испуга, интимно-реальное, въ основѣ своей глубоко-отрицательное, пожалуй, даже ненавистническое. Вотъ отчего Розановъ ведетъ войну, въ концѣ-то концовъ,—въ самомъ существѣ дѣла,—не только съ извѣстными элементами христіанства, съ историческимъ омертвѣніемъ его, не только съ внѣшне искажающими его наслоеніями, но и по существу; не за свободное истолкованіе Христова ученія борется онъ, какъ, напр., Толстой или свободная критика отъ Ренана до Гарнака, борется не просто даже съ христіанствомъ въ цѣломъ, какъ Ницше, а *съ Христомъ*, съ Его Божественной Индивидуальностью, съ его живымъ Лицомъ. Въ этомъ особенность позиціи Розанова, онъ такъ сильно чувствуетъ Христа *въ отрицаніяхъ*, въ удаленіи отъ Него, какъ, быть можетъ, одинъ только Достоевскій чувствовалъ его въ *утвержденіяхъ*, въ приближеніи къ Нему. Оба понимаютъ въ глубочайшихъ проникновеніяхъ своихъ,—одинъ въ положительныхъ въ отношеніи къ объекту, другой въ отрицательныхъ, что вся живая истинная сущность христіанства въ живой личности Христа, мистической и вѣчной.

Стремленіе Достоевскаго къ Христу, его любовное приникновеніе къ Нему, извнѣ можно понять, чуть-чуть почувствовать только черезъ сравненіе съ самыми сокровенными, интимными своими чувствованіями. Здѣсь мы прикасаемся къ „святая святыхъ“ души великаго христіанина-мученика, какимъ былъ Достоевскій. Онъ любилъ Христа той живой, страстной, навѣки преданной любовью, какою можно любить только единственное, неповторяющееся безподобное существо, любилъ въ индивидуальныхъ чертахъ Его, въ интимнѣйшихъ изгибахъ; психологическое подобіе этой любви, нѣкоторый намекъ на нее можно указать только въ высшей влюблен-

ности, какою иногда люди другъ друга любятъ, часто безнадежно, но навсегда и мистически... Такою любовью, напримѣръ, Алеша Карамазовъ любилъ старца своего; чуточку отсюда, изъ психологіи тѣхъ же подобій, есть въ любви подростка къ отцу Версилову, въ сложномъ чувствѣ Шатова къ Ставрогину; но все это только намекающіе „образы и подобія“ того, что носилъ Достоевскій въ тончайшей сложности души своей, въ своемъ чувствованіи Христа...

Достоевскій носилъ эту святыню въ душѣ своей съ самаго ранняго возраста. Объ этомъ убѣдительно говорятъ нѣкоторыя біографическія данныя. Даже въ періодѣ, наиболѣе невыгодномъ въ этомъ отношеніи, въ пору полной собой, противъ всего протестующей юности, Христосъ былъ съ нимъ. Припоминая въ „Дневникѣ писателя за 1873 годъ“ свое общеніе съ Бѣлинскимъ, Достоевскій приводитъ характерныя слова Бѣлинскаго: „...Каждый-то разъ, когда я вотъ такъ, безъ уваженія къ Его божественности, помяну Христа, у него (Достоевскаго) все лицо измѣняется, точно заплакать хочетъ“... „Въ отрицаніяхъ Христа, — пишетъ здѣсь же Достоевскій о Бѣлинскомъ, — оставалась, однако, *сіяющая личность самого Христа, съ которой всего труднѣе бороться*. Ученіе Христово онъ, какъ соціалистъ, необходимо долженъ былъ разрушить, называть его ложнымъ и невѣжественнымъ человѣколюбіемъ, осужденнымъ современною наукой и экономическими началами, но все-таки оставался *пресвѣтлый ликъ Богочеловѣка, его нравственная недостижимость, его чудесная и чудотворная красота*“... Обаяніе этой „непостижимости“ красоты пресвѣтлаго Лика Христа сопровождаетъ Достоевскаго всюду, и въ мучительныхъ бореніяхъ съ самимъ собой, съ своимъ темнымъ, и въ минуты радостно-просвѣтленнаго подъема, въ религіозно-христіанскихъ озареніяхъ, и въ минуты душевнаго упадка, въ болѣзненно-страшныхъ религіозныхъ изнуреніяхъ. Пресвѣтлый Ликъ мерцаетъ повсюду въ его произведеніяхъ...

„Слушай, — въ изступленіи кричитъ Кирилловъ Петру Верховенскому въ „Бѣсахъ“. Слушай большую идею: былъ на землѣ одинъ день, и въ срединѣ земли стояли три креста. Одинъ на крестѣ до того вѣровалъ, что сказалъ другому:

«будешь сегодня со мною въ раю». Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресенія. Не оправдалось сказанное. Слушай: этотъ человѣкъ былъ высшій на всей землѣ, *составлялъ то, для чего ей жить*. Вся планета, со всѣмъ, что на ней, безъ этого человѣка — одно сумасшествіе. *Не было ни прежде, ни послѣ Его такого же, и никогда, даже до чуда. Въ томъ и чудо, что не было и не будетъ такого же никогда.* А если такъ, если законы природы не пожалѣли и *этого*, даже чудо свое же не пожалѣли, а заставили и Его жить среди лжи и умереть за ложь, то, стало быть, вся планета есть ложь и стоитъ на лжи и глупой насмѣшкѣ. Стало быть, самые законы планеты ложь и дьяволовъ водевиль. Для чего же жить, отвѣчай, если ты человѣкъ" *). Здѣсь, несомнѣнно, боль религіознаго томленія Достоевскаго. Въ мукахъ нигилиста Кириллова, въ своевольномъ человѣкобожествѣ его преломилось въ отрицательной формѣ Богочеловѣчество Достоевскаго, его трепетно-страстная, болящая тревога около личности Самого Христа, волненіе около Лика Его. Достоевскаго, какъ Кириллова, „Богъ всю жизнь мучилъ", и прежде всего и больше всего Богъ Второй Ипостаси, „пресвѣтлый ликъ Богочеловѣка". Религіозныя болѣнія Достоевскаго—*болѣнія Христомъ*, болѣнія изъ-за великой любви къ Нему, изъ-за слабѣющей вѣры въ Его силу и власть здѣсь на землѣ...

То же чувство шевелится въ длинныхъ признаніяхъ Ипполита, въ „Идіотѣ", по поводу картины Ганса Гольбейна. Картина эта висѣла у Рогожина въ „одной изъ самыхъ мрачныхъ залъ его дома, надъ дверьми", на ней изображается Христосъ, только что снятый съ креста, во всемъ своемъ мучительно-страшномъ безсиліи передъ властью природы, властью смерти. „Природа мерещится при взглядѣ на эту картину,—разсказываетъ Ипполитъ,—въ видѣ какого-то огромнаго, неумолимаго и нѣмого звѣря, или вѣрнѣе, гораздо вѣрнѣе сказать—въ видѣ какой-нибудь громадной машины новѣйшаго устройства, которая безсмысленно захватила, раздробила и погло-

*) Стр. 271—272 IV тома изд. 85-го года, лучшаго до сихъ поръ изданія, по которому я здѣсь всюду цитирую...

тила въ себя, глухо и безучастно, *великое и безцѣнное существо—такое существо, которое одно стоило всей природы и всѣхъ законовъ ея, всей земли, которая и создалась-то, быть можетъ, единственно для одного только появленія этого существа!*" То же молитвенно-страстное, мучительно-тревожное, интимно-напряженное чувство, обаяніе мистической личности Христа, проносится во всѣхъ произведеніяхъ Достоевскаго.

Сюда же относятся мечты о видѣніи Христа въ грядущемъ явленіи его на землѣ у Версилова въ „Подросткѣ"... Наконецъ, особенно Ликъ Христовъ свѣтится въ душѣ Алеши, вдругъ вспыхнувъ, подымается въ заключительномъ моментѣ „легенды о великомъ инквизиторѣ" и т. д., и т. д..

Именно поэтому, въ мучительномъ настроеніи своего чувствованія Христа, Достоевскій выражаетъ его даже въ крайней формѣ вызова всему, даже, если бы это пришлось,—*самой истинѣ*. „Но не вы ли говорили мнѣ,—изступленно вопрошаетъ въ „Бѣсахъ" Шатовъ Ставрогина,—что если бы *математически доказали вамъ, что истина внѣ Христа, то вы бы согласились лучше остаться съ Христомъ, нежели съ истиной"?*..

То же интимное христіанское чувство мистическаго касанія самого Лика Христа, которое въ *положительной* формѣ раскрывается въ религіозныхъ углубленіяхъ Достоевскаго, въ *отрицательномъ смыслѣ* доступно наиболѣе проникновенному антихристіанству. Предѣла такого проникновенно-отрицательнаго углубленія въ сущность антихристіанскаго начала достигаетъ, по нашему мнѣнію, критика Розанова, въ минуты подъема своего,—угрожающая, сатанински страшная, изощренно тонкая. Здѣсь въ антихристіанствѣ мистическаго пантеизма В. В. Розанова вдругъ вспыхиваетъ, заостряется и вызывающе дразнитъ антихристово начало. Антихристіанство здѣсь скрыто и полусознательно восходитъ въ мистическихъ углубленіяхъ своихъ къ антихристу, какъ христіанство Достоевскаго восходитъ къ Христу.

То же чувство, что и у Достоевскаго, только съ отрицательной стороны, въ противоположномъ полюсѣ магнитнаго притяженія,—вскрыто съ страшной силою въ знаменитомъ

Антихристѣ Вл. Сер. Соловьева. Здѣсь гордое человѣкобожеское отрицаніе Его и въ то же время мучительно напряженное, болѣзненно острое, жгучее, и неотступное сознаніе непостижимой силы, „абсолютной единственности“ Христа, Того „Перваго“, „Божественнаго“ отъ Отца, послѣ котораго, мощный пришелецъ, хотя бы и повторилъ Его во всемъ, былъ бы вторымъ, не божественнымъ, страшнымъ и странно ненужнымъ...

„Былъ въ это время, между немногими вѣрующими спиритуалистами, — разсказывается въ „Краткой повѣсти объ антихристѣ“ *), — одинъ замѣчательный человѣкъ,— многіе называли его сверхчеловѣкомъ, — который былъ одинаково далекъ какъ отъ умственнаго, такъ и отъ сердечнаго младенчества. Онъ былъ еще юнъ, но, благодаря своей высокой геніальности, къ тридцати тремъ годамъ широко прославился, какъ великій мыслитель, писатель и общественный дѣятель. Сознавая въ самомъ себѣ великую силу духа, онъ былъ всегда убѣжденнымъ спиритуалистомъ, и ясный умъ всегда указывалъ ему истину того, во что должно вѣрить: добро, Бога, Мессію. Въ это онъ *вѣрилъ*, но *любилъ* онъ только одного *себя* **). Онъ вѣрилъ въ Бога, но въ глубинѣ души невольно и безотчетно предпочиталъ Ему себя. Онъ вѣрилъ въ Добро, но всевидящее око Вѣчности знало, что этотъ человѣкъ преклонится предъ злою силою, лишь только она подкупитъ его — не обманомъ чувствъ и низкихъ страстей и даже не высокою приманкою власти, а черезъ одно безмѣрное самолюбіе. Впрочемъ, это самолюбіе не было ни безотчетнымъ инстинктомъ, ни безумнымъ притязаніемъ. Помимо исключительной геніальности, красоты и благородства, высочайшія проявленія воздержанія, безкорыстія и дѣятельной благотворительности, казалось, достаточно оправдывали огромное самолюбіе великаго спиритуалиста, аскета и филантропа. И обвинятъ ли его за то, что, столь обильно снабженный дарами Божіими, онъ увидѣлъ въ нихъ особые знаки исключительнаго благоволе-

*) Собраніе сочиненій В. С. Соловьева, т. VIII. Три разговора стр. 560—1.

**) Курсивъ автора, далѣе неоговоренный—сдѣланъ мной.

нія къ нему свыше и счелъ себя вторымъ по Богѣ, единственнымъ въ своемъ родѣ сыномъ Божіимъ. Однимъ словомъ, онъ призналъ себя тѣмъ, чѣмъ въ дѣйствительности былъ Христосъ. Но это сознаніе своего высшаго достоинства на дѣлѣ опредѣлилось въ немъ не какъ его нравственная обязанность къ Богу и міру, а какъ его право и преимущество передъ другими и прежде всего передъ Христомъ. У него не было первоначально вражды и къ Іисусу. Онъ признавалъ Его мессіанское значеніе и достоинство, но онъ искренно видѣлъ въ немъ лишь своего величайшаго предшественника, — нравственный подвигъ Христа и *Его абсолютная единственность* были непонятны для этого омраченнаго самолюбіемъ ума. Онъ разсудилъ такъ: «Христосъ пришелъ раньше меня; я являюсь вторымъ; но вѣдь то, что въ порядкѣ времени является послѣ, то по существу первѣе. Я прихожу послѣднимъ, въ концѣ исторіи, именно потому, что я совершенный, окончательный спаситель. Тотъ Христосъ—мой предтеча. Его призваніе было—предварить и подготовить мое явленіе». И въ этой мысли великій человѣкъ XXI вѣка будетъ примѣнять къ себѣ все, что сказано въ Евангеліи о второмъ пришествіи, объясняя это пришествіе не какъ возвращеніе того же Христа, а какъ замѣненіе предварительнаго Христа окончательнымъ, т. е. имъ самимъ"...

И вотъ ждетъ онъ призыва къ дѣлу «новаго спасенія человѣчества», въ которомъ онъ можетъ все вмѣстить, въ концѣ концовъ, даже все христіанство въ его отдѣльныхъ элементахъ, но боится и не хочетъ только одного... самой личности Его.

„Ждетъ горделивый праведникъ высшей санкціи, чтобы начать свое спасеніе человѣчества, — и не дождется. Ему уже минуло тридцать лѣтъ, проходятъ еще три года. И вотъ мелькаетъ въ его умѣ и до мозга костей горячею дрожью пронизываетъ его мысль: «а если?.. А вдругъ не я, а тотъ... галилеянинъ... Вдругъ Онъ не предтеча мой, а настоящій, первый и послѣдній? Но вѣдь тогда онъ долженъ быть *живъ*... Гдѣ же Онъ?.. Вдругъ Онъ придетъ ко мнѣ... сейчасъ, сюда... что я скажу Ему? Вѣдь я долженъ буду склониться

передъ Нимъ, какъ послѣдній глупый христіанинъ, какъ русскій мужикъ какой-нибудь безсмысленно бормотать: Господи Сусе Христе, помилуй мя грѣшнаго,—или какъ польская баба растянуться *княжемъ?* Я, свѣтлый геній, сверхчеловѣкъ? Нѣтъ, никогда»! И тутъ на мѣсто прежнаго холоднаго уваженія къ Богу и Христу зарождается и растетъ въ его сердцѣ сначала какой-то ужасъ, а потомъ жгучая и все его существо сжимающая и стягивающая *зависть* и яростная, захватывающая духъ ненависть. «Я, я, а не Онъ! Нѣтъ Его въ живыхъ, нѣтъ и не будетъ. Не воскресъ, не воскресъ, не воскресъ! Сгнилъ, сгнилъ въ гробницѣ, сгнилъ, какъ послѣдняя...» И съ пѣнящимся ртомъ, судорожными прыжками выскакиваетъ изъ дому, изъ саду и въ глухую ночь бѣжитъ по скалистой тропинкѣ... Ярость стихла и смѣнилась сухимъ и тяжелымъ, какъ эти скалы, мрачнымъ, какъ эта ночь, отчаяніемъ. Онъ остановился у отвѣснаго обрыва и услышалъ далеко внизу смутный шумъ бѣгущаго по камнямъ потока. Нестерпимая тоска давила его сердце. Вдругъ въ немъ что-то шевельнулось. «Воззвать его,—спросить, что мнѣ дѣлать?» И среди темноты ему представился кроткій и грустный образъ. «Онъ меня жалѣетъ... Нѣтъ, никогда! Не воскресъ, не воскресъ»! И онъ бросился съ обрыва. Но что-то упругое, какъ водяной столбъ, удержало его въ воздухѣ, онъ почувствовалъ сотрясеніе, какъ отъ электрическаго удара, и какая-то сила отбросила его назадъ. На мигъ онъ потерялъ сознаніе и очнулся стоящимъ на колѣняхъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ обрыва. Передъ нимъ образовалась какая-то свѣтящаяся фосфорическимъ туманнымъ сіяніемъ фигура, и изъ нея два глаза нестерпимымъ острымъ блескомъ пронизали его душу... Видитъ онъ эти два глаза и слышитъ не то внутри себя, не то снаружи какой-то странный голосъ, глухой, точно сдавленный и вмѣстѣ съ тѣмъ отчетливый, металлическій и совершенно бездушный, въ родѣ какъ изъ фонографа. И говоритъ ему этотъ голосъ: «Сынъ мой возлюбленный, въ тебѣ все мое благоволеніе. Зачѣмъ ты не взыскалъ меня? Зачѣмъ почиталъ того, дурного, и отца его? я богъ и отецъ твой. А тотъ нищій, распятый—мнѣ и тебѣ чужой. У меня нѣтъ

другого сына, кромѣ тебя. Ты единственный, единородный, равный со мной. *Я люблю тебя и ничего отъ тебя не требую. Ты и такъ прекрасенъ, великъ, могучъ* *). Дѣлай твое дѣло во имя *твое* **), а не мое ***). У меня нѣтъ зависти къ тебѣ. Я люблю тебя, мнѣ ничего не нужно отъ тебя. Тотъ, кого ты считалъ Богомъ, требовалъ отъ сына послушанія и послушанія безпредѣльнаго до крестной смерти,—и онъ не помогъ ему на крестѣ. Я ничего отъ тебя не требую, и я помогу тебѣ ****). Ради тебя самого, ради твоего собственнаго достоинства и превосходства и ради моей чистой безкорыстной любви къ тебѣ - - я помогу тебѣ. Прими мой духъ. Какъ прежде мой духъ родилъ тебя въ *красотѣ* *****), такъ теперь онъ рождаетъ тебя въ *силѣ*». И съ этими словами невѣдомаго уста сверхчеловѣка невольно разомкнулись, два пронзительные глаза совсѣмъ приблизились къ лицу его, и онъ почувствовалъ, какъ острая ледяная струя вошла въ него и наполнила все существо его. И съ тѣмъ вмѣстѣ онъ почувствовалъ небывалую силу, бодрость, легкость и восторгъ. Въ тотъ же мигъ свѣтящійся обликъ и два глаза вдругъ исчезли, что-то подняло сверхчеловѣка надъ землей и разомъ опустило въ его саду, у дверей дома".

Это замѣчательное мѣсто у Соловьева и въ художественномъ отношеніи, и въ смыслѣ углубленнаго проникновенія въ сущность антихристова начала. „Открытый путь ко вселенскому миру и благоденствію", сочиненіе этого генія человѣкобога, вступившаго въ союзъ съ мощью сатанинской, разверзаетъ всѣ пути, все пріемлетъ, миритъ и сливаетъ. „Своимъ новымъ сочиненіемъ онъ привлекаетъ къ себѣ даже нѣкоторыхъ изъ своихъ прежнихъ критиковъ и противни-

*) Курсивъ подлинника.

**) Это же, какъ элементъ изначальной святости плоти, входитъ въ концепцію ученія Розанова.

***) Самосвѣтящіяся лампадки, свѣтоносно земляное начало и мн. другое въ самооправданіи жизни у Розанова.

****) Отрицаніе Голгоѳы ради прелести, силы и радости жизни у Розанова: „...мы получаемъ *христіанство же*, но выраженное столь жизненно-сладостно, что около Голгоѳы, аскетической его фазы, оно представится какъ бы новою религіей"...

*****) Курсивъ подлинника.

ковъ. Эта книга, написанная послѣ приключенія на обрывѣ, покажетъ въ немъ небывалую прежде силу генія. Это будетъ что-то всеобъемлющее и примиряющее всѣ противорѣчія. Здѣсь соединится благодатная почтительность къ древнимъ преданіямъ и символамъ съ широкимъ и смѣлымъ радикализмомъ общественно-политическихъ требованій и указаній, неограниченная свобода мысли съ глубочайшимъ пониманіемъ всего мистическаго, безусловный индивидуализмъ съ горячею преданностью общему благу, самый возвышенный идеализмъ руководящихъ началъ съ полною опредѣленностью и жизненностью практическихъ рѣшеній. И все это будетъ соединено и связано съ такимъ геніальнымъ художествомъ, что всякому одностороннему мыслителю или дѣятелю легко будетъ видѣть и принять цѣлое лишь подъ своимъ частнымъ наличнымъ угломъ зрѣнія, ничѣмъ не жертвуя для *самой истины*, не возвышаясь для нея дѣйствительно надъ своимъ *я*, нисколько не отказываясь *на дѣлѣ* *) отъ своей односторонности, ни въ чемъ не исправляя ошибочности своихъ взглядовъ и стремленій, ничѣмъ не восполняя ихъ недостаточность"...

„Я пришелъ во имя Отца, и не принимаете меня, при детъ *другой*, во имя *свое*,—того *примете*".

Вотъ угроза, таящаяся на днѣ Розановскаго вызова.

Какъ ни страшно сознать—сюда,—вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ, волею и неволею, — клонитъ въ концѣ концовъ и Розановъ съ своимъ всепримиряющимъ мистическимъ пантеизмомъ, въ которомъ могутъ быть пріемлемы и безъ опасности растворены (пантеизированы) многія начала христіанскія, но непріемлемъ ни въ какомъ случаѣ *самъ Христосъ*. И какъ ни страшно смѣло, какъ ни отвѣтственно наше утвержденіе здѣсь, все же антихристово слышится намъ порою въ смутномъ мистическомъ шопотѣ Розанова, въ его мистеріяхъ плоти, изначально святой, а не во Христѣ святящейся, въ его сложномъ, сложно маскирующемся, лукаво извивающемся отказѣ не только уже отъ христіанства, а и отъ Христа, съ именемъ Котораго, какъ и съ внѣшностью пантеизирован-

*) Курсивъ подлинника.

наго христіанства, онъ все еще не разстается, хотя уже давно въ мистическомъ пантеизмѣ своемъ, чуя сатанинскія глубины, идетъ не ко Христу... Антихристовы волненія около имени Христа, Перваго, Абсолютно-Единственнаго, не остываютъ въ писаніяхъ Розанова.

Сложность и страшность религіозной позиціи Розанова въ томъ, что онъ чувствуетъ Христа интимно и мистически, но не принимаетъ его, уклоняется, прячется. Христосъ въ своей мистической индивидуальности, абсолютной единственности, божественности, расплавленъ у него въ угоду самодовлѣющей, самобожественной, изъ себя святой жизни, расплавленъ и отданъ на потребу ей, какъ *ея второе*, отраженное, производное. Это у Розанова стоитъ въ тѣсной связи съ отрицаніемъ христіанской эсхатологіи, отрицаніемъ всякой идеи конца. Новое пришествіе Христа не противорѣчитъ, пожалуй, концепціи Розанова, но это уже будетъ не Христосъ, Единственный, Вѣчный, а воспроизведеніе подобнаго, нѣчто въ родѣ сверхчеловѣка Ницше. Вѣчно рождающая жизнь выноситъ изъ глубинъ своихъ вѣчно живое, вѣчно новое и все, но передъ уничтоженіемъ индивидуальнаго она безсильна, не воскресъ, не воскреснетъ, но народится новый, подобный—эта возможность открывается съ точки зрѣнія занятой Розановымъ позиціи. Христосъ былъ, но дѣло Его,—и то какъ придатокъ религіи Востока,—сдѣлано; теперь Его нѣтъ, не очень нуженъ Онъ и въ будущемъ. Жизнь обойдется *собственными силами*. Вотъ сущность, быть можетъ, еще не сдѣланныхъ Розановымъ выводовъ.

Дѣло Христово закончено въ искупительной жертвѣ Его, и далѣе въ настоящемъ и будущемъ Ему нѣтъ мѣста, нѣтъ мѣста кресту, Голгоѳѣ, мученичеству...

— „Человѣкъ остался съ Узникомъ въ темницѣ вотъ суть использованія Евангелія и Христа человѣкомъ.—Іисусъ входитъ въ Темницу, пусть первороднаго грѣха: «Я за тебя—здѣсь», «въ оковахъ», «біенъ и язвенъ»; ты же, исцѣленный—„бѣги отсюда, бѣги отъ дьявола". Человѣкъ усаживается на скамьѣ суда съ Іисусомъ: *и вотъ сидятъ оба, сидятъ два тысячелѣтія рядомъ, «язвенный» Богъ и рыдающій со страхомъ человѣкъ, на Него воззрящій*: «*буди милостивъ*

мнѣ грѣшному». Ошибка, ошибка всего круга исцѣленія, порча механизма искупленія очевидна!... Безспорно, что глубочайшая суть всего построенія христіанства, отъ фундаментальности и до утонченнѣйшихъ вершинъ, есть чувство «грѣха, грѣха, грѣха», вовсе слѣдовательно «не взятаго» («вземляй грѣхи мои пріими молитву нашу»): а слѣдовательно и «молитва наша», въ этомъ словосочиненіи, есть чисто риторическій оборотъ мысли, есть только «колонки храма»... Какъ это совершилось? Христосъ страдалъ, и, «подражая ему»—будемъ и мы страдать. Что онъ *молился объ избавленіи* отъ страданія; что не человѣкъ только въ Немъ, въ слабости плоти, но и Богъ въ своемъ вѣдѣніи завтрашняго дня молился: «да *мимо Меня* идетъ сія чаша»—что не удержало, двѣ тысячи лѣтъ не удержало іудействующихъ криковъ, наступающихъ на человѣка: «распни его». Человѣкъ *само*-распинается: вотъ *самая* суть христіанства. Опять не принимается во вниманіе, что распятіе Христа имѣло смыслъ *не примѣра* для человѣчества, но совершенно конкретную и лишь въ отношеніи Христа существующую, *для* Его Божества исполнимую задачу: упразднить грѣхъ, сойти во адъ, побѣдить діавола. И вотъ человѣчество, со слабыми силами своими, а главное—*вовсе ни для чего* (ибо все для *него* сдѣлано—въ этомъ суть христіанства) потащилось если не въ «адъ» за невозможностью, то на крестъ «за Христомъ»: и взываетъ, *уже избавленное* взываетъ: «буди милостивъ мнѣ грѣшному». *Явная и полная кассація искупленія, всего дѣла Христова*, очевидна изъ этихъ воплей, однако непрерывныхъ на протяженіи двухъ тысячъ лѣтъ! Боже: до чего все идетъ противъ глаголовъ Іисусовыхъ. «Не здѣсь и не въ семъ храмѣ, но во всякомъ мѣстѣ»... «въ духѣ и истинѣ» «будутъ поклоняться»: мы именно въ «сихъ» и «здѣшнихъ» мѣстахъ, именно территоріально и почти съ характеромъ «мѣстничества» поклоняемся; унизались «часовенками» и, вися на крестѣ, взывая: «буди милостивъ мнѣ»... Покиваемъ главою на всякаго, кто чуть-чуть не подражаетъ намъ, съ криками: «распни *его*»! *И пусть бы каждый изъ насъ самъ за себя лѣзъ на крестъ: мы тащимъ на крестъ другъ друга, истинно инквизиторы*

ствуемъ, и вѣчно ихъ визитирствовали, когда Господь проповѣдывалъ «лѣто прохладное». Историческая абберація—безспорна; дальтонизмъ въ самомъ центрѣ зрѣнія—непререкаемъ. Пока измученное и изнервничавшееся человѣчество, потерявъ всѣ концы собственныхъ сужденій, рѣшило положить «все компактно» «на смарку» и въ сущности сейчасъ живетъ ни «полное боговъ», ни «полное дьяволовъ»—инертно, тупо, безъ какого-либо подозрѣнія и даже съ упорнымъ отрицаніемъ вообще всякаго «серіозъ» грѣха или святости. Діалектика, изломъ, подставка; или, пожалуй, вѣчный глаголъ Іисуса о «плевелахъ», ночью «всѣянныхъ» «врагомъ рода человѣческаго» въ «пшеницу Господню»" *)...

Здѣсь въ этой пестрой мозаикѣ прихотливо—переплетающихся намековъ, углубленій и уязвленій на ряду съ основательнымъ выявленіемъ и отрицаніемъ грѣховъ инквизиторствующаго историческаго христіанства ведется борьба съ самой сущностью Христовой правды, самораспятіе завязывается мертвой петлей въ общемъ узлѣ съ инквизиціей. Это проникновенная, и лукаво расплывающаяся, перебѣгающая борьба въ перемежку въ высшей степени осложнена здѣсь и затруднена для отраженія. Какъ часто не соглашаясь съ Розановымъ въ одной и самой существенной, всего глубже забирающей части его отрицаній, мы безсильны по независимымъ обстоятельствамъ со всей силой противостоять ему и провести согласіе въ другой, раскрыть и выдвинуть, опредѣленно подчеркнуть,—пунктъ, открытый для нападенія...

Въ примѣчаніяхъ къ словамъ Рачинскаго **)—„упраздненіе грѣха Христомъ заключается въ томъ, что Онъ далъ намъ средство его побороть"—Розановъ пишетъ: „Связь *грѣха* и *искупительной жертвы* Христа—поразительна и не разработана въ подробностяхъ, т. е. не разработана вовсе (ибо подробности-то и важнѣе въ этой темѣ) «Мы *искуплены* жертвой Христа»—вотъ аксіома христіанства—т. е. не имѣемъ въ себѣ грѣха? Тогда зачѣмъ *покаяніе* и усилія

*) „Въ мірѣ неяснаго и не рѣшеннаго". „Нѣчто изъ тумана „образовъ" и „подобій" ст. 333—4.

**) „Изъ переписки С. А. Рачинскаго" Русскій Вѣстникъ, 1902 г. Ноябрь.

праведно жить? Аксіома при этомъ вопросѣ поправляется и измѣняетъ свой языкъ: «мы искуплены не отъ всего грѣха, а отъ первороднаго: *личный грѣхъ остался*». Но вѣдь первородный грѣхъ на насъ отражается смертью и болѣзнью, и мы всѣ болѣемъ и умираемъ послѣ Р. Х., какъ и до Р. Х. Скорѣй уже искуплены мы отъ личнаго грѣха, чѣмъ отъ первороднаго. Тогда формула измѣняется въ 3-й разъ и говоритъ: «ученіемъ и жизнью своею Христосъ далъ намъ посохъ въ жизни. Имъ мы нащупываемъ дорогу и открываемъ истину». Рачинскій здѣсь, въ отвѣтъ на мои возраженія и употребляетъ эту третью, чрезвычайно обостренную формулу, которая не принимаетъ вовсе во вниманіе смерть и муки Христа (*ею* мы «искуплены») и, кромѣ того, самый образецъ Его жизни и высоту ученія, хотя возноситъ надъ жизнью праведныхъ мудрецовъ, *однако не выводитъ изъ ихъ категоріи*»...“

Смыслъ искупленія во Христѣ Розановымъ въ конечномъ счетѣ совершенно отрицается, и отрицаніе это исходитъ изъ двухъ совершенно различныхъ основаній. Съ одной стороны—искупительная жертва принесена, крестъ остался въ прошломъ, поэтому христіанское самораспятіе теперь уже только кассація сдѣланнаго Христомъ дѣла искупленія, христіанину „*вовсе не для чего*“ крестъ на себя надѣвать, лѣзть на него; съ другой—оно и въ прошломъ было не нужно, такъ какъ въ исходной своей точкѣ концепція Розанова упраздняетъ всякое понятіе грѣховности, гипостезируя догрѣховное, райски-блаженное состояніе, провозглашая плоть изначально святой, жизнь изъ себя божественной, безгрѣшной. Голгоѳа безсмысленна, потому что она уже реализирована во всей полнотѣ своей въ прошломъ, она безсмысленна и въ прошломъ, потому что и тамъ было все изначально свято. Въ мистическомъ пантеизмѣ Розанова исключается въ концѣ концовъ всякій дуализмъ въ религіозной природѣ человѣка, отрицается и оставляется даже безъ всякаго объясненія, какъ фактъ, всякое трагическое начало, все дисгармоническое...

Нѣтъ у Розанова поэтому боли около проблемы теодицеи, она упраздняется имъ, какъ и все то, что связано съ трагизмомъ неуспокоенной души, что таится въ страшныхъ

расщелинахъ болящихъ мукъ религіознаго дуализма. Розановъ не бунтуетъ, онъ принимаетъ и міръ, и Бога, изъ міра Бога принимаетъ. Онъ обожествляетъ міръ въ самыхъ нѣдрахъ его, въ животной сущности, хотя бы и сатанински страшной, демонически вызывающей, инфернальной;— и оргійное клокотаніе стихій ея и смиренное, трезво плоское смердяковское начало, все на потребу здѣсь... Такъ же и Бога, всякаго Бога, всѣхъ боговъ принимаетъ Розановъ въ земляномъ, чревообильномъ пантеизмѣ своемъ, и Богоживотнаго Вавилона и Египта, животворящее рожденіе всякой плоти, и Іудейскаго Бога-Отца, и красивыхъ боговъ эстетическаго пантеизма эллиновъ, и оргіазмъ... Только противъ Лика Христова бунтуетъ Розановъ, и тутъ въ самомъ исключеніи трагизма изъ его міросозерцанія невидимо возгорается новый, неустраненный имъ и неустранимый въ его концепціи трагизмъ.

Отрицаніе трагизма у Розанова, убѣганіе отъ него *трагично въ глубинѣ своей*. Христоборство его, въ существѣ, безысходно. Какъ за Ницше гналась тѣнь убитаго имъ Бога, такъ Розанова преслѣдуетъ вѣчно вопрошающая тѣнь отвергнутой имъ Голгоѳы, скорбный ликъ Распятаго...

ГЛАВА ПЯТАЯ.

В. В. Розановъ и Фридрихъ Ницше.—„Новый теизмъ“ Розанова и антихристіанство его.—Нѣкоторые итоги и заключенія.

Антихристіанство Розанова имѣетъ много точекъ соприкосновенія съ антихристіанствомъ въ ученіи Ницше, но въ существенномъ они расходятся. Линіи религіозно-философскихъ узоровъ рисунка Ницше смѣлѣе и рѣшительнѣе, они ярче, опредѣленнѣе, выпуклѣе, но, въ концѣ концовъ, В. В. Розановъ идетъ дальше, его узоры сложнѣе, тоньше, извилистѣе, и тамъ, гдѣ они едва видны, они особенно значительны и угрожающе-страшны.

Ницше въ своемъ поклоненіи жизни, въ своемъ болѣзненно-пьяномъ культѣ дѣйствительности, какъ высшей и единственной святыни, въ своемъ дерзновенномъ, хотя вчу-

треннo надломленномъ, человѣкобожествѣ выступаетъ Богоборцемъ явнымъ, исполненнымъ гордаго вызова, въ упоеніи восторга и отчаянія отъ своего сознательно и открыто поднятого бунта. Отъ властно преслѣдующей его *тѣни Бога* онъ пытается укрыться съ неосознаннымъ насиліемъ надъ собой въ дерзновеніи индивидуалистическаго безъудержа, на жуткой крутизнѣ бездонно пустой пропасти Богоотступничества, въ религіи человѣкобожества, заостренной и обнаженной до своего послѣдняго, страшнаго конца. Но отвергнутый Богъ мучитъ его своей загадочно живой тѣнью, въ душѣ вмѣсто успокоенности всеблагословляющаго, всепринимающаго, со всѣмъ примиряющагося оптимизма, обнажаются незалѣчимыя язвы, открывается неизбывная боль глубокаго надрыва, идетъ вѣчно неугомонная борьба съ самимъ собой, съ своимъ темнымъ, съ своимъ тайнымъ... „Слыхали ли вы,—пишетъ Ницше,—о томъ сумасшедшемъ, который въ ясное утро зажегъ фонарь и побѣжалъ на площадь безъ умолка крича: «я ищу Бога, я ищу Бога!» Такъ какъ тамъ толпилось множество невѣрующихъ, то онъ вызвалъ громкій смѣхъ. Не пропалъ ли онъ? сказалъ одинъ. Или онъ сбѣжалъ какъ ребенокъ? сказалъ другой. Можетъ быть, онъ спрятался? Боится насъ? Скрылся на корабль, выселился?—такъ кричали и смѣялись они всѣ вмѣстѣ. Безумный бросился въ средину толпы, пронзая ихъ взоромъ. Куда дѣвался Богъ,—воскликнулъ онъ,—это я вамъ сейчасъ скажу! Мы его убили, я и вы, мы всѣ его убійцы. Но какъ мы это сдѣлали? Кто далъ намъ губку, чтобы стереть весь горизонтъ? Какъ мы могли испить океанъ? Что мы сдѣлали, когда отдѣлили эту землю отъ ея солнца? Куда стремится она, куда стремимся мы теперь? Не падаемъ ли мы безпрерывно назадъ, впередъ, въ сторону, во всѣ стороны? Существуетъ ли еще верхъ и низъ? Не блуждаемъ ли мы въ безконечной пустотѣ? Не объяты ли мы дыханіемъ пустого пространства? Не стало ли оно холоднѣе? Не сгущается ли постепенно мракъ ночи надъ нами? Не должны ли мы зажигать фонарей утромъ? Развѣ вы не слышите, какъ шумятъ могильщики, роющіе могилу Богу? Или вы не ощущаете запаха божественнаго тлѣнія? И боги тлѣютъ! Богъ

умеръ, Богъ пребываетъ мертвымъ!" Здѣсь чувствуется болящій надрывъ въ ницшевскомъ Богоборчествѣ. Ницше, несомнѣнно, былъ уязвленъ силою Божіею, не разъ ощущалъ Его близость въ неравной борьбѣ... „И остался Іаковъ одинъ. И боролся нѣкто съ нимъ до появленія зари"... Борьба ведется въ темной ночи и лицо борющагося съ нимъ остается сокрытымъ въ мглѣ, темнымъ, хотя въ конечномъ счетѣ Ницше „*хромаетъ*" этой особенной хромотой Богоборца. Это невидимое прикосновеніе къ Богу въ глубинахъ новаго религіознаго строительства, въ темныхъ узловыхъ сплетеніяхъ антихристіанскаго человѣкобожества Ницше говоритъ о сложной, невыявленной игрѣ свѣтотѣни въ его Богоотступничествѣ. И здѣсь онъ соприкасается съ еще болѣе сложнымъ, скрытымъ въ тайныхъ намекахъ и темныхъ угадываніяхъ „новымъ теизмомъ" Розанова. Мистическіе отсвѣты и ихъ обманчиво неясныя преломленія въ культѣ жизни, въ обожествленіи естества міра, всего сущаго, сливаются въ обоихъ ученіяхъ. Роднитъ ихъ— обожествленіе жизни въ безконечной силѣ ея творческой мощи: у Ницше въ „вѣчныхъ возвращеніяхъ", у Розанова въ безконечности вѣчныхъ рожденій, въ „розовомъ безсмертіи" вѣчно цвѣтущаго древа жизни. Надломленный Богоборческій „атеизмъ" Ницше и животворящій, „свѣтоносно-земляной," животноплотскій „новый теизмъ" Розанова болѣе всего и сильнѣе всего сталкиваются въ мощной антихристіанской струѣ ихъ настроеній, въ бореніяхъ со Христомъ. Здѣсь антихристіанское дерзновеніе, бурное отчаяніе отрицаній христіанства у Ницше встрѣчаетъ тайное Христо-ненавистничество въ религіозномъ шопотѣ Розанова. Ницше больше имѣетъ дѣло съ христіанствомъ, чѣмъ со Христомъ, Розановъ съ болѣзненно-заостренной, чутко-насторожившейся напряженностью сторонится именноотъ *Лика Христова*, хотя и волнуется постоянно около имени Его, болѣетъ, мучится, хочетъ и не можетъ совсѣмъ, окончательно отойти. Вѣчно неугомонная, вѣчно безпокойная тревога самовопрошаній, самоуговариваній чувствуется у него всюду около Лика Христова. Преодолѣнія даются трудно обоимъ имъ, но у Розанова несравненно больше внутренняго спокойствія, устойчивости, равно-

вѣсія. Болящій крикъ, безумные стоны Ницше чужды Розанову, онъ тише, но и страшнѣе этой своею тихостью. У него не крикъ боли, но шопотъ недосказанныхъ словъ, не стоны, но тихіе, пугающіе вздохи, странно вздрагивающій смѣхъ...

Далѣе, отъ Ницше, какъ и отъ родственнаго ему эллински-языческаго культа красоты, Розанова отдѣляютъ родныя ему краски восточнаго мистицизма, глубины ноуменальнаго въ животномъ, бездна тайности въ чревѣ жизни, въ темнотѣ пола. Но всего болѣе отдѣляетъ его отъ Ницше психологическая разность индивидуальностей. Тамъ, у Ницше, боль и мука „натащеннаго“ на себя оптимизма, надрывъ обоготворенія жизни со страшно стиснутыми зубами отчаянія, гимнъ жизни сквозь ужасъ проклятій, безумный восторгъ неизбывнаго страданія, опьянившая себя усталость болѣній, изнуренность отрицаній и протестовъ, – здѣсь, у Розанова, непринужденность обожанія животной сущности, сладость жизни въ углубленномъ чувствованіи изначальнаго бытія, теплота отъ обильно питающихъ корней, отрада погруженія въ глубь, обаяніе ласково влекущей темноты, вѣчно невѣдомой дали. Тамъ заблудившійся въ себѣ, изнуренный до самопризнанія, до самообожанія трагизмъ, здѣсь—смѣющееся радованіе росту жизни, лучистость и изрѣдка ядовитый смѣшокъ съ жаломъ, съ укусами по адресу всѣхъ, такъ или иначе посягающихъ на жизнь, на плоть, на святость живой плоти, по адресу всѣхъ сомнѣвающихся въ *безусловности* этой святости. Но важнѣе всего для Розанова мистическій отсвѣтъ религіозности Востока, тотъ глубинный, животно-плотскій мистицизмъ, котораго избѣгалъ, не хотѣлъ видѣть, боялся Ницше въ своемъ тоже часто какомъ-то насильственномъ „реализмѣ“. Онъ чувствовалъ шевелящуюся подъ порогомъ его сознанія глубь мистики, гулъ родимаго хаоса, но бѣжалъ отъ нихъ къ истокамъ всяческаго мелководія, къ наукообразному позитивизму, къ натурализму Дарвина..., бѣжалъ..., но не зналъ гармоніи съ самимъ собой. Розановъ несравненно смѣлѣе отдается „касанію міровъ иныхъ“, изъ глубинъ бездны низа— беретъ онъ пи-

таніе для оживленія верховъ реально-конкретныхъ отношеній въ вопросахъ брака, семьи, церкви, общежитія...

Антихристіанство у Розанова не переходитъ, какъ у Ницше, въ атеизмъ, хотя и у Ницше атеизмъ съ мучительнымъ надрывомъ, насильственный, кошмарный, мучительно израненный. Антихріанство Розанова не только не переходитъ въ атеизмъ, а, напротивъ, имѣетъ въ основѣ своей пламенно-горящій, знойно-воспаленный теизмъ, теизмъ рождающаго начала, Отчей Ипостаси. Не во имя атеизма или аморализма отвертывается онъ отъ Христа, и не во имя тоже морали праведнаго, добродѣтельнаго житья, какъ то смутно чувствуется въ толстовствѣ, въ буддизмѣ и его перевоплощеніяхъ, перерожденіяхъ въ философскомъ пессимизмѣ Шопенгауера, не во имя, наконецъ, дерзновенно-вызывающаго, обожествившаго себя индивидуалистическаго безудержа, столь родного и близкаго современной философіи и современному искусству декаданса, а прежде всего и глубже всего — во имя „новаго теизма“, возрождающаго древній теизмъ Востока, іудаизмъ и темныя глуби Вавилона и Египта, Сидона и Тира, фаллизма и астартизма. Въ мистическомъ пантеизмѣ Розанова, чурающемся Христа, въ его скрытомъ и сложномъ ненавистничествѣ противъ Лика Его, съ страшной силою чувственнаго пониманія и углубленнаго проникновенія выражено исповѣдованіе Бога-Отца, Вседержителя-Творца неба и земли, сознательное религіозное исповѣданіе Первой Божественной Ипостаси Святой Троицы — Отчей Ипостаси, Отчества. Ее Розановъ съ силой и правдой ощутилъ въ восточныхъ вѣрованіяхъ, въ дохристіанскихъ религіозныхъ глубинахъ, въ міротворящемъ хаосѣ тьмы, въ животворящихъ нѣдрахъ міровыхъ туманностей. Но въ кругѣ этого исповѣдованія, въ циклѣ „новаго теизма“ для Розанова, какъ мы выше указывали, въ силу страшной сложности его религіозныхъ чаяній и угадываній, оказывается не только непобѣдимымъ, но почти неощутимымъ въ своихъ отличіяхъ отъ Божества, въ своихъ переходахъ и извивахъ, начало сатанинское, бѣсовское... Боги сливаются съ демонами, бѣсами, духами зла въ непроницаемой мглѣ, въ глуби религіозныхъ туманностей древнѣйшихъ вѣрованій, сли-

ваются и срастаются въ единствѣ общаго генеалогическаго древа... Въ этой религіозной дали сѣдой старины древняго Востока сатанинское тѣсно и сложно сплетается въ общемъ таинственно-неясномъ переплетѣ съ Божественнымъ, свѣтъ утопаетъ во мглѣ, поглощается ею и снова изъ нея возгорается. Только въ христіанствѣ, во Христѣ пришедшемъ, Распятомъ и Воскресшемъ, Грядущемъ судить живыхъ и мертвыхъ, съ страшною силой и огненной раздѣльностью ощущается это противорѣчіе, здѣсь раскрывается Божественное, а дьявольское сознается, какъ антихристіанство, сознается и предопобѣждается въ обѣтованіяхъ, въ чаяніяхъ, въ данныхъ христіанской эсхатологіи.

„Сѣмя жены сотретъ главу змѣя“ (Быт. III, 15). „Видимъ убо нынѣ якоже зерцаломъ въ гаданіи, тогда же лицемъ къ лицу: нынѣ разумѣю отчасти, тогда же познаю, якоже и познанъ былъ.“ (I Кор. XIII, 12).

„Новый теизмъ“ Розанова, съ его возрожденнымъ Вавилономъ, неоіудаизмомъ и т. п. составляющими его религіозное міросозерцаніе, — находится уже не въ томъ отношеніи ко Христу, какъ теизмъ *древній*, тамъ была невинность невѣдѣнія, естественная слѣпота, здѣсь — отверженіе, сознательное непріятіе, ослѣпленіе:—видѣлъ и не призналъ, слышалъ и не услышалъ, зналъ и отвергъ, отвернувшись къ своему „*новому* теизму“. Тамъ было дохристіанство, здѣсь уже—антихристіанство. Такъ и сказано въ евангеліи Іоанна: „Если бы я не пришелъ, и не говорилъ имъ, то не имѣли бы грѣха, а теперь не имѣютъ извиненія въ грѣхѣ своемъ“ (XVI, 22). „Если бы вы были слѣпы, то не имѣли бы *на себѣ* грѣха; но какъ вы говорите, что видите, то грѣхъ остается на васъ“ (IX, 41).

Свѣтлое, обѣщающее въ исканіяхъ, въ углубленіяхъ Розанова тѣсно и неотрывно сливается съ темнымъ, пугающимъ, почти невозможно съ опредѣленностью провести рѣзкую грань, гдѣ подлинная религіозность въ немъ, гдѣ „новый теизмъ“ его переходитъ въ антихристіанство; все это еще болѣе осложняется его до послѣдней степени утонченнымъ лукавствомъ, психологической изогнутостью, не то наивной, не то хитрой, запутанностью душевныхъ узоровъ, испещрен-

нымъ всяческими линіями сложнымъ рисункомъ письма. Въ живыя волны настоящаго подлинно религіознаго чувства вдругъ врываются и тонутъ въ нихъ тонкія, но страшно сильныя, струйки столь же настоящаго, подлиннаго цинизма, глубоко запрятаннаго религіознаго нигилизма и хохочущаго, злобнаго невѣрія. Но это все чуть слышно, все— болѣе въ намекахъ, догадкахъ, полусловахъ, въ глубинѣ,- за сценой...

Въ концѣ концовъ, въ основѣ Розановскихъ вопрошаній, недоумѣній, исканій и отрицаній многое важное скрыто, съ чѣмъ придется посчитаться. Многое всколыхнулъ, пошатнулъ, обо многомъ запросилъ онъ въ религіозномъ сознаніи, въ христіанскомъ исповѣданіи. Огромный вопросъ его о *тайнѣ плоти*, о жизни, рожденіи стоитъ передъ христіанствомъ, *мимо* него уже нельзя пройти; осмыслить, перерѣшить, перестрадать его — необходимо. И отъ Розанова, на почвѣ вопрошаній и отрицаній его, около антихристіанства его, уже зарождается, уже загорается, — и разростется, и разгорится, — новая литература, уже христіанская, съ *своими* рѣшеніями его вопрошаній, съ утвержденіями на мѣсто его отрицаній, съ преодолѣніемъ его недоумѣній, это уже не простой возвратъ къ нетронутому старому, а сознательное восхожденіе къ преображенному новому... Мысль о свѣтломъ радованіи на жизнь въ ея тайнѣ рожденія, въ тайнѣ животворящаго начала уже блистала въ религіозно-христіанскомъ сознаніи Достоевскаго, озаряя своимъ новымъ свѣтомъ глубины его художественно-философскихъ проникновеній. И здѣсь по поводу „новаго теизма“ Розанова съ его отступничествомъ отъ Христа почему-то вспоминается намъ одно мѣсто изъ разсказовъ князя Мышкина Рогожину въ „Идіотѣ“ Достоевскаго.

— „На утро я вышелъ по городу побродить, — разсказываетъ онъ, — вижу, шатается по тротуару пьяный солдатъ, въ совершенно растерзанномъ видѣ. Подходитъ ко мнѣ: «купи, братъ, крестъ серебряный, всего за двугривенный отдаю; серебряный!» Вижу въ рукѣ у него крестъ и, должно быть, только что снялъ съ себя, на голубой, крѣпко заношенной ленточкѣ, но только настоящій оловянный, съ пер-

ваго взгляда видно, большого размѣра, осьмиконечный, *полнаго византійскаго рисунка*. Я вынулъ двугривенный и отдалъ ему, а крестъ тутъ же на себя надѣлъ, — и по лицу его видно было, какъ онъ доволенъ, что надулъ глупаго барина, и тотчасъ же отправился свой крестъ пропивать, уже это безъ сомнѣнія. Я, братъ, тогда подъ сильнымъ впечатлѣніемъ былъ всего этого, что тамъ и хлынуло на меня на Руси; ничего-то я въ ней прежде не понималъ, точно безсловесный, и какъ-то фантастически вспоминалъ о ней въ эти пять лѣтъ за границей. Вотъ иду я, да и думаю: *нѣтъ, этого христопродавца подожду еще осуждать*. Богъ вѣдь знаетъ, что въ этихъ пьяныхъ и слабыхъ сердцахъ заключается. Черезъ часъ, возвращаясь въ гостиницу, натолкнулся на бабу съ грудным ребенкомъ. Баба еще молодая, ребенку недѣль шесть будетъ. Ребенокъ ей и улыбнулся, по наблюденію ея, въ первый разъ отъ своего рожденія. Смотрю, она такъ набожно, набожно вдругъ перекрестилась. «Что ты, говорю, молодка?» (я вѣдь тогда все разспрашивалъ). «А вотъ, — говоритъ: — точно такъ, какъ бываетъ материна радость, когда она первую отъ своего младенца улыбку запримѣтитъ, такая же бываетъ и у Бога радость, всякій разъ, когда Онъ съ неба завидитъ, что грѣшникъ передъ Нимъ отъ всего сердца на молитву становится». Это мнѣ баба сказала, почти этими же словами, и такую глубокую, такую тонкую и истинно-религіозную мысль, такую мысль, въ которой вся сущность христіанства разомъ выразилась, то есть все понятіе о Богѣ, какъ о нашемъ родномъ отцѣ и о радости Бога на человѣка, какъ отца на свое родное дитя—главнѣйшая мысль Христова! Простая баба! Правда, мать... и, кто знаетъ, можетъ, эта баба женой тому же солдату была"...

Если этотъ разсказъ символически перенести на канву сложныхъ исканій и отрицаній Розанова, то откроется смыслъ ихъ, и его отказъ отъ креста „полнаго византійскаго рисунка", оловяннаго, выданнаго за серебряный,—представится нѣсколько въ иномъ свѣтѣ. Мысль о новомъ теизмѣ, вплетенная во внутреннюю, интимно-кровную связь, съ истинно-религіозной мыслью „простой бабы", мыслью — „глубокой",

„тонкой"—засвѣтится вдругъ зовущимъ и радостнымъ свѣтомъ „главнѣйшей мысли христіанства", сыновства, любви, радованія Бога-Отца на человѣка, на жизнь... Изъ сложной амальгамы внѣхристіанскаго и противо-христіанскаго теизма, черезъ отрицанія и отреченія его, вдругъ откуда-то изнутри, изъ-подъ почвы брызнетъ волна настоящаго, живого религіознаго чувства. *Подождемъ же осуждать*, ибо „сущность религіознаго чувства, какъ говоритъ Достоевскій устами „Идіота" въ той же бесѣдѣ его съ Рогожинымъ,— ни подъ какія разсужденія, ни подъ какіе поступки и преступленія и ни подъ какіе атеизмы не подходитъ; *тутъ что-то не то, и вѣчно будетъ не то;* тутъ что-то такое, обо что вѣчно будутъ скользить атеисты и вѣчно будутъ не про то говорить"... Отсюда опасность всякой раціональной опредѣленности формулировокъ въ стремленіяхъ выявить ирраціональное въ религіозныхъ исканіяхъ; — *„что-то не то, и вѣчно будетъ не то"* въ этихъ мучительныхъ потугахъ подойти къ настоящему, постоянно лавируя между Сциллой одинокаго молчанія, религіознаго отшельничества и между Харибдой слишкомъ явнаго раціональнаго выраженія, слишкомъ интимно-смѣлаго обнаженія религіознаго исповѣдованія. — *„Не про то* говорятъ и *„вѣчно будутъ не про то говорить"*—не только „атеизмы", но и „теизмы", и случается здѣсь самая неожиданная перемѣна мѣстъ и положеній, самыя неожиданныя открытія, возможность которыхъ всегда необходимо имѣть въ виду въ сферѣ религіозныхъ исканій...

О Розановѣ мы кончили, едва намѣтивъ только основныя линіи узоровъ его ученій, нѣкоторыхъ очень существенныхъ сторонъ, и свѣтлыхъ, и темныхъ не коснулись вовсе, въ надеждѣ — что ихъ коснутся еще, что о Розановѣ будутъ говорить, если не теперь—то позднѣе, —когда просвѣтлѣютъ дали, и литература получитъ большій просторъ, большій досугъ отъ св[illegible] тяжелыхъ, неотвязныхъ, безконечно важныхъ блиц[illegible] задач[illegible] Связываютъ онѣ и заставляютъ и [illegible] мъ хотѣлось бы и чѣмъ нужно было бы, [illegible] ся отъ нашей темы, покончивъ съ ней...

Волжскій.